ДМИТРИЙ
ЗАХАРОВ
РЕ
ПРОДУК
ТОР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Неизвестно, осталось ли что живое за границами Федерации, но из Репродуктора говорят: если и осталось, то ничего хорошего.

Непонятно, замышляют ли живущие по соседству медведи переворот, но в вечерних новостях советуют строить медвежьи ямы.

И главное: сообщают, что Староста лично накажет руководство Департамента подарков, а тут уж все сходятся — давно пора!

Захаров рассказывает о постапокалиптической реальности, в которой некая Федерация, которая вовсе и не федерация, остаётся в полной изоляции после таинственного катаклизма, и люди даже не знают, выжил ли весь остальной мир или провалился к чёрту. Тем не менее, в этой Федерации яростно ищут агентов и врагов, там царят довольно экстравагантные нравы и представления о добре и зле. Людям приходится сосуществовать с научившимися говорить медведями. Один из них даже ведёт аналитическую программу на главном медиаканале. Жизнь в замкнутой чиновничьей реальности, жизнь с постоянно орущим Репродуктором правильных идей, жизнь с говорящими медведями — всё это Захаров придумал и написал еще в 2006 году, но отредактировал только сейчас.

- Дмитрий Захаров
  -
  - Репродуктор
  - Герман
  - Марина
  - Аля
  - Герман
  - Марина
  - Аля
  - Герман
  - Марина
  - Аля
  - Герман
  - Марина
  - Аля
  - Благодарность

Дмитрий Захаров
Репродуктор

© Дмитрий Захаров, 2015
© Сергей Орехов, иллюстрации, 2015

Редактор Елена Терехина

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Репродуктор

Памяти Насти

— Сначала я называла его Малыш, потом — Топтыжка, а сейчас — Пушистик, — сказала Аня и скорчила довольную гримасу. — Он еще немножко подрастет, и я брошу его в медвежью яму.

Она хотела пояснить про яму маленькой Миле, но та ее опередила.

— Плохих медведей всех туда бросают, — сообщила Мила из-под своего огромного голубого, в розовую крапинку банта, — а потом из них делают вещи.

Ане оставалось только кивнуть.

— А из хороших что делают? — спросила Мила, разглядывая игрушечного медвежонка с черными глазками-полумесяцами. Краска с них местами уже слезла, и девочка протянула палец, чтобы коснуться проглядывающих металлических язвочек.

— Из хороших ничего не делают, они…

— У нас в соседнем доме живет медведь! — вдруг выпалила Мила и аж засияла от гордости.

— Вот и нет!

— Вот и да!

— Врешь! — от обиды Аня даже притопнула ногой. — Медведям нельзя жить с людьми.

— Этому можно, — заныла Мила, — он по радио говорит.

— Медведи не говорят по радио.

— А вот и говорят, мы с мамой его слушаем!

Ане не нравилась эта маленькая Мила с ее плаксивым голосом и пузырящимся бантом. Задавака-Мила, которая все знает про медведей. Аня отвернулась и стала баюкать Пушистика, напевая: «Люли-люли, стояла…»

— Его потом тоже в медвежью яму бросят? — примирительно спросила Мила, трогая Анино плечо.

— Бросят, — подтвердила Аня. — Папа говорит, Старосте давно надо всех медведей туда свалить.

— Давай Пушистика сейчас бросим?

— Ты что, глупая? — фыркнула Аня. — Сейчас нельзя, он же маленький. Вот подрастет, и я его на день рождения Старосты брошу.

— А-а, — протянула Мила, — нас на день рождения будут в часовые принимать.

— А нас уже в прошлом году приняли, — прищурив глаза,

заявила Аня и показала Миле язык.

Герман

Утро началось на двадцать минут раньше обычного. Сергей долго скреб дверь, но в какой-то момент, отчаявшись, начал возмущенно повякивать. Похоже, его чувство голода отказалось перейти на зимнее время. Герман разлепил веки, послушал заунывные призывы кота и со вздохом сел на кровати. За окном еще темно. То есть уже темно. Пора бы и привыкнуть на самом деле — все же третий месяц работы пошел.

Он открыл дверь и впустил перса, который тут же принялся вертеться около ног и не давать поймать тапки. Кое-как одевшись, Герман отогнал кота вглубь комнаты и отправился на кухню. Заглянув в холодильник, вытащил бутылку воды и сделал два больших глотка. Горло засаднило, но ясности в голове так и не образовалось. Герман отдернул занавеску и выглянул в окно: снега пока не было, но народ обрядился в шапки или, по крайней мере, обернулся шарфами. Еще неделя — и точно придется доставать зимнюю куртку.

Он щелкнул кнопкой маленького телевизора, посмотрел, сколько времени на «Втором» и, убрав звук, переключился на развлекательный. Пока готовил омлет с колбасой и наливал кофе, по экрану прыгали, заслоняя друг друга, оранжевые, желтые и бирюзовые картинки — шел какой-то сериал.

Снова возник Сергей и начал не только мякать, но и требовательно цеплять когтями Германову ногу. Герман отрезал ему два ломтя колбасы толщиной в сантиметр и бросил рядом с миской. Кот их внимательно обнюхал, но есть не стал, он продолжил ходить за хозяином, ожидая, не перепадет ли что еще.

Опять переключившись на «Второй», Герман сверился с часами и пошел собираться: до работы сорок пять минут, но если идти пешком, это не так и много.

Улица моментально заставила пожалеть, что теплый шарф остался в прихожей: по проспекту Энтузиастов ползал мерзкий холодный хиус, забиравшийся не только под куртку, но и под форменный джемпер. Герман посильнее натянул вязаную шапочку, а через двадцать шагов еще и набросил капюшон. У дверей Репродуктора он долго не мог выудить из внутреннего кармана пропуск, и толстенький усатый охранник — из бывших ментов — очень по этому поводу веселился. Он настолько откровенно скалился, что Герману захотелось перегнуться через турникет и съездить гаду замерзшей перчаткой по зубам. Сдержался. Все время сдерживаешься, заклинаешь себя: еще пара недель. Пара недель, и ничего этого не будет. Вспыхнет все, как

зеленый огонь на Трансформаторных полях, и так же истает. Хочешь запомнить этого конкретного, что ли? Да брось, в самом деле.

В коридорах «Позывного» уже никого не было, дневная смена разошлась по домам, переход в печатный корпус закрыли на засов. Только из вечерней студии слышались голоса, но это как раз нормально, у них еще почти четыре часа вещания.

Герман обошел студии, открывая каждую своими ключами, записал в журнале, что по состоянию на 18:30 «выключенное оборудование обесточено, ЦРУ функционирует во 2-м режиме». Аббревиатура, конечно, козырная. Говорят, когда первый отчет с такой подписью и печатью лег на стол в Старостате, был большой скандал. С тех пор во всех официальных документах сокращения не допускаются, пишут как есть: «Центральный радиоузел». Но для внутреннего пользования ЦРУ так и остался ЦРУ.

Заперев вторую монтажку, Герман свернул в буфет — набрать из титана кипятка для кофе. Двери оказались открыты: тускло горели лампы над выгородкой персонала, кроме того, освещен был и один из дальних столиков. Именно за ним, опершись на одну лапу, а второй водя по разложенным листам бумаги, сидел медведь.

Он казался ненастоящим, как мумия первого Старосты. Большие скругленные уши вертикально вверх, глаза-бусины и шерсть бурыми аккуратными завитками. Все это делало медведя похожим на плюшевую игрушку. Герман не раз замечал, как новые сотрудники осматривают его сантиметр за сантиметром, явно силясь найти заплатку.

Медведя зовут Марф, и он — заведующий отделом политинформации. Говорят, чуть ли не самый старый сотрудник «Позывного», но кто его знает, может, и врут. Сам Марф разговоры о прошлом не поддерживает. Линейщики то и дело пытаются развести его на ля-ля, но толку ноль. Про времена Федерации, как и про медведей, от Марфа можно услышать только в эфире. В передачах он очень сознательный: осуждает там, кого следует, высказывает недоверие… даже притворно негодует. Хотя, может и не притворно — поди пойми. А вот за пределами обитого пробкой «аквариума» студии № 2 Марфа сознательным или раздраженным видеть не приходится. В миру он однообразно скребет карандашом у себя в тетрадке, в одиночестве пьет чай у крохотных иллюминаторов радийного буфета. Или сидит, глядя стеклянными глазами в стену — ведет обычную жизнь плюшевого медведя.

Берлога у него, кажется, в подвале.

— Здравствуйте, Марф, — поприветствовал медведя Герман.

Бурые завитки пришли в движение, и на Германа глянули два зеленых глаза. При этом сам медведь вроде бы даже не поменял позы.

— А, Герман Александрович, — пробасил Марф, — доброго вам.

Он приподнял правую лапу в своеобразном «но пасаран», вдобавок еще и мотнув башкой. Обычно даже во время приветствия политмедведь не отвлекается от своих записей, но тут глаза-пуговицы остались нацеленными на нового посетителя. Герман подумал, что Марф решил из вежливости с ним поболтать, но с ходу не сформулирует тему. Он тут же прикинул, что можно поинтересоваться у медведя ситуацией с антарктической нефтяной экспедицией, телевизор вчера что-то бубнил на эту тему. Герман уже хотел заговорить, когда Марф резко отвернулся, взбил лапами ворох исписанных листов на столе, подхватил несколько верхних страниц и с бешеной скоростью унесся. Должно быть, в студию.

Герман пожал плечами. Он прошелся по буфету, выглянул в мутное окно, сел за медвежий стол и взял первый попавшийся тетрадный лист. Бумага больше всего походила на пергаментный свиток — выцветшая и сухая, с какими-то малопонятными письменами она, казалось, вот-вот рассыплется в руках. В нескольких местах слова были обведены кружками, заштрихованы или подчеркнуты волнистыми линиями. Тут и там вклинивались сноски, восклицательные знаки и какие-то полузвезды. Было совершенно непонятно, что могло вызвать столько эмоций у привычно штрихующего лист медведя. И уж меньше всего эта запись напоминала радийный текст.

Герман еще пару минут поразглядывал медвежьи иероглифы, но так и не понял, писал ли Марф на русском, просто чудовищно коверкая буквы, или же на каком-то своем языке. Он впервые задумался, есть ли у медведей письменность. Вроде была, хотя Герману ни разу не доводилось видеть объявление о курсах медвежьего методом экспресс-погружения или, скажем, русско-медвежий разговорник.

Раздумывая над этой странностью, Герман пошел в аппаратную — он любил смотреть эфиры сквозь стеклянный прямоугольник над режиссерским пультом. Это все равно что попасть на сеанс немого кино: можно представлять, что несущие околесицуведущие на самом деле поют «Боже, царя храни!» или читают по ролям «Макбета». А можно самому придумывать реплики и озвучивать утопших в стеклянном «аквариуме» на любой лад…

Однако эфир у Марфа оказался на редкость скучным: медведь

монотонно зачитывал какие-то списки давно забытых предателей, Германа отчего-то запомнилось не то имя, не то прозвище — Сыромяжка. Слушать это не было никаких сил, Герман вопреки обыкновению сделал обход и еще раз расписался в журнале — теперь уже за время последнего блока информационно-политического вещания. После Марфа еще раз новости, потом гимн и анонсы на завтра (коллега Сабиров называет их «домашним заданием»). Финал в 23:30.

Он нарисовал свою подпись в графе «Проверка», подумал, что неплохо было бы во второй половине смены обойти и верхние этажи, но так и не решил, надо ли. Снова сходил в буфет — теперь за чаем, но нашел там только пакетик мерзкого растворимого кофе «Тропики». Кофе не желал становиться однородным и плавал в кружке бурыми комками, от него пахло прокисшим лавровым листом.

Когда медвежья программа закончилась и Марф со своими листками исчез в коридорах, Герман даже с некоторой радостью запер студию, аппаратную, а затем и весь блок. Он ушел в одну из корреспондентских, где обычно и пережидал время до выключения всего радиоузла. В большом ньюсруме, нарезанном деревянными перегородками на крохотные отсеки-гробы, гнездился хаос. Здесь на полу валялись фантики от конфет, оставшиеся со времен царя Гороха рваные магнитные ленты, раздолбанные часы и вырванные с мясом страницы журналов. На журналистских столах можно было найти фигурку крокодила Гены, кучу никчемных довоенных визиток, семечки и шапку корейского земледельца. По одному из невыключенных мониторов бродила заставка в виде зубастой рыбы с ногами и руками. Рыба водила перед собой горящим факелом и время от времени осведомлялась: «Например?»

Герман сел именно за этот компьютер и, покрутившись на неудобном кресле без подлокотников, открыл сетевую папку с завтрашними установками из Старостата. Первой шла тема отсутствия китайского следа в убийствах в Восточном доке. Надо же, как они до сих пор боятся, что народ поверит в этот Китай, который в словаре рекомендуемых ЦРУ выражений предписывается называть «мифическим». Может, он в самом деле есть? Вот был бы номер! За Китаем шла модернизация школьной программы. Затем акцент на канонах нового национального театра. Блоки на темы портовых стачек и учений на Западном полигоне — значит, действительно там много народу погибло. В конце специально для медведя интригующее — «Четыре типа врагов русского народа». Надо будет послушать.

Герман то и дело поглядывал на часы, ожидая, что цифры

доскачут до 23:20. Когда до конца вещания осталось четыре минуты, он вышел из ньюс-рума и отправился в главную аппаратную. Здесь, среди огромного склада перемигивающейся аппаратуры, он нанес удар в самое сердце Репродуктора. Введя семизначный пароль во всплывшее экранное меню компьютера, он дал команду «Разрешить остановить трансляцию» и дважды ее подтвердил. Компьютер уступил, и Герман сначала выключил его, а потом стукнул по настенному рубильнику, отчего тяжелая пластиковая ручка уехала вниз.

Радиомолчание, как обычно, отделило ночь от дня. Вслед за его наступлением начали закрываться последние дежурные магазины, на центральных улицах стало затухать освещение, а инфодирижабли, хоть никуда и не делись с площадей, теперь кружили наверху тихими мохнатыми тенями.

Герман тем временем уже был в восточном крыле. Он пролетел дважды поворачивающий коридор, весь в портретах «зубров» ЦРУ, нацарапанных детской рукой. Оглянулся убедиться, что никто за ним не идет, и только тогда сунул в замок ключ, который еще на ходу снял со связки. Нырнул в темную комнату, запер дверь с той стороны, а затем еще и задвинул засов. На ощупь добрался до стола, где громоздилась какая-то аппаратура — два раза перешагивал через ящики и сваленные в кучу старые режиссерские пульты. Включил маленькую настольную лампу, которая тут же разбросала по комнате рваные тени, и наконец плотно задернул оконные портьеры. Так, на всякий случай… Комната приняла вид пещеры с зажженным в дальнем углу небольшим костром, не хватало куска мамонта на вертеле. Впрочем, цыплячья нога в соусе карри — как ее подают в кафе «Моцарт» — тоже могла бы сгодиться.

Цыплячьей ноги не было. В кармане нашлась только горсть сухого печенья «Школьное», которое Герман как-то выгреб из редакционной конфетницы. Он бросил пару печенюшек в рот и попробовал разжевать их с минимальными для себя потерями.

Пройдя к тумбе в углу, рядом с входной дверью, он стащил с нее сначала старый телевизор без задней крышки, а затем кусок запыленной пленки. За пленкой обнаружился потертый пластиковый ящик с кучей ручек на передней панели. Герман вытащил из-под ящика объемный серый сверток и аккуратно распеленал массивные наушники. Он сел прямо на пол, нацепил их и щелкнул тумблером — в левом нижнем углу ящика зажегся красный диод.

В «ушах» гудел космос. Гудел без всякого намека на разумную жизнь, которая, тем не менее, существовала. Герман даже знал, где ее искать. Он принялся крутить ручку настройки вправо — в

сторону азиатской частоты. Азия по-прежнему была на проводе. Монотонный голос бубнил что-то чуждое здешним ушам, при этом интонационно подпрыгивая и вроде бы даже смеясь.

— Козлы, — беззлобно сказал Герман и покрутил ручку дальше.

Следующей шла частота местной музыкальной волны. На ней никогда не встречалось ничего путного, но Герман каждый раз на несколько секунд здесь задерживался — сам не зная зачем. Нужная станция была третьей.

— … считаете это результат, профессор? — спросил жирный баритон из приемника, когда Герман нащупал в эфире искомую точку.

— Мракобесие, которое накрыло лучшие вузы побережья, пляшущая сама на себе средневековщина, — да, это вполне результат, — отвечал внушительный бас, — и они еще как следует не проголодались. Экстрасенс-дружины, родноверские ополчения, «Семь седьмиц» — только младенчество чудовища…

Герман зацепил беседу с гостем в студии, самый финал рубрики «Хорошая слышимость» Максима Крамника. Говорили о реформе высшей школы, сертификации преподавания истории и реадаптации. Гость называл происходящее «деградационной революцией». Крамник играл в сторонника «родного стандарта» и хамил почище федеративных ведущих.

Герман слушал вполуха, он ждал новостей в 00:30.

— Вот этот случай с Савинковым, — вспоминал профессор, — старший часовых сдал его прокурорским, и теперь парня судят за чтение детям исторической литературы! Вы вдумайтесь только, как это звучит!

— Не только судят, но и посадят. Что же, по-вашему, закон соблюдать не следует?

— А если вам завтра законодательно запретят чистить зубы или, не знаю, носить носки?

— Смотря для чего. А если не чистить зубы необходимо для спасения нации?

— В «Боко харам» так примерно и говорили. Не надо погружаться совсем-то в абсурд!

— Нет, надо, Яков Александрович, еще как надо! Но продолжим раскопки храма безумия после выпуска новостей.

В эфире забарабанили позывные старой наутиловской песни «Хлоп-хлоп» — фирменная отбивка итогового выпуска.

— В новостях, — глубокомысленно уронил Вечерний Пилот (настоящего его имени Герман не знал): — Старостат Федерации снова вынужден вбросить на внутренний рынок двести триллионов рублей. Никаких официальных заявлений по этому

поводу, как обычно, не последовало. По мнению наших аналитиков — их вы услышите в программе Александра Нагорного «Немного личного» через двадцать минут, — кризис федеративной денежной системы очевиден. Кроме того: один из помощников Старосты отправлен в отставку. Его должность упразднена. Через пару минут вместе попрощаемся с товарищем Кузнецовым… Очередная попытка 57-й армейской бригады пройти сквозь Трансформаторные поля провалилась. Наблюдатели говорят о двух-трех десятках погибших. Ну и новости от наших собкоров из-за океана. Это «Отечественная волна». Если вы нас слышите, постарайтесь остаться с нами…

Герман хмыкнул. Эти вот их фразочки — самый смак. Сто раз слышал, а все равно здорово. Лева Семага из линейного шлепает их на самодельные значки, переделанные из детских или партийных. Шрифты подбирает малопонятные, а в угол лепит стандартную картинку. У Германа тоже есть парочка: один с портретом Старосты («Врет как Староста»), другой с галстуком вроде пионерского («Затяни потуже, товарищ!»). С галстуком он пару раз цеплял — когда премию в концертном зале вручали и на новогодний сабантуй прошлогодний. Со Старостой еще не приходилось. Может, на общее собрание…

— По сведениям, которые распространило в 10 утра командование тихоокеанской группировки Альянса — а они ссылаются в первую очередь на данные спутника Glasgow, — на северо-западной границе Федерации снова замечены более десяти сожженных танков. Как отмечается в сообщении, эти танки принадлежали 57-й ударной бригаде, которая за последние два месяца уже трижды предпринимала попытку пройти сквозь Трансформаторные поля. Результат… ну, о результате вы уже слышали. Десяток сгоревших машин, более тридцати погибших, количество раненых неизвестно. Нужно ли говорить, что командование 57-й бригады опровергло сведения о потере танков? Интересно, однако, чьи еще Т-96, по мнению товарищей генералов, могут сейчас ржаветь на границе Федерации? — Пилот выдержал ехидную паузу. — Те, кто имеет возможность связаться с нами, могут попробовать самостоятельно ответить на этот вопрос. Телефон в студии: 39–17—82 и 39–17—17. Это «Отечественная волна». Мы говорим — вы слышите.

Герман сидел около приемника еще минут двадцать. Можно было, конечно, тянуть и дольше, но это уже становилось опасным: по инструкции он должен совершать обход студий каждые полчаса. Возможность забить имелась разве что в том случае, если под рукой оказывался телефон. Однако он отсутствовал. А значит, существовала пусть и небольшая, но вполне реальная

опасность, что Германа в какой-то момент дернут на внеплановый отчет о происшествиях или вдруг припрется пьяное руководство, которому непременно потребуется в кабинет. Или еще что-нибудь в этом же роде. Оставайся Герман в «жилой» части здания, он бы отреагировал вовремя, сейчас же терялась любая возможность коммуникации.

В сотый раз поднеся к глазам часы, он вздохнул и, уже не раздумывая, щелкнул тумблером приемника. Герман снова укутал его пленкой и как можно бережнее навалил сверху телевизионные останки. Он завернул в тряпку наушники, но на сей раз не положил их под приемник, а сунул в кучу раздолбанных пультов и компьютерных внутренностей. Потом погасил лампочку и вышел.

Марина

Марина сидела на подоконнике, обхватив руками колени, и разглядывала простывшую утреннюю улицу. Вид был так себе: две прилепленных друг к другу общаги пялятся в Маринино окно своими треснутыми стеклами в облезлых рамах. Наискосок — пафосно-скучная зеленая коробка «Федбанка», она прячется за зелеными дверьми, зелеными шторами и циклопическими зелеными буквами названия на крыше. Почему оно все, кстати, зеленое?..

Прямо под окном тихо шуршит узкая и малолюдная Турбинная улочка. Машины по ней могут ехать только в одну сторону, да и то ре-е-едко. А люди могут в любую, но все же предпочитают в сторону магазина «Осень», может быть, это оттого, что там дешевые помидоры…

Где-то в глубине квартиры, кажется, на кухне, задребезжала телефонная трубка. Марина вытащила сигарету из синей пачки «Собрания» и закурила. Телефон продолжал звонить. Марина отыскала взглядом поставленный на верхнюю полку шкафа портрет Вертинского, подмигнула ему одним глазом, после чего глаза вовсе закрыла. Курить в темноте — куда приятнее.

Несколько минут ничего не было, только табачный аромат под гнусавый телефонный аккомпанемент. Потом что-то зацокало по паркету. Это, конечно, пришла Собака. Марина вынырнула из приятной полудремы и посмотрела в сторону лохматого пса, отчаянно виляющего белым пушистым хвостом. Все еще пиликающую трубку Собака держала в зубах.

Марина вздохнула.

— Зверюга! — сказала она животному и протянула руку за телефоном.

— Да! — Марина постаралась вложить в этот вопль всю возможную ненависть к миру, который снова пробует дергать ее за ниточки.

— Ой, — захихикала на другом конце провода Серафима, — ну ты даешь! Так и удар может хватить.

Марина забарабанила пальцами по подоконнику.

— Фима, — сказала она гораздо мягче, но все равно зло, — ты же в курсе, что у меня еще три дня отпуска? Так какого ты меня тиранишь?!

Серафима продолжала хихикать.

— Маруся, мне звонил Толя. Сказал, в три совещание руководящего состава по общей информационной политике. Ну какой у нас руководящий состав без тебя, ведь правда? Давай,

бросай там все и приезжай, поболтаем заодно.

— Вы меня третий день подряд из-за всякой ерунды дергаете, — обреченно сказала Марина.

— Да-да-да, — резвилась Серафима, — мы — сволочи. А я тебе говорила: в отпуск надо — ездить. Села и уехала, тогда точно никто не достанет.

— Да ты же сама в курсе, что ехать тут некуда, — хмыкнула Марина. — Ладно, через полчаса машину присылай…

Водитель опоздал. Она ждала его на крыльце, ковыряя каблуком бетон и рассматривая какие-то новые сооружения на детской площадке — жирафов, что ли? Когда же машина все же подхватила Марину, и та удобно расположилось на заднем сидении, выяснилось, что поехали не обычной дорогой, а какими-то закоулками. Поначалу она еще узнавала места: вот Червонная, вот Юго-Восточная, комплекс «Галактика» проехали. Затем началось что-то совсем несусветное, какие-то гаражи вперемешку с серыми девятиэтажками.

— Сегодня проспект Матерей перекрыли, асфальтируют, — сказал, перехватив ее удивленный взгляд, водитель, — поэтому едем через восточную часть и Энтузиастов.

В результате добирались на 15 минут дольше обычного. Когда машина остановилась около парадного входа «Позывного», на часах было уже без четверти три. Времени — ровно чтобы подняться на третий этаж, схватить ручку и ежедневник и доскакать до места совещания.

Она почти побежала мимо кабинетных дверей с массивными медными табличками: начальник того, консультант сего. Серафимина дверь от лестницы налево — шестая по левой же стене. На табличке прописными буквами — «ПРОГРАММНЫЙ ДИРЕКТОР» и инициалы. Без имени и фамилии. Серафиме это очень нравится, она чуть не визжала, когда ей эти медные вензеля доставили. Толя стерпел: буркнул, мол, совсем с ума посходили, но и только.

— Ценит! Ценит, Толечка! — торжествовала тогда Фима…

На Марининой двери никакой таблички нет вообще. Нет, ну «личный ассистент» — это ведь не должность, это больше походит на «жена декабриста», по сути, приговор. «Помощник» звучит несколько уничижительно, а «заместитель» — явный перебор. Поэтому — обойдемся: просто кабинет, просто работа, просто Марина Камильская.

Когда Марина только перешла на «Позывной» с федеративного телевидения, табличку все же хотелось. Казалось, без нее непонятен статус. Она даже думала, что, будь Серафима мужиком, сказали бы, мол, все понятно, притащила любовницу.

Но ввиду их с начальницей гендерной незаинтересованности все же стеснялись.

Глупые люди.

Уже в приемной Марина наткнулась на Фиму и нескольких начальников отделов, остальных, видимо, пригласили раньше. Долго здоровалась со всеми за руку — теперь здесь так принято.

— Ну что, можно, наверное, заходить? — непонятно у кого спросила секретарша.

Кто-то открыл дверь в зал и сказал: «Сначала дамы, потом — хамы». Марина поморщилась.

Это был парадный зал радиоузла. Комната, которую делали для приемов и торжеств всего федхолдинга, но которая после переезда других подразделений досталась станции целиком. До сих пор руководство «Позывного» так и не додумалось, чем можно заполнить эти пол футбольных поля. Ограничились развешиванием портретов по стенам (собралась полная коллекция старост), установкой узкого деревянного стола персон на 40 и двух рядов кресел — по правой и левой стене. Таким образом, в одной комнате теперь могла собираться вся редакция, за исключением разве что техников-линейщиков. Но таких общих собраний на памяти Марины не было ни разу. На всех же остальных совещаниях, проходивших в «генеральном» зале, присутствовавшим нередко казалось, что они брошены в просторный склеп с евроремонтом.

На сей раз за столом собралось человек двадцать. Замы директора — трое в одинаковой степени неаппетитных мужиков за сорок в той стадии накопления пуза, когда речь уже начинает идти о переходе на второй центнер. Все в блеклых рубашках, двое — в неброских галстуках. Плюс к этим мушкетерам в отставке — редактор с замом, молодой еще парень в очках и коротко стриженая зеленоглазая девка около тридцати. Начальники отделов, два инженеров и собственно они с Серафимой.

Во главе стола сидел сам гендир — Толичка Абазов. Анатолий Николаевич. Лауреат и передовик. Сильно пьющий мальчик неопределенного возраста, слегка небритый и слегка опухший. Растерянный взгляд его покрасневших глаз никого из собравшихся не удивлял. Все привыкли, что Толя ежечасно делает для себя открытия, практически заново познает мир.

Удивляло другое. Рыжая тетка в жутком брючном костюме расцветки дешевых кухонных обоев, подпиравшая гендира справа.

— Кто это? — тронула Марина Серафимин рукав.

Фима склонилась к Мариниому уху.

— Черт его знает, — прошептала она, — поди из Общегражданского надзора прислали. А может, от родноверов.

— Все в сборе? — кашлянув, осведомился Абазов. — Тогда начинаем.

Потом зачем-то встал и по-отечески оглядел своих сотрудников.

— Начнем мы сегодня с того, что предоставим слово Тамаре Сергеевне, — сообщил он, растирая большим пальцем правой руки ладонь левой, — она наш куратор и она… выскажет несколько соображений.

Тамара Сергеевна тоже встала.

— Здравствуйте, уважаемые! — сказала она, водя глазами поверх голов собравшихся. — Я приехала сегодня донести до вас некоторые позиции, — тут тетка сделала паузу, которая, очевидно, должна была показаться многозначительной. — Мы будем говорить о той функции, которая на нас ложится в связи с сегодняшним временем.

— На нашу преподавательницу старослава похожа, — прикрывшись ладонью, шепнула Серафима. — Она все время о себе во множественном числе говорила.

Тамара Сергеевна тем временем продолжала. Она рассказывала про «ветеранские организации, которые задают нашу повестку». Про народ, «однозначно высказавшийся за сохранение традиций». Про «наши общие ценности». Это все были предварительные ласки, по которым еще нельзя судить, насколько жестким окажется сношение.

Ветераны, матери федерации или, скажем, школьные отряды часовых имели обыкновение осуждать, утверждать, а равно и принимать исторические решения. Они могли основать или поддержать многовековую традицию. Заявить протест. Начать акцию. Съесть бутерброд. Черта лысого. Значение имело только кураторское резюме.

— Портовые медведи, — услышала Марина, — как нам докладывают, совместно с так называемым «Японским выбором» готовили акцию устрашения. Не будем вдаваться в детали, но там взрывчатка и не только, — Тамара Сергеевна снова выдержала многозначительную паузу. — Такое вот у нас время сейчас.

Кто-то удивленно кашлянул, но высказываться тем не менее не стал.

— Как вы понимаете, Старостат не может в такой ситуации игнорировать призывы общества, — докладчица постучала ногтем по крышке стола. — Поэтому, опираясь на поддержку более чем 83 % опрошенных, решено вернуться к практике медвежьих ям. Конечно, в исключительных случаях и по приговору народного суда.

— А я давно предлагал, — тихо, но отчетливо сказал один из

замов.

Тамара Сергеевна понимающе кивнула с полуулыбкой. Она как будто говорила: да я и сама сколько раз предлагала, но ведь не слушают.

Марина оглядела собравшихся: ужас читался всего на двух-трех лицах, Фима задумчиво смотрела в пол.

— Можно поинтересоваться, откуда взяты данные про порт и поддержку ям? — услышала она свой голос и с опозданием отметила, что нарушает сразу два правила: не дает Абазову заговорить первым и не поднимает руку перед вопросом.

Дама-куратор едва заметно скривила губы.

— Девушка, можешь подойти спросить после совещания, — сообщила она, — если ты сама не знаешь таких очевидных вещей.

Марина только сжала зубы и удивленно сощурила глаза.

— Мне бы все же хотелось, чтобы вы при всех обозначили источник этих сведений, — она сделала ударение на «вы», но дама-куратор намека предпочла не понять.

— Я уже все тебе сказала.

Марина вдохнула и выдохнула, закрыла и открыла глаза, улыбнулась.

— Простите, конечно, но я что-то не припомню, как мы выпивали на брудершафт.

Кто-то снова кашлянул. Или даже крякнул. На несколько секунд повисла тишина, в которую постарался без промедления вплыть Абазов.

— Про 83 % не скажу, но мы тоже пару недель назад проводили опросы на сходную тему. Ну, несколько более расширенно, правда. Анжелика, вы помните показатели?

Зеленоглазая Лика похлопала ладонью по плотной папке, прогрызенной черными тесемками.

— Вот-вот, — продолжал Абазов, — динамика, хотим мы того или нет. И такая проблема этот порт, мы, Тамара Сергеевна, всё сознаем. Просто, поймите, может, несколько внезапно…

Тамара Сергеевна не слушала.

— Детский сад какой-то, — сказала она зло и тут же исчезла из Мариниого поля зрения. Видимо, села за стол, где ее заслонили замские профили.

Возражений и замечаний не последовало. Стали обсуждать, как готовить сопровождение ям в развлекательных программах. Подачу в новостях куратор уже сформулировала. Марина все оставшееся время молчала — благо поразить ее чем-нибудь было уже в общем-то невозможно.

После заседания Серафима первым делом утащила ее в холл.

— Марина, что ты творишь? — зашипела она. — Зачем на нее

напрыгивала?

— Я?! — изумилась Марина. — Ты слышала, что эта дура несет? И хамить еще мне будет?! Ты, кстати, знаешь, кто она вообще такая?

— Представления не имею. Раз Толя ее пригласил, значит, так надо.

Марина фыркнула.

— Толя не знает, где у нас линейная служба сидит, он на прошлой неделе звонил, спрашивал.

В руке у Серафимы вдруг оказалось зеркальце в витиеватой серебряной оправе.

— Где линейная сидит — не знает, а вот в политике он сечет, — сказала Фима, внимательно разглядывая линию бровей. — Не лезла бы ты, Маринка, в то, чего не понимаешь.

— Давай-давай, Фима, расскажи мне, как мою корову доить. Я вот тебе напротив пообещаю, что пойду к Толе — разговаривать про цифры поддержки. Это же дичь совсем! Шапкозакидательство!

— И чего ты хочешь добиться?

— Да не прыгать в это все сейчас. Официально запросить у Исполнения наказаний…

Серафима покачала головой.

— Ладно, дорогая, это как тебе больше нравится. Тогда до вечера, я побежала в Старостат — там по программной сетке будет совещание в пять. Пока-пока.

И Фима, помахав ручкой и чмокнув воздух алыми губками, улетучилась. Она мелькнула в своем кабинете, уже с белой сумочкой в руке материализовалась на лестнице и минуты через четыре катила в номенклатурной карете по Аукционной улице.

Серафима Эггерт — запаянная в деловое костюмное мини. С аккуратным белокурым каре, с холеными руками и удаленными родинками на подбородке и около левого глаза. Это Фимка-то… Фимка Самарина. Та самая, которая в школе ходила в штанах-хаки, татуировала себе запястья летучими мышами. Которая играла на ритме в «Станции имени Алистера Кроули» и какой-то еще своей группе, что-то там про зубной порошок в названии. Она пела «говно нас всех победит», у нее был хит — «Танго уродов»… И вот Фимка — программный директор. Заведующая группой медиаисследований при Старостате. И кто-то там еще — по партийной линии.

А Марина у нее личный ассистент. Или помощник. Неважно.

Марина вернулась в кабинет, немного походила из стороны в сторону и села за компьютер. Залезла через Фимину учетку и отсортировала все сюжеты с прямым заказом Старостата за

последние полгода — с тех пор как начались походы сквозь Трансформаторные поля. Таких было 27.

Задребезжал телефон.

— Как же вы все мне дороги! — сказала Марина, разглядывая высветившийся номер. Никаких сюрпризов, это, конечно же, звонил Толичка.

Аля

Заявка, которую принесла Марта, была из секретариата Старостата. Четыре красных пакета категории «В». Гербы, ежедневники, ручки с гравировкой в прозрачных футлярах, шарфы Старосты и губные гармошки. Почти стандарт.

— Кто-то из замов в Пароходство поедет, — сказала Марта, — там сегодня юбилей, что ли, какой. Или, может, после прошлых арестов… не знаю. Нам, кстати, опять календарь дат не выдали. Уже шестое число, а календаря нет. Совсем без Любочки распустились.

Аля кивнула и забрала бланк. В Пароходство так в Пароходство. Без разницы.

Она пару раз набрала номер Протокольного сектора, послушала длинные утробные гудки и брякнула трубку обратно на зазубренный рычаг. 10:12, наверняка девицы упорхнули на перекур. А может, и в Спортивный комитет подались — это у нас в порядке вещей.

— Посидишь пока на приеме, — сказала она уткнувшейся в монитор Светке. Та, не оборачиваясь, дернула плечом.

— Это «да»? — уточнила Аля.

— Все может быть, — отозвалась Светка.

Ну, продолжай выделываться, если тебе так хочется. Напринимали по объявлениям… Аля, подавив внезапно вспыхнувшее желание треснуть Светку по затылку, тряхнула головой и направилась к дверям. Идя по сектору, она зачем-то хлопала левой рукой по столам и легонько от них отталкивалась.

Уже на выходе она показала Лидии Мефодиевне свою заявку и получила четыре плотных бордовых пакета из рифленой бумаги. Поначалу даже пять — два склеились, но это быстро обнаружилось при пересчете. Аля протянула лишний пакет обратно табельщице, разочарованно улыбнувшись. Жалко, конечно. Впрочем, все равно за проходную не удалось бы вынести, ВИП-пакеты довольно здоровые. А если их пытаться согнуть, мнутся и теряют товарный вид. Так что без толку.

Следующей остановкой был сектор Официальной символики. Это направо по центральному коридору Департамента подарков и потом лифтом на третий этаж. Не самый удачный маршрут, потому что именно на третьем столовая, а к ней по центру всегда тянутся желающие ухватить булочку, салатик или компот. Радует только то, что еще рано, и столпотворения быть не должно.

Две недели назад Аля признала первое серьезное поражение в борьбе с департаментом: от туфель на шпильках пришлось

отказаться. Когда в тебе сто пятьдесят семь сантиметров роста, это очень отчаянный шаг, но иначе здесь просто невозможно. Стоит один раз попытаться пробежать по этажам в час пик, чтобы выйти на дилемму — или ты, или шпильки. Аля еще долго продержалась: ей понадобилось сначала потратить пятьдесят минут на поход в Дизайнерскую, полтора часа на туда-обратно в Оранжерейный, а затем дважды со всей дури навернуться на лестнице между вторым и третьим, при попытке сходить на обед во время собственно обеда. В первых двух случаях дело обошлось письменными замечаниями, а вот при падении запросто можно было себе что-нибудь и сломать. В общем, каблуки годятся максимум для передвижений внутри сектора, и то если умеешь очень быстро переобуваться, когда тебя швыряют в другой конец департамента. Девчонки давно перешли на сабо и тапочки; Людка, так та вообще в кедах, хотя это, конечно, и не поощряется…

На сей раз в центральных коридорах почти никого не было. Человек, может, двадцать на всем отрезке от Общего сектора до лифта. Интересно, в это время всегда так или сегодня просто повезло? Аля вместе с двумя девицами и дамой учительского вида: в скучном сером костюме, с папкой под мышкой и в огромных очках, — долго ждала, пока лифт спустится с четвертого. Девицы все время о чем-то шептались, тыкаясь друг другу в ухо. Але подумалось, что могут и ее обсуждать, она даже незаметно одернула блузку и попробовала принять отстраненный вид.

До Официальной символики добраться удалось быстро. Аля только ненадолго остановилась перед отделом Символического подарка, заметив, что грузчики ставят на стеллажи одинаковые голубые коробки, перетянутые красной лентой. Символических подарков в общем учетном листе совсем чуть-чуть, около двух десятков, и она знала все позиции наизусть. Выходит, привезли что-то новое.

— Эй, — позвала Аля спихивающих коробки с багажных тележек парней, — а это кто у вас внутри?

Тот, что был дальше, оглянулся и, секунду поразглядывав девушку, снова стал бросать синие упаковки. Второй деланно неспешно скосил глаза в ее сторону и хмыкнул:

— Чего, сама не видишь? Подводные лодки.

— Какие еще подводные лодки?

— Написано: «Героически погибший ударный крейсер «Никита Кожемяка», масштаб 1:86», теперь все понятно?

Аля фыркнула и пошла дальше. Что еще за погибший крейсер? Ерунда какая-то.

В Официальной символике она долго выбирала шарфы. Табельщица сектора не пошла с Алей на склад, просто открыла обитую листовым железом дверь и снова отправилась пить чай и слушать радио. На складе было холодновато, Аля даже не смогла бы наверняка сказать, есть здесь вообще отопление или нет. До потолка поднимались металлические стойки, полки которых размещались одна над одной, на них теснились холщовые и полиэтиленовые мешки разных размеров. Стойки не различались ничем, кроме малопонятной маркировки, и было абсолютно ясно: не зная, где и что здесь искать, можно провести на складе не один день.

По счастью, табельщица указала Але, что шарфы — это северо-восточное направление, секция 332Б, а губные гармошки искать и вовсе не нужно: они хранились где-то в другом месте, и их вроде бы должны отдать на выходе. Но несмотря на то, что секция 332Б нашлась на удивление легко, быстро завершить дело не удалось. Распотрошив три рядом лежащих пакета, Аля выяснила, что те длинные красные шарфы, которые им обычно доставляли, вовсе не единственно возможные. Также имелись желтые с красной вышивкой — стилизованное солнце, схематичная Главная башня, лаконичный текст: «И его костер взовьется до небес» (подпись под цитатой отсутствовала, но и так было понятно: это про Старосту). Обнаружился и третий вариант: красный шарф с несколькими длинными «хвостами», каждый из которых заканчивался маленькой пришитой звездочкой.

Выбор всегда давался Але непросто, а тут и вовсе наступило замешательство. Она раскладывала и складывала шарфы, повязывала их разными способами и прикидывала, как они будут смотреться в комплекте с другой символикой. Она понимала, что глупо так тщательно выбирать сувенирку черт знает для кого, но ничего не могла с собой поделать. уже вроде бы остановилась на «хвостатом» варианте и даже, отобрав четыре шарфа, пошла к выходу, но потом передумала и вернулась, взяв на сей раз желтые. От стояния на холоде ноги в легких сабо замерзли так сильно, что в конце концов к выходу Аля побежала. Пол гулко ухал.

Табельщица Алин подвиг не оценила.

— Долго ходишь, — сказала она и, пересчитав шарфы, разбросала их по стоящим на столе пакетам. Гармошки — стандартные, с бордовой крышечкой — уже лежали на дне. Табельщица расписалась в заявке и снова вернулась к радио: передавали аудиоспектакль по Михалкову.

Канцелярский, куда теперь нужно было Але, располагался на этом же этаже, но совсем в другом крыле. Можно и за полчаса не

добраться, если не знать одну хитрость — ее рассказала Але Марта. Вместо того чтобы обходить пол-этажа по общим коридорам, следует нырнуть в Спортивный комитет и, пройдя его насквозь, выбраться через служебную дверь — буквально в десяти метрах от Канцелярского.

— Смотри, молчи только об этом, — предупредила Марта. — Я даже нашим не всем рассказываю. Сама сообрази: если весь департамент будет знать про этот путь, для нас с тобой он будет закрыт. Так что губки на замок, поняла?

Аля молчала. Да и кому рассказывать? У нее подруги только в Дизайнерской лаборатории и в Мягком презенте, им через Спортивный без надобности.

Спортивный, наверное, самый забавный сектор. Он такой же большой, как Оранжерейный или Канцелярский, но куда более интересный. В нем можно часами ходить по зимнему подотделу и рассматривать стиляжные лыжные куртки или, например, вязаные шапочки разных форм и расцветок — с символикой главных городских предприятий и армейских частей. Аля подумала, что кое-кто из ее отдела (да и не только из ее) так, пожалуй, и делают. А когда в Спортивный привозят новую демисезонную линию, тут хоть билеты на показ продавай, очереди после рабочего дня выстраиваются. Это, конечно, не приветствуется. Поэтому в Спортивном и контролеры свои есть — как на подбор чудовищные хамы, да и весь персонал туда только после дополнительной проверки набирают.

На входе в комитет Аля помахала бланком категории «В», и ее пропустили, даже не приглядываясь к бумажке. На этот раз она дала себе слово ничего по дороге не рассматривать, иначе недолго и опоздать. Сразу забрала вправо и пошла сначала через Общий спортсектор, а потом через Игровой. В Игровом она еще ни разу не была. Здесь стояли огромные корзины с разноцветными мячами, по стойке «смирно» замерли шеренги синих «динамовских» лыж и клюшек «Сокол», по стеллажам были разложены хоккейные наколенники со звездами и шлемы с нарисованными армейскими вымпелами.

Вдруг прямо за спиной звякнул колокольчик. Аля испуганно отпрыгнула в сторону и, обернувшись, увидела, что по проходу на велосипедах катятся двое людей в строгих костюмах и при галстуках.

— Лыжню! — весело крикнул один из них, заметив Алино удивление. — И не заплывайте за буйки!

Костюмные граждане ехали мимо, обсуждая уместность велосипедов у них на работе.

— Я тебе говорю: и для коридоров, и по полю вполне

подходят, — уверял крикнувший Але коротко стриженный блондин лет тридцати.

— Не знаю, Коля, не знаю, — сомневался брюнет постарше, — может, все же лучше вместо них теннисные наборы…

— Леша, теннисный набор Сергею Павловичу в прошлый раз дарили…

Совсем оборзели эти министерские, подумала Аля, глядя вслед велосипедистам, скоро прямо здесь людей давить начнут. Эта встреча на просторах Спорткомитета на сей раз оказалась единственной. Несмотря на то, что раньше она ходила другим путем, Аля без приключений добралась до служебного входа, который показывала Марта. Она немного опасалась, что дверь могут закрывать на ключ, но опасения не подтвердились. Аля вышла из Спортивного и сразу увидела Канцелярский.

Здесь перед дверьми собралась небольшая очередь: две девицы, скорее всего, из Протокольного, официальный дядечка с лицом, спрятавшимся под шляпой и мутными очками, несвежие тетки из Почтового и помятый длинный парень — черт знает откуда. Дядечка долго фотографировал Алю чудовищно толстыми линзами очков, а одна из теток презрительно поджала губы, когда она приблизилась. Что ей не нравится? Никто же ее не кусает. Стояла бы себе и стояла, корова фригидная.

Аля взглянула на часы — время еще было не обеденное.

— Вы не знаете, что у них там случилось? — спросила она у парня. — Проблемы какие-то?

— Девушка, неужели непонятно, — тут же подала голос коровья тетка, — технический перерыв. Можно ведь подойти к дверям и прочитать.

Она обернулась к своей коллеге и, качнув головой в сторону Али, сказала совершенно отчетливо, хоть и понизив голос: «И вот такие и у нас теперь».

— А можно помолчать, когда тебя не спрашивают, — сказала в ответ Аля.

Тетка на удивление промолчала, только презрительно поцокала.

Стоять пришлось еще пятнадцать минут. Потом двери открылись, и запустили сразу всех. В Канцелярском чудовищный штат, трудно даже понять, что они там все делают. Но хотя бы очереди у них быстро продвигаются.

Аля показала заявку на комплектацию девочке азиатского вида, совсем молоденькой, может быть, прямо из лицея. Та пробежала глазами список и тут же исчезла в закромах сектора. Аля проводила ее удивленным взглядом. Странно, подумала она,

по-моему, раньше я эту кореянку видела в Презентационном. Или не эту? А если эту, то что она тут забыла?

Получив ежедневники с оттиском солнца на кожаной обложке, бархатистые черные футляры с прозрачным верхом и дорогие перьевые ручки, Аля успокоилась. Большая часть работы сделана. Всего полтора часа прошло, а у нее уже весь комплект на руках. Теперь только нанести гравировку и упаковать — до обеда должна управиться, а ей крайний срок на 14:00 ставили.

Чем ближе подступало обеденное время, тем более многолюдно становилось в коридорах. На пути в Юбилейную службу она уже ускоряла шаг, чтобы лавировать между сотрудницами со значком Почтового или Курьерского, мальчиками из Спортивного и еще кучей неопознанных граждан. Але несколько раз наступили на ногу (один раз пятку впереди идущей тетке отдавила она) и дважды пихнули в бок.

Уже завернув за угол, где начинались кабинеты Юбилейной, она не смогла не остановиться на несколько секунд перед витринами Ликеро-коньячного сектора — полюбоваться, как девочка и мальчик (она — в полупрозрачном розовом платье, он — в смешном, будто бы пажеском бирюзовом костюмчике) раскладывают по специальным нишам только что привезенные бутылки какого-то розового вина. Аля подумала, что это наверняка еще довоенный массандровский портвейн. Такой легкий и терпкий, она пила его, когда с подружкой после девятого класса без спросу сбежали к двоюродной бабке на юг, на самую границу.

В Юбилейной какой-то длинный сухой дед лет семидесяти долго разглядывал Алину заявку, жевал губами и что-то сам себе шептал. Потом зачем-то попросил удостоверение — хорошо, что она его не оставила в столе, — можно подумать, в департамент мог попасть кто-то с улицы. Наконец, старик махнул рукой в сторону кабинета с табличкой «Подотдел нанесения текста».

В кабинете сидел усатый гравер и, как показалось Але, скучающе разглядывал автобусную остановку за окном. Взяв принесенные ручки, он скептически повертел их в руках.

— С чем теперь приходится работать, — покачал головой, — хреновейший пошел материал.

— Чем вам материал не нравится? — обиженно поинтересовалась Аля. — Это, между прочим, для категории «В» ручки.

— Что «В», что «Б» — сплошное «г», — усмехнулся гравер и подмигнул Але. — Небось, никогда паркер настоящий не видела? Да конечно, не видела. Это еще при старой Федерации было. Вот то, я тебе скажу, был материал, не стыдно в руки брать.

— Не знаю, — сказала Аля, — какой такой паркер, но это вполне нормальные ручки. И давайте вы с ними начнете уже работать, а то обед скоро.

В Таре и упаковке, последнем на сегодня месте посещения, работала Юляша — Алина двоюродная сестра. Красивая девочка с курчавыми черными волосами и восточным разрезом глаз. Живая и неусидчивая, привыкшая по-детски радоваться и огорчаться по поводу всяких милых пустяков. Как ей удалось сохранить это качество к своим двадцати пяти — она была младше Али на два года — кто его знает. Но удалось, и Аля это знала наверняка. Поэтому она не особо удивилась, застав Юляшу рыдающей в очередной одноразовый платочек. Десятка два использованных бумажек были уже валялись на столе.

— Опять? — спросила Аля, садясь около сестры и протягивая к ней руки. Юляша всхлипнула и почти повисла на Але. Она замотала головой так сильно, что даже боднула сестру в челюсть. Та молчала, просто гладила Юляшу по волосам. Они сидели, обнявшись, минут пять, пока Юляша не прекратила вздрагивать и не полезла в ящик стола за зеркальцем.

— Скажешь, что случилось? — спросила Аля, признаться, не особо желая втягиваться в разговор о свинском поведении Коли или кто там сейчас на повестке. Да кто бы ни был. — Я вот сегодня весь день ношусь по этажам, собираю пакеты в Пароходство, — она постаралась предупредить Юляшину попытку снова заплакать. — Ничего не успеваю. Марта говорит, в этот раз квартальной премии, скорее всего, не будет, план не выполняем. У вас-то, поди, с этим все путем?

Юляша кивнула и, взглянув на себя в зеркало, обреченно махнула рукой.

— Меня вообще выгонят, — сообщила она, опустив голову на стол. — А я все равно думаю, что нельзя медведей выкидывать. Я так им в Мягком презенте и сказала. А потом всех в сумку спортивную собрала…

— Каких медведей? — удивилась Аля. — Из Мягкого выбрасывают медведей?

Вместо ответа Юляша встала и прошла к дальнему столу. На нем, брошенные друг на друга, лежали три располневшие красные сумки, с какими обычно спортсмены ездят на сборы.

Юляша потянула молнию на одной из них, и из сумки тут же показалась медвежья башка. Всклокоченная, песочная, с фальшивой мини-заплаткой вместо носа. Аля знала такие игрушки (в каталоге Мягкого презента они шли сразу после чебурашек), это были очень смешные ушастые медведики с большими голубыми глазами и короткими увесистыми лапками.

Их дарили морякам, пилотам дирижаблей и тем, кому вручался орден «За заслуги». Где-то в газете даже печатали фотографию с гагаринцами, держащими на ладонях такие вот игрушки.

Расстегнув сумку до конца, Юляша выгребла оттуда целую охапку маленьких медвежат, высыпала их на стол и снова отчаянно замотала головой.

— Вот видишь, — прошептала срывающимся голосом.

Аля, конечно, видела и не могла понять, что не так с этими игрушками. Вроде бы такие милые. И уже столько лет… да и зачем выбрасывать-то?!

— А что они сказали? — спросила она, продолжая разглядывать лежащего на боку и будто подмигивающего ей медведя. — Срок годности вышел?

— Да какой срок годности, — Юляшу опять одолели слезы. — Мне эта дура, которая выдает, заявила, мол, медведь теперь вражеский символ. И что она всегда это знала. «Это гадко — пичкать героев такими поделками, — передразнила Юляша, — хорошо, что в Старостате это вовремя поняли».

— И что, ты их всех стащила?

— Они их скидали в коробку на выброс. Я и забрала.

Вот ведь дурочка, подумала Аля, обняв сестру и положив голову ей на плечо. Кому еще придет в голову тащить черт знает откуда три сумки песочных медведей? Только этой идиоточке, только ей.

— Алечка! — причитала Юляша, — но мы же их все равно отсюда не унесем. Нас же не выпустя-а-ат.

Аля закрыла глаза.

— Не реви, Юляшечка, — приговаривала она, — спасем мы твоих медведей. Правда-правда. Разложим по подаркам… по вот этим, которые я несу, по другим — завтра и послезавтра. Не реви, кому говорю.

Открыв глаза, взглянула на свои наручные часики.

— Юляша! — почти взвизгнула она. — Уже десять минут обед! Быстро давай упаковывать! Бегом!

Герман

На самом деле один раз он уже пробовал уходить — в четырнадцать лет. Конечно, это была, скорее, детсадовская вылазка, чем что-то осмысленное. И тем не менее.

Тогда они вместе с Левкой Шурвиным пытались угнать катер береговой охраны. Долго ползли по горячему асфальту порта, прятались за грудами гнутой арматуры, с полчаса возились с замочным тросом, который до этого намеревались перекусить за минуту. Левка порвал куртку и протер штаны на коленях. Герман разодрал локоть и влез кроссовкой в гудрон. Страшно напекло затылок и шею, хотелось есть, но еда была только для второго дня плавания. Они рассчитывали на два дня.

Катер взяли, когда Левка с Германом все же завели двигатель. Даже по прошествии восемнадцати лет Герман отчетливо помнил смешанный запах бензина, моря и какой-то сгнившей в лодке дряни. Помнил дикие Левкины глаза и крик: «Давай! Сильнее рви!» Помнил, как пограничник без фуражки пальнул в воздух и стал неспешно спускаться с пригорка, держа короткоствольный автомат наперевес. Помнил тряску в милицейском «бобике» и гнусавый голос сержанта, заполнявшего протокол. И сырой воздух камеры, и растрепанную мать, и разбор на школьном совете.

Это было глупо, но интересно. Никуда в то время уплыть на самом деле не получилось бы — они даже не представляли, что находится в ста метрах от охраняемого периметра.

Впрочем, сейчас тоже непонятно, что может быть через пять километров в сторону Трансформаторных полей. Наверное, Китай. Не могло его совсем размазать, вранье это. И то, что из порта идет, — явно китайская кустарщина. В любом случае Вагель должен такие вещи знать.

Герман названивал Шурику Вагелю до самого вечера. Это был его детский еще приятель, неожиданно для всех ушедший из института в армию и дослужившийся до полковника Восточной бригады войск. Два месяца назад стал начальником погранзаставы в районе вахтенного поселка Фрунзенский. Герман еще тогда отметил, что вот он — вполне реальный коридор.

Вагель взял трубку, когда на часах был уже одиннадцатый час.

— Привет, — сказал Герман, — это Герман Еканов. Надеюсь, помнишь еще?

Говорить по телефону подробно не стали, сразу решили встретиться.

— У меня нельзя, — предупредил Вагель, — слишком все прозрачно. Ты где работаешь?

— На ЦРУ.

— Где-е?

— На Центральном радиоузле.

— А-а, это еще хуже. Давай что ли, в спортзале. Ты на Мусоргского знаешь зал. В бывшей школе?

— Найду.

— Тогда завтра часиков в семь. Сможешь?

— У меня завтра выходной. Но лучше в два.

— Ну ладно, в два.

Зал был маленький и вонючий, да и вся школа имела не лучший вид. На входе вахтерша с торчащими из носа длинными черными волосами долго допытывалась у Германа, куда тот идет да кто разрешил. Потом он не смог открыть в раздевалке ни один ящичек. Плюнул и прошел в зал прямо в одежде, только ботинки снял.

Вагель сидел на груде грязных матов, каждый из которых был усыпан омерзительными пятнами. На Шурике был синий спортивный костюм с белой полосой. Вагель пил минеральную воду «Надежда» из пластиковой бутылки и ехидно поглядывал на приятеля детства.

Герман пожал Шурику руку и без слов присел рядом. Сначала сидели молча, потом прошли обязательную процедуру: родители, братья-сестры, кто женился, у кого сколько детей.

— У тебя-то с Викой как? — спросил Вагель.

— Не знаю. Я ее уже полгода не видел.

— Срань господня! — поразился тот. — Вы все офонарели, что ли? Вы же лет шесть…

— Семь.

— Да-а-а, — вздохнул Вагель, — ублюдство какое-то сплошное.

Они еще помолчали. Шурик задумчиво возил вверх-вниз застежку своей спортивной кофты, Герман разглядывал неработающие электронные часы: их унылый прямоугольник с будто бы выколотыми контурами нулей висел на разделяющей окна перегородке.

— Ладно, — сказал Вагель, — выкладывай, чего хотел.

Герман эту речь даже репетировал: несколько раз проигрывал свои слова, возможные реакции Шурика, возможные ответы на его вопросы. Но теперь он вдруг смешался и забормотал что-то сбивчивое и крайне нелепое. Про режим и самовыражение, про изоляцию, про внешние горизонты… Горизонты, твою мать!

Шурик тем не менее суть схватил моментально.

— Блядь, — снова вздохнул Вагель, — вот я, Гера, чего-то такого от тебя и ждал. — Он протянул руку и достал из-за матов фляжку. — На вот, раздави со мной.

Во фляжке был спирт. Герман глотнул и с непривычки закашлялся. Вагель понимающе похлопал его по спине.

— Говно придумал, — сказал он, когда Герман перестал кашлять и аккуратно сделал второй маленький глоток. — Там некуда уходить. Вообще ни шиша, только мертвые камни да нечисть шаробродит.

— Ты ее что, видел?

— Не, сам не видел. Но восьмая застава два месяца назад долго отстреливалась от каких-то упырей снаружи. Шестерых наших положили, так их СБ упаковала потом в черные мешочки и увезла. Семьям только по открытке выдали.

Герман вернул фляжку.

— Это могли быть и китайцы, — сказал он. — До войны в той стороне были сплошь их деревни. Может, и сейчас живут.

— Хрен знает. Может, и китайцы. Только парни говорят, они прямо по полям шли. Это я не знаю, каким китайцем надо быть…

Вагель сделал большой глоток и отставил фляжку обратно за маты:

— Если пробовать уходить, то только морем, в сторону Японии. Что с Китаем — неизвестно, а Япония-то точно есть.

— Не доказано, — заспорил Герман, — ни об одном доплывшем слышать не приходилось. А партизанщина вся местная.

— Да нет там уже никакой партизанщины, — Вагель встал и прошел к турнику. Ловко подпрыгнул, уцепился за перекладину и начал резво подтягиваться. — Ладно. Хрен тебя свернешь, я понял. От меня-то чего надо?..

Как и договорились, в полдевятого вечера Герман стоял во дворе дома на перекрестке Промысловой и Советской Армии. Сквер отделял этот район от дороги, и вокруг стояла такая тишина, что казалось, будто попал на кладбище. Впечатление усиливали мрачные полуразвалившиеся фигуры гипсовых пионеров, понатыканные в сквере и на входе во двор. Рядом с тем местом, где под козырьком подъезда от мелкого дождя прятался Герман, к груди прижимала коньки двухметровая девочка: от одной из ее рук остался только каркас, а на невысоком постаменте стояли рядком пивные бутылки. Девочка этого не замечала, она осуждающе смотрела в серое небо.

Вагель опоздал на пятнадцать минут. Шурик был без зонта, но прикрывался армейским дождевиком.

— На, — сказал, протягивая Герману затянутый веревкой зеленый матерчатый мешок. — Тут форма, быстро влазь в нее и пошли. Машина с той стороны поста.

Он огляделся в поисках пригодного для переодевания места и тут же распорядился дуть в подъезд. Однако все близлежащие подъезды оказались на кодовых замках, а времени искать что-то еще не было. В итоге Герман пристроился под каким-то навесом на детской площадке. Он сбросил ботинки и залез на один из раскрашенных под мухоморы пней. Это превратило переодевание в диковинный малоприятный танец. Германа серьезно прохватило ледяным ветром, армейские брюки и гимнастерка оказались холодными, видимо, мешок долго лежал на земле.

— Что, и ботинки менять? — спросил он Вагеля, с тоской ощупывая тонкие подошвы принесенных летних туфель.

Шурик в ответ только усмехнулся.

Герман скомкал свою одежду и запихнул ее все в тот же мешок.

— Сойдет, — одобрил Вагель, включив карманный фонарик и быстро оглядев новоиспеченного капитана. — На умеренное чмо потянешь.

Он вытащил из кармана бутылочку и сунул ее замерзшему приятелю:

— Давай — глотни для согрева и маскировки.

Герман понюхал горлышко — это был суррогатный коньячный напиток.

— Ну, и говно же вы пьете, — сказал он Шурику и сделал большой глоток.

Второго дождевика у Вагеля не было, и Герману пришлось идти как есть. Он прикрывался маленьким складным зонтом, но это совершенно не спасало: дождь усилился. Ноги промокли уже на третьей минуте похода, и Вагель высказался, мол, это даже полезно, Герман будет выглядеть еще большей свиньей, чем задумывалось.

Шли по едва освещенным улицам минут пятнадцать. За это время Герман успел порядком промокнуть да еще и черпануть левой туфлей воды, случайно влетев в глубокую лужу. Вагель беспрестанно матерился на погоду. Когда до пункта осталось два перекрестка, они соорудили пластическую композицию: обнимая Шурика за плечи, Герман повисал на нем, а тот аккуратно поддерживал «загулявшего» товарища. Этим малым театром они проплыли вдоль бесконечной стены казарм, вышли на дорогу и двинулись к освещенному пятну перед самым КПП.

Всю сцену проноса пьяного дружка через пост Вагель взял на себя. Насколько Герман мог понять, Шурик имитировал

подготовку к какой-то проверке. Сначала он поручил держать лжекапитана одному из солдат, потом бегал звонить кому-то прямо на пост. Громко орал в телефонную трубку: «Запишите в мою смену!» — и вообще устроил такой переполох, что заниматься Германом постовым было некогда, они почти полным составом носились за Вагелем и вслушивались в его указания. Через полчаса солдаты аккуратно перетащили капитанское тело за периметр и уложили его на заднее сидение машины. Еще минут через десять нарисовался Вагель.

Автомобиль был странный, Герман долго пытался опознать салон, но сделать этого так и не смог. Ему даже показалось, что машина не отечественная, а японская. Только не мог понять, зачем ее перекрасили в серый и хаки: камуфляжные пятна заметил, когда его тащили.

— А чего мы сразу не проехали как белые люди? — поинтересовался Герман у снимающего фуражку Вагеля.

— Потому что, Гера, тогда бы мы перлись к автотранспортным воротам, это еще полкилометра, и проходили бы процедуру досмотра, записи номеров в карточку и все тому похожее. А еще там стоят камеры, и мне не очень бы хотелось фотографироваться с твоей мордой.

— А здесь, можно подумать, не стоят.

— Здесь — нет. Это калитка для своих. Сюда вообще никто, кроме нашей заставы, не суется…

Дорога оказалась кошмарной, освещавшие ее фонари были отставлены друг от друга на немилосердные расстояния. Ехать приходилось очень медленно, и все равно то и дело машина подпрыгивала на камнях или начинала крениться на левый бок. Справа бесконечной темной пустыней тянулись Великие трансформаторные поля — мертвый пейзаж, обнажавшийся только когда лучи пограничных прожекторов начинали вычерчивать по сопредельной территории сложные узоры.

— Тут до самой нашей точки такое дело, — сказал Вагель, кивая в сторону полей, — горелый шлак и ни хера больше.

Глядя в окно, Герман вдруг вспомнил, как сюда отправлялась Ленка.

В последний вечер, когда все собрались, она уже не ревела, а просто тихо качалась на стуле. Ее отец, дядя Коля, снова капал в стакан валокордин. Мать, тетя Таня, плакала, а на полу возле нее сидели Герман с братом Борькой и не знали, что делать. Герман прокручивал в голове разные варианты побега, один фантастичнее другого. Борька тоже о чем-то думал, кусая губы.

Ленка была их двоюродной. В детстве они вместе строили дома из диванных подушек и регулярно получали за это. Потом

дядя Коля устроил дочь в Горный институт, очень этим гордился и хвастал ее оценками на всех семейных посиделках. И вот Ленку как горного геолога мобилизовали в секретную армейскую экспедицию за периметр. Само собой, добровольцем.

Тетя Таня уже без сил шлепала себя рукой по виску.

— Надо прятать ее в гараже, — причитала она, — Коля, ты слышишь меня?

Дядя Коля рассеяно кивал и протягивал Ленке стакан. Та отпихивала его руку.

Через два дня Ленкина экспедиция стала четырнадцатой, что ли, неудавшейся попыткой пройти сквозь поля…

Наблюдательный пункт, к которому ехали Вагель с Германом, оказался оборудован прямо в скале. В камне были грубо вырублены разные по размеру ступени, ведущие вниз, в маленькую душную комнату-пещеру. Свет давала стоявшая на сбитом из необтесанных досок столе керосиновая лампа. Благодаря ей становилось понятно, что в дальней стене прорублено маленькое — разве что голову высунуть — оконце, а из мебели кроме стола в наличии только два табурета.

— Этого пункта как бы нет, — объяснил Вагель, — он еще довоенный, и непонятно, кому принадлежал. Командование у себя в планах не нашло, хотя территория, конечно, наша. И еще один такой на четвертой заставе есть. Мы пользуемся, но на баланс он не принят. Поэтому как бы необорудованный.

— Артефакт, — хмыкнул Герман. Он обошел комнату, разглядывая в свете фонарика сваленные в ее углах предметы: здесь были ящики из-под минометных мин, тяжелые бинокли, стопка старых газет и две пары резиновых сапог. — А козырные у вас интерьеры.

— Ну так! Мощь рабоче-крестьянской Красной армии!

Вагель зажег еще одну лампу и уселся на трехногий табурет у стола.

— Надо пожрать, — объявил он. — Кстати, принеси один бинокль, будем смотреть за погодой.

Герман поднял с ящика тяжеленный металлический прибор на ножках и уронил его на стол. Вагель привычным движением закрепил ножки, накрутил приближение, но сам смотреть не стал.

— Можешь полюбопытствовать, — предложил он Герману, — правда, до утра все равно ни черта видно не будет.

— Хочешь сказать, что мы здесь будем до утра торчать? Разве в светлое время идти не сложнее?

— А мы никуда уже не пойдем, — сообщил Вагель, доставая из кармана свой коньячный напиток и присасываясь к бутылке. — Просто некуда. Здесь, Гера, самый край.

— Подожди, — Герман сел на табурет напротив Шурика. — Коридор-то где? Это еще куда-то надо двигать?

Вагель хмыкнул, мотнул головой и уставился на Германа:

— Какой коридор? Мы же ехали — ты сам все видел, мы по самую жопу в полях. Здесь крайняя точка, выступ в их территорию. Но это, блин, слепая кишка, она никуда не ведет.

Герман тоже пристально посмотрел на Шурика. Нет, не похоже, чтобы издевался.

— То есть прохода нет? — уточнил он.

— И не было.

— Так какого хрена ты меня сюда привез? — тихо спросил Герман. — Ты с самого начала все знал и потащил меня сюда? Я там кота уже пристроил, вещи распихал…

— Ты бы все равно не поверил, пока не посмотрел. Гера, тут такая хуйня… это самому надо прочувствовать. Посмотреть и понять, что нет больше ни хрена. Ни Китая, ни Индии, ни Европы, в жопу объединенной… Вот выгляни туда, нет, ты выгляни! Посмотри, видно тебе объединенную Европу? Да, блядь, ты внимательнее смотри! Вдруг краешек торчит где-нибудь. Нет? А вот то-то, Гера! Это вот и есть самое заповедное западло… Каждый день обходишь эту срань по периметру и смотришь в биноклик: не появилось ли там чего? А хрен тебе. Только поля эти злоебучие. И вправо, и влево, и под землю если копаться — все равно.

Вагель снова приложился к бутылочке. Сделал пару жадных глотков и с размаху приземлил коньячный напиток на стол.

— Пиздык! — объявил он. — Смотри и впитывай. Метущийся, блядь, интеллигент…

Дальше сидели молча. До конца Шуриковой смены было еще часов девять, и Герману ничего не оставалось, кроме как время от времени поглядывать в бинокль. Черный пейзаж не менялся ни на штрих. Даже смутное ощущение Германа, что поля должны хотя бы тускло подсвечивать рельеф, не подтвердилось. Пока блуждающий луч прожектора с наблюдательной вышки не начинал поглаживать какой-нибудь кусок земли, он оставался темным и неподвижным. Как только луч уходил, все снова темнело и совсем пропадало.

Вагель пошарил в одном из минометных ящиков, достал оттуда круг копченой колбасы и сухари и принялся все это жевать. Герман от протянутого куска отказался.

Когда колбаса кончилась, Шурик объявил, что идет на боковую, достал из другого ящика спальник и, сняв форму, устроился у стенки.

— Хреново же вы нас тут охраняете, — заметил Герман. —

Если даже граница спит, то что говорить об остальной федеративной армии.

— Успокойся, — махнул Вагель, — никому вы на хер не сдались. Все стычки на заставах днем бывают, это железяка. Если хочешь — в ящике еще мешок есть. Не хочешь — не надо. Тогда спокойной ночи. Сиди переваривай.

Шурик снял с руки часы и положил их рядом со спальником на камень. Затем подтянул к себе засунутый в угол радиоприемник и покрутил ручку настройки.

— Поставь-ка на окно, а то не ловится ни фига, — попросил он Германа, — это у нас заместо колыбельной.

Герман кое-как установил коробку на узкой каменной полке, и вдруг через шипение из динамика быстрой злой скороговоркой затараторила «Отечественная волна». Корреспондент скороговоркой начитывал новости.

— …по вопросам организации удаленного рыбного лова. Эксперты оценивают шансы этого начинания как близкие к нулю. По неподтвержденным пока сведениям, в поселке Гагаринск — вспышка белой лихорадки. Туда тайно направлены специалисты Федеративной клинической больницы № 12. Можно ли ожидать объявления карантина? Об этом через пятнадцать минут в «Часе Дракона»…

— А, — усмехнулся Вагель, заметив удивление приятеля, — ты, поди, думаешь, что мы деревянные на голову совсем? Так это тут первое дело, Гера. Любимые сказки на ночь: Староста-мудак и все-все-все. Шикарно.

Герман внимательно посмотрел на ухмыляющегося Шурика, снова лакающего свой поддельный коньяк.

— И давно это вы… просвещаетесь? — спросил он.

— Давно, — зевнул Вагель и снова стал заворачиваться в спальник. — Ты мозги мне больше не ешь, а ложись спать. Мы с тобой через четыре часа обратно поскачем. Счастья вам, девушки…

Марина

Кабинет Толички был обычно задымлен до такой степени, что уже при входе начинало подташнивать. Абазов курил исключительно дрянь вроде «Примы» и «Полета», так что даже курильщики со стажем быстро начинали задыхаться и тереть глаза. Хитрая Фима поэтому предпочитала вытаскивать директора в буфет, а если это не представлялось возможным, разговаривала с порога. Марина, стоя перед открытой дверью с надписью «Генеральный директор. Советник информации», засомневалась, надо ли туда идти. Но выбора не было: войти все равно придется, потому что ей до Фиминого мастерства еще расти и расти.

Толичка сидел за столом в высоком кресле коричневой кожи и ножиком с ониксовой ручкой точил карандаш. Точнее, кромсал: грифель все время крошился, и от карандаша оставалось все меньше и меньше. Перед Толичкой красовалась полная раздавленных окурков черная башня — красивая, явно импортная пепельница в рыцарском стиле. На ее боку даже имелся какой-то щит с малоразличимым девизом.

Увидев Марину, Абазов тут же включил вытяжку и махнул рукой в сторону двух рыжих стульев — садись.

— Ну и что это такое? — поинтересовался директор у Марины.

Та промолчала. Она уже давно научилась не отвечать на риторические и двусмысленные вопросы начальства. Вместо этого взялась внимательно изучать благодарственные письма и дипломы, висящие в рамках за абазовской спиной. Их было столько, что стена проглядывала только эпизодически. Анатолия Николаевича благодарили директора и коллективы, Министерство культурного надзора и Совет казачьей молодежи, лично прокуроры, полковники войск связи и какие-то другие, менее заметные граждане. Наконец, чуть левее и выше подголовника директорского кресла помещалась фальшивая голова полярной совы со строгим и даже, пожалуй, осуждающим взглядом. Марина знала, что сову эту Толичке подарил нынешний Староста в те удивительные времена, когда Старостой еще не был. Что-то там у них имелось совместное: проект какой-то или, может, играли за одну хоккейную команду. Фима даже уверяла, что на одном курсе учились, но это как раз сомнительно.

— То есть ты хочешь сказать, что все нормально? — продолжил диалог сам с собой Абазов. Он взялся искать на столе сигареты, не нашел и стал поочередно выдергивать ящики

стола. — Я так и не понимаю, на кой хрен ты взялась хамить этой курирующей мымре?

— Это она взялась мне хамить, — возразила Марина.

— Слушай, — поморщившись, сказал Абазов и в поисках сигарет исчез под столом, — тебе какое дело? Она от тебя чего-то требовала? Кусала тебя? Нет. Несла пургу и несла. Надо прыгать на одной ноге — будем прыгать на одной ноге. Надо жечь медведей — будем жечь медведей. Мы — ландскнехты, нам это до одного места. Я вот послушал, отряхнул уши и пошел дальше. А доводить ее — как себе в руки нассать, и это ссанье себе же в лицо выплеснуть. Очень хочется писать объяснительные чекистам, что ли?

— Она же не из совета Старостата, — сказала Марина, — я проверила. Патриотическая общественница какая-то. Мы теперь и у таких подлизываем?

— Да какая разница! — рыкнул Абазов. — Совет, министерские полпреды, партийные наблюдатели — какая разница, откуда она взялась? Я тебя спрашиваю, зачем нужно было нарываться?!

Марина глубоко вдохнула. Ей отчего-то вспомнилось, как школьный завуч Василина… вроде бы Кирилловна спрашивает: «Почему же вы такие злые дети?!» — и выжидательно смотрит на класс.

— Вы на самом деле ждете ответа? — спросила она тихо и зло.

— Жду.

— Отлично. Тогда можно я схожу за своей должностной инструкцией?

— Пиздец какой-то, — непонятно кому сказал Абазов и ушел к окну. Там он все же обнаружил открытую пачку, вытащил сигарету и закурил.

— Вот почему надо слушать этот бред про 83 %? — вспыхнула Марина. — Кто-то в это правда верит? Нет, все понимают — вранье, но продолжают строить глазки и надувать щеки. Блядь! Да что вообще происходит? Сидят лауреаты, профессионалы, руководители журналистские. И кивают по поводу того, что всех надо перестрелять, перевешать, в ямы побросать. Может, Староста распорядился не перечить дегенератам?!

— Следи за языком! — прикрикнул Абазов. Он отчаянно покрутил пальцем у виска и, выпучив глаза, показал на телефон.

Марина невольно посмотрела на черный, усыпанный разноцветными кнопками аппарат с маленьким экраном автоопределителя номера. Да знаю я, что тебе слушают, подумала

она, вот уж секретов-то я наговорила…

— Значит так, — сказал Толичка, воткнув в черную башню окурок и достав новую сигарету, — отправляйся-ка ты, дорогая, в отпуск.

— Я и так в отпуске, — сквозь внезапно накатившую усталость улыбнулась Марина. — Разве только вы меня туда отправите насовсем.

— Тогда чтобы больше во время отпуска я тебя здесь не видел, — предупредил Абазов. — Когда выход?

— В следующий вторник.

— Мало. Считай, что твои творческие каникулы — по дрессировке собственных понтов — продлены до конца месяца…

Марина вышла из абазовского кабинета и подмигнула секретарше Маше. Смешная такая девочка, совершеннейшая насмешка над каноном длинноногих волооких красавиц. Маленькая, с вечно растерянным выражением веснушчатого лица и совершенно без косметики. Откуда ее такую выкопали?

— Закончилось? — зачем-то спросила Маша.

Марина кивнула:

— Мы немножко поспорили по одной из программ, не бери в голову. Анатолий Николаевич был, как обычно, прав.

Она наискосок пересекла безлюдную приемную и дважды с силой толкнула дверь, прежде чем та открылась. Спускаясь по лестнице, Марина подумала, что все идет по кругу: всего полгода назад она после похожего разговора выходила из другого кабинета — на Втором канале. Там, правда, не было таблички «Советник информации», там вообще ничего не было. Когда-то кабинет занимала спортивная редакция, в нем долгое время сидели мальчик баскетбольного роста и рыжая угловатая девочка — комментаторы. Марина никогда не бывала внутри, но, изредка проходя мимо, недоумевала, чем эти двое занимаются большую часть рабочего дня. Казалось, они запрограммированы на выполнение двух задач: либо скучающе разглядывать стены за спиной друг друга, либо галдеть над заставленным рыбными консервами столом — так они отмечали какие-то бесконечные праздники.

Потом у «спортсменов» кабинет отобрали. В нем быстро организовали ремонт и вынесли старую мебель. Когда в обновленные апартаменты въехал синий в кремовую полоску костюм, розовый галстук и золотые запонки, собственно сам Валерий Авдеевич, то никакой таблички ни на двери, ни рядом с ней не появилось. Просто как-то сразу стало известно, что теперь на сверку материалов — именно сюда, и не еженедельно, а перед верстkой каждого выпуска. А после первой сверки выяснилось,

что к полосатому костюму следует ходить с уже распечатанными текстами и проставленным хронометражем.

Марина тогда была вторым редактором утренней смены. Это только звучало внушительно, на самом деле приходилось собирать разные архивные глупости для блока неофициальных новостей. Десять лет назад самый жирный в мире кот жил в Нидерландах, за два года до войны опыты выявили, что регулярное употребление бананов увеличивает шанс на рождение двойняшек, примерно в это же время северные кулинары начали готовить особый соус из медуз… Поначалу ее отчеты, похоже, никто даже не думал просматривать. Гостю из Общественного контроля хватало игр и с более серьезными партнерами. Однако на втором месяце работы Валерий Авдеевич — низенький очкастый мальчик, даже младше Марины, — все же вызвал ее к себе.

— Вы понимаете, что это такое? — растягивая губы в ломаную саркастическую линию, спросил он.

Марина посмотрела на собственноручно составленный список сюжетов. Совсем крохотная трехчастная врезка. Какие-то европейские, что ли, скейтер поставили некогда рекорд в катании по перилам. Потом японцы запустили в серию телевизор, передающий еще и запахи. И австралийские благотворители проводили конкурс по приготовлению гигантских сэндвичей — на пятитысячном стадионе. Вся еда в пользу бездомных.

— И что с этими сюжетами? — искренне удивилась Марина.

Общественный мальчик ехидно улыбнулся:

— А вы совсем не понимаете, Марина Владимировна?

— Совсем не понимаю.

— Да ладно, — сказал он, резко смывая с лица всю деланную приветливость, — все вы понимаете, — и вдруг заорал: — Перестаньте делать из меня идиота! Какие это акценты вы пытаетесь расставлять своей подборкой?!

Дальше было еще пять минут крика, по истечении которых Марина так и не уяснила, какое преступление пыталась совершить. Мальчик тем временем звонил Мариниому начальству: жаловался и угрожал.

— Я снимаю два сюжета, — объявил он в финале, широко расписываясь на листке с анонсами.

— Каких? — поинтересовалась Марина.

— Слушайте, вы это серьезно?

— Абсолютно.

— Естественно, про телевизоры и благотворительность. Уверяя зрителей в якобы успехах японской техники, вы заставляете их верить в иностранное превосходство. А про

благотворительность Австралии… Ну это уже просто за гранью добра и зла. Вы еще про то, что они весь мир готовы накормить, расскажите.

— А европейцы? — потрясенно спросила Марина.

— Европейцы, — сказал на это Валерий Авдеевич, — как видно из сюжета, долбоебы. Про иностранных долбоебов у нас можно…

Марина размышляла, пойти ли ей в кабинет — на всякий случай выгрести вещи из ящиков — или отправиться домой без промежуточных остановок. Решила, что ничего особо ценного в кабинете не держит, так что можно сразу домой. Она шла вниз, по привычке опираясь на темно-серые, будто бы вороненые перила. На лестнице было многолюдно даже для «Позывного»: куда-то спешили режиссеры монтажа, корреспонденты, инженеры и какие-то неизвестные люди. Хотя они, конечно, все неизвестные. Ну и что, что Марина видела некоторые из этих лиц? Эти граждане все равно иллюзия, морок. Они не имеют черт характера и привычек, неизвестно, едят ли они манную кашу и есть ли у них собака. Совы они или жаворонки? Любят ли свою работу, мечтают ли дать начальству по голове цветочным горшком? Сейчас они сделают два шага мимо и растают, растворятся за спиной. Обернешься — а никого уже нет.

Марина улыбнулась лестничным бегунам на короткую дистанцию и убрала руку с перил — все, уже первый этаж. Она пересекла широкий холл с турникетом и двумя прозрачными кабинками охраны и уже подошла к гардеробу, когда кто-то сзади выкрикнул ее фамилию.

Марина обернулась и увидела высунувшегося из своего стеклянного куба охранника. Тот поманил ее пальцем.

— Вы ведь Камильская? — еще громче крикнул он. — Подойдите сюда.

Чуть помешкав, Марина все же вернулась обратно к турникету. Страха не было, но была какая-то мерзкая тяжесть в груди. Бред, подумала она, на ступенях радиоузла никого не арестовывают.

— В чем дело? — спросила по возможности безразлично.

Охранник с вышивкой «Каргаполов» над левым карманом рубашки внимательно ее оглядел.

— Точно вы? — зачем-то уточнил он и, не дожидаясь ответа, нырнул под стойку, через секунду появился уже с листом бумаги. — У меня есть фотографии всех, кто здесь работает, но на всякий случай лучше спросить… Вам позвонить надо: сорок четыре, пятьдесят два, ноль шесть, — продиктовав номер, охранник сверился с бумагой, — да, ноль шесть.

— И кому? — поинтересовалась Марина.

Каргаполов снова посмотрел в написанное.

— Коробейнику.

Сердце подпрыгнуло и зачастило. Марина с шумом выдохнула и безуспешно попыталась совладать с лицом. Нет, все равно можно было заметить и изумление, и радость.

Она выхватила листок из рук охранника и посмотрела на записанные в спешке буквы и цифры. Коробейник. Значит, жив. Значит, не поймали.

— Я позвоню от вас, — предупредила она Каргаполова и, взяв телефон в руку, повернулась к нему спиной.

— Да, — сказал усталый мужской голос после семи гудков подряд.

— Я Марина Камильская, мне передали, что следует позвонить по этому номеру, — как можно тише произнесла Марина.

— Серьезно? — со вздохом сказал голос. — А мне говорят, что следует меньше жрать жирного по утрам… Что нужно?

— Мне нужен Коробейник.

Голос многозначительно помолчал, после чего хлопнул трубкой, видимо, о крышку стола. Послышались шаги, потом в отдалении скрипнула дверь, и кто-то стал с кем-то говорить — разобрать слова было совершенно невозможно. Затем установилась полная тишина.

Марина, сама того не замечая, начала нервно переминаться с ноги на ногу. Она поймала косой взгляд охранников, которые, похоже, взялись ее обсуждать, и подумала, что следовало бы, как это делает Фима, им в ответ ехидно подмигнуть. Но нет, она просто отвернулась, чтобы ненароком не поинтересоваться, какого хрена они пялятся. Озабоченные уроды.

— Привет, — неожиданно сказала трубка.

— Привет, — отозвалась Марина, снова ощутив подпрыгивание сердца, — ты где?

— Давай так, — сказала трубка, — встретимся у тебя минут через тридцать-сорок.

— Чего это вдруг у меня?

— Можно и в ресторан поехать, и на площади Матерей встретиться. Только если нас навестят отличные ребята в штатском, не удивляйся.

Марина вдруг очень четко представила, как они сидят на скамейке у монумента Матерей. Вокруг побитые заморозком клумбы: на них еще не до конца осыпались бордовые цветы, и трава еще не стала бесцветно-белесой. Лешка ехидно прищуривается и что-то рассказывает, оживленно жестикулируя.

А сзади — он еще не видит, но прямо у него за спиной — останавливается серый уазик. Из него неспешно выбираются люди в одинаковых черных полупальто и идут к ним, в пяти шагах друг от друга…

— А там, где ты живешь? — скорее по инерции спросила Марина.

— Ну, где я живу, тебе точно не понравится, — хмыкнул ее собеседник.

— Ладно, — сказала Марина, — давай через час.

Дверь была не заперта, но он все равно постучал.

— Привет, дорогая, — сказал Лешка и помахал рядом со своей головой каким-то пушистым хвостом, — принимай.

Он кинул ей в руки этот хвост, который оказался двумя песцовыми шкурками, и прошел в прихожую. Марина потрясенно смотрела на песцов: чудовищный дефицит, она даже не могла предположить, сколько они стоят.

— Это что еще такое? — по возможности холодно спросила она, запирая дверь.

— Это — маленький подарок. Один от меня, второй от Саньки Северова. Он шлет поклон и просит передать, что ты — единственная девушка, которой он хочет дарить подарки и петь серенады.

Лешка скинул ботинки и в рваных носках по-хозяйски прошлепал в ванную.

— Я, кстати, с ним солидарен, — услышала Марина его голос сквозь шум включенной воды. Я бы сказал тебе, что ты бесподобна, но ты ведь и сама в курсе.

Урод.

Из комнаты вышла сонная Собака. Цокая когтями, неспешно проследовала в коридор, обнюхала грязную Лешкину обувь и сунула нос в ванную.

— А-а, зверюга! — радостно завопил тот. — Привет-привет, собачище!

В последующие несколько минут из ванной доносился только топот, плеск воды, сюсюканье и добродушное гавканье.

— Как там твоя Сонечка? — спросила Марина, все еще стоя в коридоре и слушая, как Лешка играет с сеттером.

— Какая Сонечка? — искренне удивился он, выйдя из ванной с полотенцем на плече. — А-а, ты, наверное, Ксюшку имеешь в виду? — Лешка расхохотался. — Ревнуешь, Маринка? Приятно, черт возьми. Ой-ой, как приятно.

Марина закатила глаза и уплыла на кухню. С деланной серьезностью открыла холодильник, передвинула с места на

место упаковки с соком и йогуртом, пошуршала пакетом с цветной капустой. Хотелось есть, но вытащить при Лешке магазинные котлеты ей казалось верхом позора. Поэтому она достала диетический ржаной хлебец и принялась неспешно от него откусывать, глядя в окно.

Лешка зашел на кухню (около его ног вертелась Собака) и с удивлением уставился на новый гарнитур — ну еще бы, при нем ничего подобного в квартире не водилось. Он пощелкал выключателем встроенных лампочек, открыл дверцу посудного шкафчика.

— Шикарно, — покачал головой Лешка, — теперь тебя уже можно раскулачивать. А Ксюшка ушла, — тут же без перехода сообщил он. — Не вынесла душа поэта… ну и так далее. Ты же знаешь, со мной попробуй поживи.

— Да уж в курсе, — фыркнула Марина.

— Ну вот. Теперь я снова одинокий мышь. Можешь меня поздравить.

Зазвонил телефон — мама интересовалась, как у Марины на работе и когда она соберется зайти «не на десять минут». Дочь что-то дежурно отвечала. Без эмоций, без подробностей.

— У тебя там кто-то есть? — наконец спросила мама.

— Нет, — ответила Марина, — давай потом поговорим.

И положила трубку.

Во время разговора Лешка спокойно, без малейшего намека на приличия пристально разглядывал Марину. Он был по-прежнему хорош, этот Леша. Алексей Витальевич Коробейников. Метр семьдесят семь, вьющиеся всклокоченные волосы. Черные. И такие же черные восточные глаза. Ямочка на подбородке и короткий косой шрам на левой скуле. Спокойный, монолитный, с застывшей ироничной полуулыбкой.

Стрингер. Может быть, последний представитель профессии в городе, по крайней мере последний из известных Марине. Он зарабатывал репортажными съемками, когда они познакомились, и уехал на очередной эксклюзив в тот день, когда они разошлись. Поначалу Лешка снимал все подряд и пытался продавать это Первому и Второму каналам. Однако там брали один сюжет из десяти, платили скудно и все напирали на то, что надо вставать в штат. А когда Лешку на три месяца посадили за незаконные съемки приграничной полосы, вообще как отрезало: у него перестали брать что бы то ни было. Он стал халтурить по свадьбам, по каким-то юбилеям, в перерывах впадал в тихие лежачие запои, молчал по несколько дней.

А потом ему повезло. Или не повезло — это как посмотреть. Марина не знала подробностей, но понимала, что он вышел на

каких-то нелегалов: не то местных, не то даже импортных.

— Сбываешь за границу? — как-то спросила она, когда Лешка в очередной раз принес домой кучу странного, явно не федеративного барахла. Тот кивнул. — А не боишься, что посадят теперь уже по-взрослому?

— Боюсь, — сказал он, — и что? Я и тараканов боюсь, мне теперь ночью на кухню не ходить?

Последние полгода он вообще только своими подпольными съемками и интересовался. Съемками да еще этой Ксюшей…

— Слушай, — сказал Лешка, — ты извини, но времени нет вообще. Я поэтому быстро.

Он вытащил из кармана черный пакет и положил его на полку книжного шкафа.

— Здесь два диска с видео. Только документ: натура и синхроны. Всё про побоище в доках, где митинг работяг разгоняли. Там свидетели, омоновские «космонавты», «народная» медвежья яма, в общем, комплект. Сама посмотри обязательно — очень мозги проветривает. Только не на ночь, а то спать не будешь. И еще…

Он присел на край кровати.

— Это надо передать в порту одному медведю. Его зовут Миша, он там связной между нами и китайцами.

Ну да, подумала Марина, у него всегда все просто: китайцы, медведи, побоище. Для него это нормально. Для него все нормально. Вот сейчас дать ему по роже — он этому тоже не удивится…

— Леша, ну вот какого хрена, — роняя слова по одному, зло заговорила Марина. — Какого хрена ты припираешься ко мне через четыре месяца и делаешь вид, что мы какие-то одноклассники, я не знаю, двоюродные братья и сестры? Почему ты считаешь нормальным придти, свалить здесь какое-то свое говно и снова испариться?!

Лешка пожал плечами:

— Не знаю. Потому что ты — хороший человек, устроит?

— Свинья ты, — сказала Марина тихо.

— Конечно. С этим никто и не спорит. Но если ты не передашь пакет, эти тридцать две минуты никто никогда не увидит. Отличная для тебя будет месть, но, слушай, давай сочтемся как-нибудь иначе?

— Свинья, — повторила Марина. — Вали уже давай. И сделай милость — шкурки свои забери…

Он исчез, а Марина еще долго бродила из угла в угол, без аппетита ковыряла котлеты и обсматривала круглую сумочку с металлическими пластинами, в которой лежали диски. Включать

записи она пока не решалась.

Разговор с Толичкой и визит Лешки показали, что никакого спокойствия и умиротворения Марина не достигла и, скорее всего, достигнуть не сумеет. Открытие было глупым, но все равно захотелось обсудить его с Серафимой. Она принялась обзванивать традиционные места вечернего Фиминого отдыха и на третьем ресторане вышла на след. Правда, на том конце провода долго не брали трубку, но наконец томный женский голос многозначительно протянул: «Вас слушают».)

— Добрый день, — сказала Марина. — Не могли бы вы пригласить Серафиму Самарину… то есть Серафиму Эггерт?

— Посмотрим, что можно сделать.

Минуты три Марина слушала тишину. Такую полную и абсолютную, что в нее по какой-то причине не просачивались даже фантомные шумы или нечеткие голоса. В вату они, что ли, трубку засунули, удивлялась Марина. Ей вдруг представилось, как Фима сидит в обитой пробкой комнате и с мечтательной улыбкой прижимает к голове большие черные наушники…

— Привет-привет, — вдруг послышался Фимин голос.

— Ой, — от неожиданности Марина едва не подпрыгнула, — напугала.

Фима заливисто расхохоталась.

— Тут в «Птичьем молоке» очень нарядно, — поделилась она, — телефон в каких-то подушках, я его даже нашла не сразу. Давай приезжай, я тебе расскажу про совещание. В Старостате теперь новая мулька, — она снова хихикнула, — подробности, что называется, письмом.

— Приходил Леша, — сообщила Марина.

— Да? Очень мило. Вот заодно и поделишься.

Марина скосила глаза на упавшую у ее ног Собаку. Наверняка подслушивает.

— Хорошо, — сказала она, — а адрес какой?

— Маруся! — возмутилась Серафима. — У меня у самой топографический кретинизм, но ты уже чересчур. Это у Гагаринской площади. Угол Космонавтов и… черт, как она теперь называется? Морская. Да мы были здесь с тобой месяц назад.

— Ты голову себе накурила, — заметила Марина, — не была я там никогда…

«Птичье молоко» Марина помнила совсем другим. Когда-то внутри была барная стойка, подсвеченная тусклыми зелеными лампами. На стенах — стилизованные под развевающиеся флаги банкноты разных стран мира (как правило, с кучей нулей),

карикатурные портреты разных скряг. Меню с заголовком «Декларация о расходах» и девочки-официантки в выбеленных фартучках. По средам и пятницам здесь играли молодые группы: в основном исполняли классические блюзы, но изредка и что-нибудь свое. Все это называлось бар «Буржуй».

Теперь стойку обернули веселеньким пластиком под разноцветные кирпичи, в потолок натыкали светильники, похожие на розовые, напрочь заросшие шерстью кокосы — с них чуть не до пола свисало что-то вроде лиан. На окнах стояли кадки с лилипутскими пальмами. Плюс обои, разрисованные птицами: желтыми колибри, зелеными попугайчиками и отчего-то снегирями. А может, какими-то другими красногрудыми? Вместо стульев для посетителей по полу были разбросаны подушки, такие же разноцветные, как стойка. Столам отломали ножки и тоже опустили на пол. Персонал — в блескучих халатах и туфлях с загнутыми носками — бороздил подушечный океан, периодически круто пикируя вниз, к залегшим между столами посетителям.

— А помнишь, — сказала Фиме Марина, — как ты и твоя банда пытались сюда попасть?

— Ой, — замахала руками Серафима, — это в другой жизни было. Сейчас даже вспоминать удивительно.

Фима, которая уже где-то успела переодеться из делового в вечерне-неформальное, лежала на груде красных подушек с золотистыми кистями и периодически прикладывалась к кальяну. Рассказывала про совещание в Старостате. Историю про разговор с Абазовым выслушала без особого интереса, заметив: «Толя это для отчетности». Маринино отстранение от работы назвала «прекрасным подарком» и сказала, что это очень даже хорошо. По поводу Лешиного появления только фыркнула.

— Теперь я тебя точно выгоню в нормальную поездку, — пообещала она, — а то все сидела и сидела здесь. А зачем? Надо срочно ехать на юг.

— Юг, — сказала на это Марина, — это всякий Крым был.

— Дорогая, кто же виноват, что все развалилось? Не стреляться же нам из-за того, что нет Крыма.

— Зачем стреляться, — ехидно заметила Марина, — многие мои знакомые предпочитали толченое стекло.

— Бр-р-р, — Серафиму передернуло, — нужно же тебе было об этом вспомнить! Это когда было-то? В семнадцать лет у многих мозгов нет.

— Ну да. Ни мозгов, ни Крыма.

— Вот стерва, — глядя на ухмыляющуюся Марину, сказала Фима с нежностью, — но я тебя все равно выставлю из города на

недельку-полторы, не сомневайся.

— Тогда за тебя, мать, — Марина подняла бокал белого полусухого.

— Ага, — кивнула Фима и снова потянулась к кальяну.

Она продолжила рассказ о совещании. Оказывается, полгода назад Агентство коммуникации предложило для Старосты план проведения встреч с народом. Предполагалось общаться с учителями и шахтерами, с балетной труппой и рабочими доков, с почетными горожанами и разными прочими товарищами. Встречи предлагалось начинать неожиданно, а заканчивать приятно: обещаниями повысить оклады на пять процентов, сладкими подарками, программными заявлениями о новых льготах. План был одобрен и даже начал исполняться: в сентябре Староста побывал в девяносто восьмом интернате, очень мило поговорил с воспитателями и предметниками, чмокнул в темя белобрысого карапуза, подарил школе автобус. СМИ все это прекрасно зафиксировали. Однако они не показали, как к Старосте с криками бросилась местная медсестра. Тетка пыталась разоблачить директора и завхоза, громко орала «Не погуби!», а потом упала в ноги. Был неприятный инцидент с личными телохранителями.

После этого Безопасность резко усилила охрану первых лиц и стала жестко шерстить их любые возможные маршруты. Никаких неожиданных визитов, никакого доверительного общения.

— И в Старостате, естественно, задумались о новой программе, — сказала Серафима, выпуская струйку белого дыма. — Они хотят сформировать другой медиаплан Старосты уже к февралю, и у них нет вменяемых предложений. А еще очень боятся, что кто-нибудь инициативу перехватит, Агентство специальных мероприятий там или Департамент подарков.

Марине наконец удалось поднятой рукой приманить к столу официантку в чудовищной фиолетовой чалме. Когда девочка склонилась над их столом, Марина испугалась, что под тяжестью чалмы она может рухнуть прямо на Фиму.

— В этом десерте лесные орехи? — спросила Марина, водя пальцем по странице меню.

— Да, конечно, в «Мадагаскаре» всегда орех.

— А без них можно?

— Без них? — удивилась официантка. — И никаких других тоже не класть?

— Никаких.

Девочка кивнула, зачем-то протерла совершенно пустую и чистую пепельницу и уплыла в сторону кухни.

— Ты меня слушаешь или нет? — с легким недовольством

поинтересовалась Серафима.

— Да слушаю, слушаю. Бла-бла-бла медиаплан. И что, ты хочешь взяться за его написание?

Фима хмыкнула.

— Весь медиаплан — это было бы слишком нагло с моей стороны. Я хочу, чтобы в него попало наше предложение.

— Какое еще «наше предложение»?

— На самом деле даже не наше, а твое, — Фима положила на язык кусок бурого сахара и стала его задумчиво посасывать. — Это ты у нас надежда прогрессивного человечества. Нужно немного: одна дельная идея, которую можно будет развернуть и сопровождать инфоповодами около месяца.

— Бред какой, — сказала Марина, — тебе осталось еще сказать, что написать нужно до завтра.

— С чего это? До четверга у нас вполне есть время.

— Ну если в четверг крайний срок, то в пятницу ты отвезешь меня в порт.

— В порт? А порт-то тебе зачем?

Дома Марина поставила в прихожей пакет и, подняв валяющийся поводок, повела Собаку на вечерний моцион. Они сделали круг по двору, а потом вышли в сквер перед Горным институтом. Здесь лучи прожектора с институтской крыши выхватывали из темноты маленький пятачок пространства, в котором умещалась скамейка без доски в спинке и неокрепший дуб — тоненький, метра три в высоту. От скамейки по направлению к институту квадратными плитками была выложена площадка с крохотным фонтаном в центре. В темноте не было видно, но Марина знала, что одной плиты не хватает. Во времена ее детства здесь стоял памятник пионеру с медведем. На парнишке съехавшая пилотка, кое-как повязанный галстук, а из кармана шорт торчит увеличительное стекло. Он протянул руку погладить медвежонка-подростка, который смотрит слегка испуганно, но тоже тянет лапу — не то навстречу пацаненку, не то в желании от него отмахнуться.

В школе рассказывали, что правда были такие: Генка Кулич или Куклич, сейчас уже не вспомнить, и медвежонок Борька. Вроде бы они первыми заметили цунами и успели предупредить спасотряд. И вроде бы лет тридцать назад город действительно сильно накрыло. И после этого по области даже поставили несколько памятников…

Марина сидела на скамейке и долго смотрела в ту точку, где Генка и Борька устанавливали контакт. Вспомнила, что все время завидовала Генке: ей тоже хотелось друга-медвежонка и ей тоже

хотелось в подвиг.

Вернувшись домой, Марина взяла ручку, два листа бумаги и пошла на кухню — рисовать схему и писать обоснование будущей премии. «В рамках Национального приоритета», — быстро вывела она и удивилась, что ее еще не тошнит от этих слов. — «Подвиг как предчувствие»: патриотический конкурс».

Аля

С самого утра работа в секторе все не могла начаться. В честь Дарьяниного дня рождения было устроено хоровое пение, на которое прибежали из других отделов. Потом пили чай, ели домашний пирог с черникой и вафли с медом. Дарьяна от общего застолья пыталась отбиваться, уверяла, что на диете, но в итоге все же соблазнилась вафлей, а после уже и второй, и третьей. То и дело забегали какие-то девочки и тетеньки с пакетиками, коробочками или открытками. Они хватали Дарьяну за плечи, оставляли помаду на ее щеках, после чего гостей непременно начинало нести стихами.

Аля обещала себе, что не будет налегать на пирог, но Марта подкладывала ей кусок за куском, уверяя, что черники в пироге больше, чем теста, а черника очень полезна.

— Ешь-ешь, — говорила пухленькая Марта, — ты еще свою норму не нагуляла, я скажу, когда остановиться.

После того как заварник поженили уже в третий раз, в сектор ворвалась Лена Калинина из Игрового. На ней была легкая синяя курточка с белыми геометрическими вставками и брюки в тон — чуть-чуть, но все же широковатые, чтобы считаться классическими. Казалось, что ее костюм — это слегка перешитая олимпийская коллекция, с которой убрали вымпелы.

— Даря! — закричала Лена с порога, как будто не обращая внимания на завистливые взгляды девчонок. — С днем ангела тебя, милая!

Целуясь в щечки с Дарьяной, она барабанила длинными пальцами ей по спине и желала-желала-желала имениннице. Периодически даже зажмуривалась от удовольствия говорить звонкую поздравительную белиберду.

— От чистого сердца! — выпалила Лена в конце и уронила в руки Дарьяне подарок в обертке из «зеркальной» бумаги.

Все тут же бросились смотреть, как именинница достает из упаковки настольные часики, в которые будто бы налита вода вместе с золотой рыбкой. При переворачивании рыбка виляла хвостом, чем вызывала всеобщий восторг. Насладившись произведенным эффектом, Лена объявила, что в Спортивном комитете сегодня с утра разгружают новую номенклатурную линейку: роликовые коньки в мужском и женском вариантах. Общему отделу было достаточно это только услышать, чтобы снова отложить работу на неопределенное время. Серийное производство роликов — эта новость по значимости превосходила даже прошлогоднюю, про возобновление выпуска шифоновых

платьев. Последний раз коньки выпускали еще при старой Федерации, и они больше сохранились в воспоминаниях, чем у кого-то из сотрудников.

— Мне выдали две пары — сделать описание, — зачем-то понизив голос, сообщила Лена, — так что, если не будете сильно визжать, можем по трое сходить в наш сектор — глянуть.

Без визга все равно не обошлось. При виде белых конечков с серебристыми шнурками и нарисованными звездочками Аля тоже вопила, как ужаленная.

— Вот это вещь! — восхищалась рыжая Виолетка, так и этак поворачивая коробку с прозрачной пленочной стенкой, за которой белели четыре колесика. — Когда же на такие можно будет записаться?

Сашка Васильева взялась всех уверять, что женский конек — именно ее размера. Девчонки хихикали, но не спорили — какая разница-то?

Ажиотаж улегся только после обеда. Все вернулись в свой сектор, и Марта сказала, что пора уже делом заняться. Она ушла за шторку из разноцветных висюлек, которой ее кабинет был отгорожен от остального зала, другие работницы Общего еще поболтали несколько минут, но потом тоже разошлись к своим столам. Кто-то сел за компьютер, кто-то принялся звонить в Почтовый, Канцелярский и даже Творческую студию — было слышно, как заказывают две поздравительные юбилейные песни.

Але дали задание посчитать сувенирку, необходимую ДЮСШ «Юность» на следующий месяц, и она погрузилась в списки официально приглашенных, выступающих на мероприятиях и турнирных дат.

Первые две недели плана она преодолела быстро, там были только предварительные этапы, пара районных соревнований и награждение гимнастов. Зато турнир памяти метателя Крюкова стал сущим кошмаром. Среди почетных гостей значились два члена Совета и даже помощник Старосты, однако в их собственных графиках такого пункта не было — Аля уточнила у секретарей. Проблема казалась неразрешимой: если поверить секретарям и не учесть начальственную тройку, кто-то из нее может неожиданно объявиться на турнире и не получить символа признательности. Если же заказать на всякий случай, можно потом всю жизнь писать объяснительные, как так вышло, что бесхозной оказалась именная продукция на огромную сумму. Аля долго и задумчиво кусала карандаш, затем пошла посоветоваться с Мартой, но вынуждена была вернуться — та прижимала к уху телефонную трубку и при виде подчиненной покачала головой.

Аля снова принялась за карандаш, но тут в Общий вплыла

Варвара, и метатель Крюков сразу отошел на второй план. Сектор моментально бросил все свои дела и напряженно уставился на визитершу. Было даже удивительно, что, как в старых фильмах, которые крутят в «Космосе», не зазвучала тревожная музыка и на стене не вспыхнул титр «Воцарилась гробовая тишина».

Варвара, которую на самом деле звали Вероникой Вартановной, появлялась здесь редко, но от визитов этих никогда не стоило ждать приятного. Наиболее памятным был визит после кражи. Где-то с месяц назад из Винно-водочной службы исчезли четыре бутылки виски «Глен Грант» восемнадцатилетней выдержки; шептались, что именно такого, какой пьет начдеп. Как четыре бутылки можно было пронести мимо контроллера штрих-кодов, а потом и мимо охранника, оставалось только гадать. Скорее всего, без своих в Безопасности не обошлось, и искать в первую очередь следовало там, однако руководство Департамента подарков пошло другим путем. Устроили общий шмон всех отделов — со взломом ящиков столов, досмотром сумочек и перетряхиванием мусорных корзин. Самих сотрудников на это время выгнали в коридоры. В результате одна пустая бутылка обнаружилась в Оранжерейном, а еще одна — полная — в лаборатории Дизайна. Две так и не нашли. Все понимали, что бутылки, скорее всего, подбросили именно во время шмона, понимало это и руководство. Потому администратор этажа Варвара даже не стала искать конкретных виновников, а просто объявила Дизайну: «Вас всех штрафуют на две зарплаты».

Было много шума. Кто-то ходил кричать на юристов, кто-то обещал потребовать у бухгалтерии документальное обоснование перерасчета, кто-то грозился написать заявление. Через пару недель все сошло на нет. Никого не уволили, но никто и не уволился.

— Так, — сказала Варвара, подойдя к одному из столов и усаживаясь на крутящийся стул, — быстренько соберемся около меня. Давайте-давайте, не будем друг друга задерживать.

Она будто бы скучающим взглядом обвела рабочий зал Общего, теребя закрученные белокурые прядки, похожие на витые макаронины. Аля впервые задумалась, что на самом деле Варваре всего лет тридцать, максимум тридцать два. Просто манера носить строгие черные костюмы с красной оторочкой и любовь цеплять блеклые, словно бы специально чиновничьи, броши делали ее старше. Как и желание прищуривать глаза, собирая при этом в их уголках сеточку морщин.

Алины коллеги уже практически в полном составе окружали стул администраторши. Кто-то даже заглянул к Марте, которая наверняка не слышала сигнала на построение, и предупредил, что

стоит присоединиться к остальным.

— Чтобы не терять время, — начала Варвара, по обыкновению глядя перед собой и ни на кого конкретно. — В Департаменте чепэ. Те, кто отвечают за нас, считают, что это намеренный выпад и попытка дискредитации коллективной работы накануне реформы аппарата. Я же надеюсь, что это просто глупость, помноженная на безответственность, — она поставила указательный палец правой руки на крышку стола и начала что-то выписывать ярко-алым ногтем. — Я хотела бы думать, — продолжала она с интонацией водителя троллейбуса, десятый раз за смену объявляющего одни и те же остановки, — что вы просто избаловались хорошим к себе отношением и заигрались во вседозволенность. Потому что в противном случае вы сознательно создаете повод усомниться в безупречности работы департамента.

— Можно узнать, о чем конкретно вы говорите? — холодно поинтересовалась Марта.

Зря она так, подумала Аля, только еще больше Варвару разозлит.

— А вам, Марта Витальевна, следовало бы не спрашивать, а самой знать, что происходит в вашем… — Варвара очень внимательно вгляделась в собственную ладонь, словно бы силясь рассмотреть на ней нужное слово, — в вашем бюро добрых дел. — И продолжила, уже снова обращаясь ко всем: — А сознательная попытка, мои милые, называется саботаж, и занимается этим Безопасность. Я надеюсь, ко всем приходит понимание серьезности происходящего?

Отдел молчал: кто-то слушал лекцию администраторши с плохо скрываемым недоумением, но большинство — с тем самым страхом, с каким дети зачарованно смотрят страшный фильм, не в силах переключить канал.

— Прежде чем я все сделаю сама, — предупредила Варвара, — хотелось бы спросить: ни у кого из присутствующих не появилось желания что-нибудь нам рассказать?

Ей не ответили.

— Прискорбно, — констатировала Варвара, — это означает, что ответственность разделит весь коллектив.

Аля услышала, как кто-то из девчонок вздохнул. У нее самой от страха заледенели кончики пальцев.

Варвара сцепила руки в замок и откинулась на стуле. Ее подбородок задрался кверху, и стало хорошо видно родимое пятно на шее, чуть выползающее на лицо.

— Сегодня на утренней планерке начальника департамента сообщили о нескольких случаях перекомплекта подарочных наборов, — отчеканила она. — Речь шла в том числе о подарке от

имени заместителя Старосты. Этот подарок он должен был вручать на юбилее Пароходства. Это очень важный подарок. Он бы так и был вручен, если бы наш представитель не проверил все комплекты перед отправкой, — голос администраторши пошел вверх. — И вот выяснилось, что кому-то пришло в голову во все — я подчеркиваю — во все пакеты вложить медведя. Медведя! Который как бы говорит… — Варвара замешкалась и оборвала фразу на середине. — Я не знаю, как это трактовать: как идиотскую шутку или как сознательную акцию. Но то, что медведем мог быть скомпрометирован помощник Старосты, мне кажется неслучайным.

— Бред какой, — перебила ее Марта. — Какие медведи? — спросила она, оборачиваясь к своим сотрудницам. — Какой перекомплект? Кому и зачем это могло понадобиться, а, девочки?

Аля почувствовала, что все вокруг начинает расслаиваться на какие-то жирные полосы, по которым пробегает крупная рябь. Замерзшие руки и ноги казались теперь, наоборот, обжигающе горячими, а звуки стали гулкими и далекими, как из-под воды. Аля пошатнулась и почувствовала тошнотворную легкость во всем теле. Кто-то позвал ее и тронул за руку, но кто и зачем, она не поняла. Рабочий зал отдела качнулся и окончательно расклеился. Аля упала в обморок.

Ее не стали относить в медпункт, а приводили в чувство своими силами: не хотели поднимать лишний шум. Когда Аля пришла в себя, Варвара уже куда-то упорхнула, вокруг суетились только Виолетка и Наташка Гасанова. Кто-то из них позвал Марту.

— Вляпалась ты по-крупному, Алина, — сообщила та, едва появившись. — Идти сможешь? Тогда живо дуй к Самербекову, он тебя вызывает. Со всем соглашайся. Кайся и проси прощения. Давай. Виолетта тебя проводит.

Сергей Ринатович Самербеков был одним из двух заместителей начальника департамента. Насколько помнила Аля, по хозяйственной части. Не только видеть, слышать о нем ей приходилось всего раза три за время работы в Общем. Узнав о необходимости бежать к нему с извинениями, Аля мгновенно почувствовала, как у нее подламываются колени, и большую часть пути Виолетка практически тащила ее на себе. Отцепилась она только перед дверью, на которой аристократическим серым было выведено «Заместитель начальника».

В кабинете Сергея Ринатовича было сумрачно из-за плотно закрытых жалюзи. Верхний свет не горел, и только две странные настольные лампы-штыри позволяли разглядеть обстановку. За огромным столом, напоминающим формой меч без рукояти,

стояло никак не меньше трех десятков стульев. Циклопическое кресло хозяина кабинета вырастало из-за перекладины «меча» и будто бы висело в воздухе. В кресле восседал Сергей Ринатович.

Появившись на пороге, Аля тут же прикрыла за собой дверь: ей показалось неуместным впускать свет в этот сумеречный короб.

— Проходите и садитесь, — подал голос Самербеков. Он внимательно разглядывал пришедшую, слегка сощурившись.

Аля послушно подошла. Вблизи заместитель начальника выглядел маленьким, лысоватым и очень усталым человеком без шеи; грузные, заросшие бакенбардами щеки, казалось, лежат прямо на плечах.

— Будем говорить, — с какой-то непонятной интонацией, не то вопросительной, не то утвердительной, произнес он. — Вы представляете, во что нам обернутся ваши выходки?

Аля молча опустила глаза.

— Я вас совершенно серьезно спрашиваю. Или вы говорить разучились? Так можно и научить заново, даже не думайте, — замначальника изобразил многозначительную паузу, после чего, поерзав в кресле, вдруг как будто выключился — отвернулся в сторону от Али, откинулся назад и закрыл глаза.

Аля подумала, что Самербекову стало плохо, но беспокоить его побоялась. Она сидела все в той же пристыженной позе. Так прошли сначала пять, а затем, наверное, и десять минут — точно сказать было трудно, Аля даже украдкой не смела взглянуть на часы.

Наконец Сергей Ринатович ожил.

— Значит, так, — сказал он будничным тоном, словно только что говорил двадцать минут кряду, — я тебе вот что посоветую, девочка. Сейчас быстро напишешь мне заявление… Ты сколько у нас работаешь?

— Четыре месяца.

— Напишешь, что четыре… нет, три месяца назад ты начала общаться с людьми из порта. Они убедили тебя провести мелкую диверсию и бросить тень на работу департамента. Напишешь, что вся эта идея с медведями была тебе продиктована… Ну? Бери вон бумагу и пиши.

От накатившего на нее ужаса Аля потеряла всякую возможность что-либо воспринимать. Слова заместителя начальника гулко грохотали, она же слышала только мерный рокот, сквозь который прорывались только отдельные звуки.

— Ты меня слышишь? — поинтересовался Самербеков.

— Я не знаю, про какой порт вы говорите, — прошептала Аля.

— Ах не знаешь… Тогда быстро пошла на рабочее место и по

пути напрягла память! Через два часа вернешься с воспоминаниями и заявлением по собственному. Вкусила?..

Виолетка сидела на подоконнике — на почтительном отдалении от самербековского кабинета.

— Ну что? — спросила она, спрыгнув, как только Аля выбралась на свет.

Та помотала головой.

— Так плохо? — ужаснулась Виолетка. — Что сказал-то?

Аля призналась, что ничего не поняла. Она спросила про порт, но Виолетка тоже ничего не знала. Надо было посоветоваться с Мартой, но тут выяснилось, что Варвара требует сначала пройти какой-то тест у психолога департамента.

— Это зачем? — изумилась Аля. — Хотят проверить, ни трекнулась ли я здесь?

Виолетка пожала плечами.

Герман

Герману снилось, что он стоит в очереди за солнцем. Ему шесть лет, на нем панама и голубые шорты. Мама отправила его совсем рано, и на улице еще прохладно. Мятая желтая бочка — почему-то с надписью «Масло» — заняла позицию на углу Энтузиастов и Литовской, а к ней уже выстроилась очередь из жителей ближайших домов. В руках у них бидончики, трехлитровые банки и пластиковые канистры. Впереди Германа стоит тетка в красно-цветочном платье, а сзади — дед с длинной бородой поверх застиранной армейской гимнастерки.

— Двух литров не хватит, — говорит дед кому-то за своей спиной. — Не. Тут такое дело — не окрошка же. Надо три…

Зазвонил телефон. Открыв глаза, Герман еще несколько секунд соображал, где находится, а потом отбросил одеяло и нащупал ногой стоящие около кровати тапки. Он доплелся до кресла, откуда раздавался телефонный клекот, и попробовал на ощупь найти трубку. Это получилось не сразу: прежде чем ее обнаружить, Герман выгреб из-под подушки кресла несколько монет, фантик и какую-то книжку. Когда он все же сказал «да», выяснилось, что к телефону можно было и не подходить.

Звонил брат Германа, он сначала делал вид, что хочет просто поболтать, но очень быстро сдался: Борису нужна была справка о прописке в квартире родителей и Борису нужны были деньги.

— Денег нет, — предупредил Герман, — я тебе серьезно говорю. Справку завтра сделаю, а деньги ищи сам.

— Совсем нет? — недоверчиво поинтересовался Борис.

— Совсем.

Брат принялся что-то задумчиво насвистывать в трубку.

— Может, тогда продать чего? Позарез ведь надо.

Герман вздохнул:

— Боря, мама для твоего «позареза» продала что только можно. Я в это не играю. Уже взрослый мальчик, сам выкрутишься.

— В тюрьму сяду, — весело сообщил Борис.

— Все в тепле будешь. Счастливо.

Он взял с полки будильник, убедился, что еще два часа можно спокойно себе спать, и снова забрался под одеяло. Сон, однако, уже не шел. Герман принялся думать про брата, вспомнил историю, как тот унес из дома его магнитофон, и пришел в полнейшую ярость.

— Говнюк, — сказал он, садясь на кровати, — вот не дал же поспать…

Умывшись, пошел варить кофе. Телефон еще дважды звонил, но Герман не стал повторять ошибки и остался на кухне. Позавтракал наспех приготовленной овсянкой, кофе и сыром. Потом включил телевизор и по несколько минут посмотрел каждый из трех каналов.

Мысль о Борьке не шла из головы. На кой черт ему справка понадобилась? Герман вернулся в комнату, выдернул телефон из розетки и принялся потрошить шкаф: все же надо найти Борькины бумаги, а где они лежат — поди разберись. По ящикам были разбросаны инструкции от бытовой техники, поздравительные открытки от родственников, коммунальные квитанции, какие-то распечатки с прошлой работы, договоры, а кроме того, фотоальбомы и коробки с мамиными вещами. Все лежало вперемешку и без какого-либо смысла.

Среди прочего Герман обнаружил свой значок часового Старосты, марки с военными дирижаблями и увеличительное стекло. Ни одной Борькиной бумаги не наблюдалось. Наконец с нижней полки Герман вытащил бледно-голубую папку: в ней лежат мамины документы и фотографии. Не исключено, что разная ерунда, оставшаяся от младшего брата, тоже там.

Он расшнуровал грязновато-бежевые тесемки. Сверху лежали шесть фотографий разного формата. На самой большой мама, Герман и Борька сидели под пальмой: Герман в богатырском шлеме и красном плаще, Борька — в перьях и с томагавком в руках. На двух других снимках мама стояла вместе с какими-то своими подругами. На оборотах было написано: «Москва. Галя, Вера и я. 07.07». Еще на одном фото — совершенно выцветшем — на берегу неспокойного моря стоял дед. Молодой, лет, может, сорока. Рукой он показывал в сторону корабля под странным флагом неизвестного Герману государства: флаг был наполовину синий, наполовину белый или желтый, теперь уже не определить. Оставшиеся две фотографии были портретами Германа и Бориса, такими же, как на школьных виньетках, только побольше. Герман помнил, что его снимали после девятого класса, а Борьку, наверное, раньше, может, в седьмом.

Под фотографиями лежали завернутые в полиэтиленовый пакет квиточки, чеки и банковские выписки, мама зачем-то старалась их сохранять. Здесь же в отдельной прозрачной папке прятались почетные грамоты и наградные листы деда. Сначала Герман хотел их порвать и выбросить, но потом передумал: пусть останутся на память, может, кто-нибудь прочитает и ужаснется.

Дед был архитектором-проектировщиком, начальником бюро. Того самого бюро-17, которое разработало комплексы реадаптации. Вроде бы даже по инициативной заявке.

Дед проектировал бараки и рабочие загоны, исправительные залы и кельи. А еще конструировал мебель, пристяжные цепи, упряжь, повозки, строгие намордники. Это был большой, прямо-таки всеобъемлющий заказ. Ну и ямы в нем, конечно, тоже были. Герман потом долго изучал чертежи в краеведческом — через отвращение, через ползавший по спине ужас.

Первые два года комплексы использовали только для медведей, но потом в реадаптацию стали включать и своих служащих. Второй Староста настоял, а дед не стал спорить и взялся перекраивать свои чертежи, больше всего похожие на концепт-реквизит ада, под новые габариты.

Его дважды награждали за новые разработки, в том числе за низкопольный гидрокомплекс Еканова, ту самую «мокрую яму». И еще за успехи — за это дали целых четыре грамоты (не факт, что все сохранились). А потом вроде даже орден был.

Вспомнилась парадная фотография, которая когда-то стояла у матери на комоде: дед скромно улыбается в усы, а его за плечи обнимает пухлощекий крепыш в ярко-синем пиджаке — управделами Старостата. Они в каком-то ангаре, где по стенам висят непонятные детали, кругом рабочий беспорядок — может, и намеренно наведенный. Не сразу заметишь, да и приметив, засомневаешься, только справа от деда виднеется край шкуры…

Дед работал к западу от города, сейчас там ничего, кроме Полей, но раньше стояли огромные, рыжие коробки заводов. Мать говорила, что дед хотел переехать еще дальше, на старые федеративные земли. Но туда так никто и не перебрался. А теперь и не помнят про тот нацпроект.

В комнату заглянул Сергей, смерил скептическим взглядом разбросанные бумагами и сказал «мя». Без какого-то смысла. Скорее всего, поздоровался.

— Иди дрыхни, — посоветовал коту Герман, — рано еще.

Он посмотрел на настенные часы — корпоративную дешевку из красного пластика от «Позывного» — можно потихоньку собираться.

Вернувшись на кухню, Герман вдруг понял, что снова хочет есть. Второй завтрак (обед, ужин — непонятно, как лучше называть приемы пищи после сна, заканчивающегося ближе к вечеру) он организовал из бутербродов с ветчиной. Ветчина была несоленая, совершенно без запаха и во рту распадалась на какие-то сомнительные фракции. Подавив отвращение, Герман все же обязал себя ее прожевать — больше все равно ничего нет. От ветчины остался омерзительный привкус, который Герман попытался перебить кофе. Бесполезно — кофе сам похож непонятно на что.

Герман пораньше вышел из дома, чтобы идти до работы медленно, читая объявления на фонарных столбах. Здесь иной раз можно было встретить что-нибудь по-настоящему увлекательное. Скажем, на прошлой неделе ему попался крик души: «Дорогие девушки! — гласил текст. — Не курите! Вы и так не все красавицы: худые ноги, впалые груди, мозгов тоже не очень». Написано все это было веселенькими цветными фломастерами.

Почти у самого Репродуктора Герман заметил грузовичок-фургон. Он стоял поперек дороги, перегораживая сразу две полосы, и напоминал кошку на дыбах. Впечатление усиливали распахнутые настежь двери одновременно с откинутым капотом. Вокруг фургона суетились двое солдат, которые, как показалось Герману, просто не знали, что делать: в свете уличного фонаря было видно, как один из них то забирается на высокий капот и всматривается в двигатель, то снова спрыгивает на асфальт. Второй в это время совал голову под колеса, что-то там щупал руками и большим разводным ключом, потом вылезал, и через минуту все повторялось.

И только третий участник сцены — очевидно, водитель — в сером комбинезоне и кепке с короткими отвислыми ушами меланхолично сидел в стороне на какой-то куче тряпья и энтузиазма не проявлял. Кажется, он даже что-то напевал.

— Из-за чего стали? — спросил, подойдя к нему, Герман. Тот косо на него посмотрел и хмыкнул.

— А не шел бы ты на хер, парень, — сказал водитель со смехом и тут же, без перехода, сообщил: — Сдохла она. Если тебя так тридцать лет дрочить, и ты сдохнешь, как жужа. Спасибо еще, что тихо отсопела, могла бы и пердануть нам напоследок.

Герман заметил, что груда тряпья — это новенькие полосатые матрасы, которые, видимо, из фургона выбросили на дорогу. Теперь они мокли в лужицах грязной воды, застоявшейся в выбоинах асфальта.

— Чего солдатики-то так прыгают? — поинтересовался он.

— А самоебы потому что, — пожал плечами водитель, — думают, им орден дадут, если они эту дрянь до части дотащат. А может, жопу не открутят. Только ей так и так хапанец, никуда она больше не дернет. Отмучилась.

Водитель, похоже, был прав. Уже потом, выглянув со второго этажа «Позывного», Герман увидел, что солдаты бросили истерические попытки привести фургон в чувство и тоже сидят на матрасах. Прохожие, как и Герман, пытались лезть к ним с вопросами или даже советами, но те не отвечали, а в какой-то прострации пялились на вздыбленную машину.

Поскольку времени до вахты оставалось еще порядочно, Герман решил пока не идти за журналом, а заглянуть в ремонтную к Женьке Накатову. Когда-то это была маленькая студия прямых эфиров, о чем напоминали стены, все еще сохраняющие часть звукоизолирующего покрытия. Теперь сюда сгружали все, что некуда деть, но о чем еще не поступало прямых указаний выкинуть. Поэтому Женька являлся счастливым обладателем трех полурассыпавшихся стеллажей, кучи стульев и кожаных скамеек со стершейся обивкой и огромного раскорячившегося сейфа, от которого давно потерялись ключи. Кроме того, в ремонтной стоял квадратный столик с арматуриной вместо одной ноги. Именно на него были свалены внутренности микшерских пультов, и в них сейчас копался хозяин каморки.

Вошедшему Герману Женька помахал зажатыми в руке плоскогубцами и тут же ткнул ими в сторону телевизора без корпуса на одном из стеллажей.

В телевизоре сидел Староста. Задник пресс-кабинета за его спиной был расписан видами Канцелярии и проспекта Матерей. Тут и там по нему мелкими шкодливыми буквами пробегали слова «Федерация сегодня». То и дело щелкали фотовспышки. Разложенные перед хозяином студии два десятка микрофонов походили на конфискованный арсенал.

— …идет размывание сознания наших граждан, — говорил Староста, слегка растягивая окончания слов, отчего казалось, что он читает какую-то древнюю былину. — Если вы в самом деле можете называть этих существ партизанами… ну-у я бы тогда советовал вам понаблюдаться в местах, знаете, отдыха. У нас хорошая медицина, поможет — пикнуть не успеете! — Староста сделал паузу и чуть заметно ухмыльнулся. — Народный суд разберется, кого как называть. Мы его для того и держим.

Нынешнему Старосте по Солнцу чуть за шестьдесят. Невысокий, но еще крепкий, большерукий. Когда улыбается, на левой щеке появляется ямочка, а глаза приобретают лукавое кошачье выражение. Короткая стрижка делает почти незаметной наметившуюся лысину. Седые пышные усы всегда ухожены и расчесаны. Староста любит выступать по телевизору и дирижаблям, любит длинные беседы на радио. Говорят, пишет стихи и поет под гитару. Слышать, правда, не приходилось.

Герман смотрел на шевелящиеся усы и думал, что на портретах Старосты, которыми принято увешивать кабинеты, им все же не уделяют должного внимания. Они получаются бледными и невыразительными, совершенно обыденными. А вот те, что шевелятся сейчас в телевизоре, — это усы другой касты. Усы героические и властные, усы-аристократы. О них можно

делать отдельные передачи и с них можно рисовать самостоятельные портреты. Не исключено, что они даже окажутся выразительнее своего хозяина…

— Понял, да? — буркнул под ухом Женька. — Смешно придумали.

— Придумали что? — спросил Герман, отвлекаясь от своих мыслей.

— Ну этот конкурс, — сказал Женька, отложив пульт и терзая пакетик соленых сухариков.

— Какой конкурс? — все еще ничего не понимая, удивился Герман.

Женька, бросив в рот горсть сухарей, взялся объяснять. Оказывается, теперь будет добавочный нацприоритет — про молодежный патриотизм. Новые старшие часовые — вместо часовых Старосты. Специальный урок в школе. Госкорпорация даже какая-то, типа по прыщавым вопросам. Ну и вот ежегодный государственный конкурс. Там должно быть критическое произведение. Разоблачение и срывание покровов.

— Ты хочешь сказать, можно будет наехать на самого начальника магазина? — сощурился Герман.

Женька хихикнул.

Герман бросил взгляд на экран.

— Если мне нужно объяснять человеку про Родину, значит, ему уже ничего не нужно объяснять, — уверял Староста. Какая-то журналистка отчаянно кивала.

— Ладно, — бросил Герман, — пойду-ка я на обход, думаю, документалисты должны уже отвалить.

— Счастливо, — махнул ему Женька, не оборачиваясь, — посмотри потом обращение сам, я тебе оставлю в сегодняшней папке.

— Ага, — сказал Герман и вышел из ремонтной.

Ни на какой обход он не пошел, в 17:50 это было бы странно. Перестав слышать монотонно-задушевный голос, уселся на сосланный в коридор кособокий стул. Мимо проплывали сотрудники Репродуктора, отработавшие смену и теперь спешащие домой. Им предстоит увлекательное путешествие: минут тридцать по пустому полотну вечерних дорог, еще сорок — по продуктовым третьей категории (продмагов второй категории осталось только два, и до них отсюда больше часа на троллейбусеродуктовому третьей категории () е: минут 30 по пустому полотну вечерних дорог, еще 40 — по ег), затем десять — до дома и уже там — в объятья жен и мужей, детей и канареек, Старосты и телевизора.

В конце концов Герман заглянул в аппаратную, за стеклом

которой пряталась студия политмедведя. Марф был на посту: сидел за большим круглым столом. Перед ним на специальной подставке лежали закрепленные листы с текстом, слева горела маленькая лампа. Микрофон, как всегда, далеко отодвинут — вблизи он начинал истерично дребезжать от тембра медвежьего голоса. Где-то под потолком горело белое табло: намалеванные на нем красные буквы «Вкл.» местами осыпались, у «к» не доставало одной палочки, а «л» не имела верхушки.

— Нас такое объяснение сегодня вряд ли может устроить — говорил Марф микрофону. — Наши так называемые друзья с той стороны океана и не скрывают, что приложились к этой теме весьма основательно.

Герман помнил, что когда-то в городе медведи были обычным делом. Они работали в порту, на ЖД-станциях и складах. Берлоги на окраинах и тогда жгли, а самих бурых гоняли — на Масленицу, в день Купалы и на Святки особенно. Все мальчишки знали, что в эти дни надо запалить что-то медвежье или удачи не будет.

Бурых не боялись: жили медведи все больше обособленно, по одному. Сбиваться в кучу не любили, вели себя тихо. Больше всего напоминали меланхоличных ньюфаундлендов, которые потеряли к происходящему вокруг всякий интерес, едва выйдя из щенячьего возраста. В телевизоре какой-то юмористический придурок даже успел придумать шутку про медвежий профсоюз. Это было очень смешное словосочетание.

Герман прослушал всю программу — на сей раз медведь зачитывал истории заговоров против Федерации. Изредка, правда, приходилось отлучаться, чтобы выключить свет в оставленных студиях и закрыть двери за теми, кто уже наверняка толкается в очереди за молоком.

Марф вынырнул из своего «аквариума» неожиданно, одновременно с тем, как погасла лампочка «Вкл.». Он, видимо, собирался по своему обыкновению, смешно покачиваясь, быстро убежать, но, заметив Германа, остановился.

— Здравствуйте, Марф, — приветствовал Герман медведя, — интересная у вас сегодня программа.

Взгляд маленьких черных глазок уперся куда-то в область Германовой шеи. Было непонятно, рассматривает ли Марф собеседника или просто задумался.

— Здравствуйте, Герман Александрович, — сказал он, — вы любите заговоры?

Медведь спросил это почти безынтонационно, но Герману все равно почудился подвох.

— Вы рассказываете интересно, — попробовал он уклониться

от ответа.

— Это не я рассказываю, — не то в шутку, не то всерьез заявил медведь, — это такая традиция. Об этом и Староста по Солнцу сегодня говорил.

— Вы слушали новое обращение?

— Слышал, — признал Марф, — патриотический конкурс. Интересно. Стоит поучаствовать, как вы думаете?

— А что, медведям тоже можно? — спросил Герман и тут же сообразил, что допустил бестактность. — Ой, извините, Марф, — попробовал он ее сгладить, — я имею в виду, что никаких возрастных там или других каких-нибудь ограничений нет?

Медведь смотрел на него не мигая и молчал.

— Я правда не хотел, — отчаянно замотал головой Герман, — просто вы же знаете, у нас не принято… ну сложилось как-то…

Он окончательно смешался.

Медведь продолжал пристально на него смотреть. У Германа вдруг возникло ощущение, что сейчас тот съездит ему по физиономии лапой, и от нее в момент ничего не останется. Захотелось втянуть голову в плечи, а еще лучше — отбежать на несколько шагов.

— Страшно? — каким-то утробным голосом поинтересовался Марф.

— Страшно, — выдохнул Герман.

Марф оскалился в подобии улыбки, которая при этом выглядела совершенно людоедской.

— Вы правильно делаете, — сказал медведь непонятно о чем, — всем страшно.

Он отвернулся от Германа и заковылял к выходу. В дверях ему пришлось одновременно нагибаться и протискиваться боком — здание «Позывного» явно не проектировалось под медвежьи размеры.

Марина

Выйдя из вставшего на самом краю обрыва «Чери», Марина прислонилась к машине и разглядывала рассыпанный внизу пейзаж. Огромным темным пятном до горизонта расползлось море. Холодное и мутное, оно казалось заплесневелым и прокисшим. В каком-то смысле так и было: вода Зеленого моря после войны совершенно мертвая. Если бы какому-нибудь идиоту пришло в голову ловить здесь рыбу, он бы все равно остался с носом. Рыба давно сдохла. Или ушла, кто знает. В любом случае теперь здесь ничего не ловят. Море осталось для красоты.

Слева кривым клыком в берег впивается ржавая громада порта. Чудовищные краны вырастают из тухлой воды и нависают над причалами, сбившимися в косяк баржами и какими-то отсюда неразличимыми грудами железа. У причалов совсем нет кораблей, отчего акватория похожа на захламленную кладовку, в которую давно без разбора сваливают разную рухлядь. На самом деле корабли в порту все же есть, просто их отсюда не видно из-за помятой коробки карантинного дока. Там, далеко влево, по берегу снуют люди — «запчасти» противолодочных кораблей и ударных субмарин. Они муравьиными цепочками тянутся от воды до складов и что-то тащат в одну и другую сторону. Только благодаря этому мельтешению порт не кажется окончательно брошенным. Хотя понятно, что используют теперь от силы пятую его часть. Порт — огромные заржавевшие ворота Федерации неизвестно куда. Выходить из них теперь можно только бочком.

— Сюда если приезжать, то на закате, — сказала Фима. Она открыла дверь машины и тоже разглядывала порт, свесив ноги из салона. — Тогда тут красиво. А так — тоску нагоняет.

Марина пожала плечами. На закате здесь все становится ядовито-красным. Ржавое железо превращается в бурые скалы, по черной воде идут оранжевые пятна солнца, похожие на разлитые химикаты. Движение живых существ по территории если и не прекращается, то становится почти незаметным. Бр-р, сложно представить что-то более пугающее.

— Ладно, — махнула Серафима водителю, — поехали. Прохладно становится.

Марина снова забралась на заднее сиденье и уткнулась в окно — не так часто удается попасть в порт, интересно посмотреть, что тут изменилось. Машина заворчала и потихоньку стала выбираться на трассу.

У спуска с горы их остановил патруль. Лейтенант в синей форме морских пограничников поднял руку, после чего сразу же

положил ее на расстегнутую кобуру. За его спиной, держа автоматы наготове, переминались двое солдат.

— Какого хрена вы здесь потеряли? — зашипел лейтенант на водителя, как только тот открыл дверь и попытался протянуть документы. — Вы вообще соображаете, где находитесь?!

— А вы, молодой человек, вообще соображаете, с кем разговариваете? — поинтересовалась Серафима, опустив стекло. — Министерская делегация готовит визит Старосты. Соображать надо.

В глазах у солдат, как показалось Марине, мелькнуло сомнение, но лейтенант пропустил сказанное мимо ушей, выхватил паспорт и пропуск из рук водителя, указав ему снова сесть в машину. Затем самым внимательным образом изучил пропуск, даже рассмотрел его на просвет.

— Это все здесь не действует, — объявил он, чуть наклонившись к Серафиме. Может быть, через главные ворота по таким бумажкам проскочить и получится, но здесь другая зона. Давайте быстренько отсюда!

Лейтенант небрежно козырнул, бросил документы водителю в окно и снова встал в боевую стойку: за спиной автоматчики, рука на кобуре.

— Ну козел! — выдохнула Серафима и полезла из машины.

— Фима! — крикнула ей уже пожалевшая о вылазке Марина, но та, конечно, не отреагировала.

Серафима на каблуках, в черном обтягивающем костюме, темных очках и со значком Старостата в руке, который она держала, как голову медузы Горгоны, выглядела впечатляюще. Она с таким напором пошла на лейтенанта, что, казалось, сейчас его раздавит. Фима не кричала, а, наоборот, тихо тянула ядовитые фразы, поэтому услышать, что именно она говорит, Марине не удавалось. Зато лейтенант вопил что есть мочи, и проблем с пониманием его слов не возникало.

— Все вы можете прямо сейчас быть взяты под стражу как проникшие с сопредельной территории! — орал он прямо в лицо Серафиме. — Вы знаете, что тут вообще происходит? Здесь боевые действия! Партизаны с барж фигачат на берег!

У Марины екнуло сердце. Ничего себе, подумала она, так, значит, это правда…

Перепалка снаружи продолжалась еще несколько минут, после чего Серафима вернулась и зло швырнула очки в бардачок.

— Редкий урод, — сказала она, — но ничего, я его фамилию запомнила.

— Да ладно тебе, бросаем все и возвращаемся. Можно подумать, мне этот пакет сильно нужен.

Серафима обернулась и смерила подругу удивленным взглядом:

— Ага, конечно. Сейчас пройдем по Греческой набережной и въедем через другой КП, дел-то минут на пятнадцать. Валера, поехали.

Марина не стала спорить. Она еще со школьных времен уяснила: если Фима упрется, подвинуть ее — идея бессмысленная.

Они действительно очень быстро пронеслись по набережной, встретив на своем пути всего одну легковушку и пару грузовиков. Из окна все время открывался впечатляющий вид на бухту и бывший ремонтный. Больше всего местность напоминала собранный по инструкции конструктор, на который потом кто-то по неосторожности наступил. Марина заметила, что в районе верфи в небо поднимается дым, и вспомнила о недавних разговорах на радиоузле.

— Фима, правда, что новые верфи открыли и строят на них специальный пассажирский? — спросила она.

— Ты же знаешь, пассажирские запрещены еще при Любече.

— Я в курсе. Но говорят — все равно.

— Не знаю я про это ничего, — сказала Фима, — а даже если и строят, кто ж тебе скажет?

Официальный КП больше походил на увеличенную собачью будку с приделанным шлагбаумом, чем на капитальное сооружение. Здесь тоже был патруль, но не пограничный, а милицейский. К подъехавшему «Чери», однако, никто подходить не спешил, патрульные сидели на скамейках, расставленных уже за границей охраняемой зоны.

Серафима выпрыгнула из машины и метнулась в их сторону, как пантера за добычей. Через пару минут явилась с «трофеем» — милицейским капитаном Денисом Алексеевичем, который поможет в поисках медведя…

— Медведя? — удивился капитан. — Зачем вам понадобился медведь?

— А вы не слышали, что медведи теперь будут использоваться в новом нацприоритете? — Серафима пальцем поманила Марину выйти. — Об этом вчера в своем выступлении Староста говорил.

— Кхм, — сказал на это капитан, задумчиво потер шею, как если бы у него болело горло, и прищурил один глаз. — Использоваться… У нас есть сколько-то на складах за ремонтным. Это далековато.

— Так, может, вы нас проводите, чтобы девушки не заблудились? — жеманно заметила Серафима, хватая капитана

под руку. — Мы буквально на пару секунд, правда, Маруся?

— Только посмотреть и определиться, — подтвердила вышедшая из «Чери» Марина, — подходят ваши экземпляры для первого раза или нет…

Машину решено было оставить на КП, передвижение гражданского автотранспорта по территории порта воспрещалось. Капитан приказал одному из своих сержантов выкатить из гаража открытый армейский джип. Под полные приторного Фиминого восторга возгласы он сам сел за руль и сверкнул некомплектом зубов. Джип покатил сначала по задворкам, заваленным ломаным железом и другим производственным мусором, а потом вырвался на пригорок, под которым открылось клокочущее нутро порта. Здесь стояли контейнеры, из них что-то черпали краны. Лязгали тросы, раздираемые грузами. Тут и там работали солдаты, какое-то невероятное количество: от камуфляжной формы у Марины даже зарябило в глазах. Они вели погрузчики, асфальтировали дороги и волочили разного рода тюки. Было удивительно, что они тащат бочки и коробки не к баржам и ремонтному заводу, а, наоборот, к городу.

— Мамочки! — невольно вырвалось у Марины.

Капитан бросил на нее довольный взгляд и ухмыльнулся:

— Стройка века, а?

— Да уж, — сказала Марина.

Солдаты лазили по крышам складов и взбирались на краны. Они напоминали саранчу, которая вот-вот все вокруг обглодает. Море хаки время от времени прореживало бурое пятно: это медведи везли тачки с чем-то дымящимся. Они рычали, требуя посторониться, и яростно мотали башками. Из-за одного такого, перегородившего дорогу, машина даже была вынуждена притормозить. Медведь зыркнул на проезжающих и подтолкнул тележкой зазевавшегося солдата.

— Не знаю, какой там у вас приоритет, — произнес капитан, провожая взглядом бурого, — но я бы их всех… Как в старые времена…

Он повернул направо и вниз — в сторону от людных мест, в узенькие улочки между складами. Здесь сразу повеяло пустынностью, суету заменила неподвижность масштабных завалов из синих пластиковых мешков — в таких лет пятнадцать назад развозили гуманитарную помощь. Капитан снова повернул налево, и машина чуть не влетела в танк. Он стоял прямо за углом склада и будто бы готовился к прыжку.

— Что танк-то тут делает?! — вскрикнула от неожиданности Серафима.

— Это из комендантского батальона, — сказал капитан, —

его всегда где-то неподалеку от порта держат на всякий случай. Тут еще пара прячется.

Джип снова вышел на открытое место и тут же запрыгал по ямам: площадка перед ремонтным заводом была сильно изрыта, в асфальт как будто кидали с высоты гири, а потом еще делали борозды многотонным плугом.

Капитан затормозил.

— Вон там, около электрической опоры, медвежьи бараки, — показал он пальцем. — Ближе подъезжать не буду, а то еще взбеленятся. Идите, ищите своего, а я здесь пока подожду.

Пришлось скакать по ошметкам асфальта. Фима на своих каблуках моментально начала спотыкаться, а у Марины вовсе отлетела набойка. И ведь не снимешь туфли — все же не лето, придется хромать дальше.

— Какой Вавилон! — восхитилась Фима, глядя в сторону моря.

Марина энтузиазма не разделила. Ей этот клокочущий и рыгающий огнем мир показался горячечным бредом, видением, о котором не хочется вспоминать. Его спрятали ото всех, как взрослые прячут порножурнал от детей. И вот журнал найден, а что делать с этими странными картинками — непонятно. Остается только глупо хихикать.

— Ты хочешь сказать, что тоже была не в курсе? Об этом вот обо всем? — спросила Марина.

Фима медленно покачала головой.

— И тебе здесь ничего не кажется странным?

— Знаешь, Маруся, мне все тут кажется странным…

Марина резко остановилась — всего шагов с двадцати на нее смотрел медведь. Он стоял, опершись на стену склада, и внимательно разглядывал «туристок». На нем была надета грязная майка, нелепая сама по себе; в отсутствии штанов она смотрелась особенно дико: наверное, впервые в жизни Марина увидела на медведе хоть какую-то одежду.

— Принарядился, — хихикнула Фима. Марина схватила ее за руку и с силой сжала. Еще не хватало разозлить бурых.

Медведя приближение девушек нисколько не заботило, он все так же стоял и смотрел, казалось, с легкой скукой. Только взял со стоявшей рядом с ним бочки длинный чудной пистолет, похожий на непрозрачный шприц, и принялся крутить его в лапе.

— Это строительный инструмент какой-нибудь? — шепотом поинтересовалась Серафима.

Марина не ответила.

— Мне нужен Миша, — сказала она медведю, остановившись от него в нескольких шагах, — я должна передать ему важную

посылку.

Тот внимательно, будто бы с удивлением, посмотрел на говорящую, почесал живот под майкой и вдруг пропал в здании склада. Тут же обратно выбрались уже три медведя. В другой ситуации эта сказка про Машеньку наверняка показалась бы Марине забавной, но в лапах бурые держали, словно дротики, заостренные металлические трубки.

— Мне нужен Миша, — повторила Марина теперь уже для всей бурой делегации, — я к нему от Коробейника с посылкой.

Два новых медведя были без маек. Правая лапа того, что покрупнее, испачкана чем-то черным, а второй весь вывалян в опилках. Он пытался слизывать длинным языком стружку, налипшую на морду, после чего, кажется, жевал получившуюся древесную кашу.

— Нет Миши, — рыкнул чернолапый. — Передай своему: умер он.

— Как умер? — зачем-то спросила Марина. — Когда?

— Умер, — повторил теперь уже вывалянный в опилках, — надорвался. Скажи, что теперь нет Миши и сюда ходить не нужно. Мы здесь работаем.

— Подождите, а никто больше не знает… — начала было Марина и осеклась. Дура, подумала она. Даже если кто-то из них имеет контакты с партизанами, они все равно не скажут. И я не знаю, зачем эти записи. И не знаю, кому их надо передавать. Бред, надо возвращаться.

Марина дернула Фиму за рукав.

— Пошли? — спросила она. Фима кивнула.

Они поковыляли обратно, чувствуя, как медведи пристально за ними наблюдают, и слыша, как они тихо что-то друг другу рычат.

— Я, наверное, выброшу эту коробку, — произнесла Марина, — теперь в ней точно нет никакого смысла.

— Даже не думай! — зашипела на нее Фима. — Мало ли что там за информация. Лучше мне отдай.

— Тебе-то зачем?

— Не знаю. Но выбрасывать — глупо.

Марина хотела сказать, что раз Фиме это надо, пусть сама и тащит коробку, но тут со стороны моря раздался настолько оглушительный свист, что она схватилась за уши. Свист резко оборвался, и вслед за ним послышались хлопки выстрелов. Они были далекими, но вполне отчетливыми, и Марина с Фимой припустили с удвоенной скоростью к тому месту, где у машины нервно бегал капитан.

— Давайте живо! — с испугом оглядываясь по сторонам,

кричал он. — Живо!

Добежав, они прыгнули в джип, и капитан тут же рванул с места. Теперь он поехал какими-то немыслимыми закоулками, лавируя между горами мусора и сваленных ржавых бочек. Здесь вообще не было дороги, а только куски провалившихся и засыпанных щебнем плит. Машина подпрыгивала и поднимала тучи плотной белесой пыли, поминутно рискуя оставить колеса медведям на память. Хлопки сменились пулеметным стрекотом и тревожными — до тошноты — завываниями сирен.

— Что это такое? — крикнула Марина, когда джип вырвался за склады и начал карабкаться в гору.

— Партизанская вылазка, — вцепившись в руль и не оборачиваясь, ответил капитан. — Пытаются грабить стройку. Сволочи, знали, что сегодня новую технику выгружают. Вот все время они знают.

Марина оглянулась и увидела пляшущий на воде гигантский факел — видимо, один из подбитых партизанских кораблей.

— И часто они так? — снова крикнула она.

— Раза два в неделю.

Выбравшись за периметр порта, сунув капитану тысячную бумажку и оказавшись на заднем сидении «Чери» на тихой Греческой, Марина и Серафима все еще не могли прийти в себя.

Фима отослала водителя в магазин и просто смотрела на переднее кресло.

— Я знала, что у них тут бардак собачий, но что среди бела дня пулеметы лупят — это, конечно, нарядно, — наконец произнесла она.

— И нигде об этом не говорят, — тихо продолжила Марина.

Фима высунулась в окно и зажгла сигарету.

— Ну а где об этом должны говорить? — раздраженно спросила она. — Паника же начнется.

— Тогда зря удивляешься, что никто ничего не знает, — так же тихо сказала Марина.

— Маруся, ну наверху-то в курсе.

— Откуда? Им ведь ты и рассказываешь.

Марина нарочно отпустила машину за два квартала до дома, ей захотелось пройтись пешком, к тому же нужно было купить продукты. Она вышла на проспекте Матерей, напротив больницы. Мерзнущие на троллейбусной остановке люди с завистью и злостью проводили взглядом рванувший с места «Чери». Марина пошла в сторону «соток» — прилипших друг к другу многоэтажек с номерами за сто. Дорога шла слева, по другую ее сторону стояла тускло подсвеченная снизу Третья Мать — последний из

памятников матерям, самый странный и даже страшноватый. Трехметровая железная женщина имела вполне человеческую голову с большими раскосыми глазами и длинными волосами, при этом ее тело лишь обозначалось каркасом из гнутых металлических ребер. Казалось, что памятник то ли не закончили, то ли, наоборот, начали разбирать. Еще более странным открытием становилось то, что в животе женщины сидит каркасный младенец, уже без лица и каких-либо отличительных черт. Во времена Марининого детства памятник называли «терминатор-мамой», а как называют его нынешние дети, она не знала.

Благодаря освещению памятника противоположная сторона проспекта немного выступала из темноты. Там, где шла Марина, фонарей не было; впереди нечеткими пятнами мерцали всего две вывески — на книжном и продуктовом. Но на продуктовое мерцание можно не смотреть: в такое время магазин уже закрыт, а в темных витринах «Полюса» одиноко отсвечивают только пирамидки из банок сгущенки. Выходит, придется пройти еще два квартала и свернуть к универсаму. Марина его не любила — большой бессмысленный короб, в котором не бывает ничего, кроме очередей.

В универсаме оказалось малолюдно. Несколько покупателей потерянно бродили в отделе мороженой рыбы. Тетки в одинаковых синих передниках сбились в стаю около кассы и что-то темпераментно обсуждали, гоняя воздух взмахами рук.

— Сегодня сайру завозили, — доверительно сообщила Марине продавщица мясного, — так что тут было… Батюшки-светы! Думали, прилавок раздавят. Какой-то мужик без очереди полез, так его тут же раз-раз — и вынесли через головы.

— Представляю, — кивнула Марина.

Никакой сайры, конечно, уже не осталось. В жестяной посудине с маслянистой жидкостью плавали усталые селедки без голов, рядом расположились несколько банок икры минтая. В соседней витрине тосковали два обкромсанных куска полукопченой колбасы и большой шмат сала.

Марина вздохнула, вспомнив магазинчик при Втором канале.

— Дайте мне колбасу, — сказала она продавщице, — вон ту, которая поменьше.

Еще запаслась кабачковой икрой, помидорами и яйцами, четвертью хлеба и тремя печеными пирожками с луком и яйцом — их очень любит Собака.

Из магазина Марина вывернула не на проспект Матерей, а на тихую улочку Подводников — так можно немного срезать. Сегодня, правда, здесь было настолько темно, что собственные

ноги удавалось различить с трудом, приходилось идти очень медленно. Марина поглядывала на ясное звездное небо и меланхолично размышляла над перспективами работы на «Позывном». Фима права: никто ее не уволит. А если ввязаться в эту гребаную премию, могут даже и поощрить. Спокойнее, впрочем, не становилось. Казалось даже, уволь ее Абазов, это пошло бы и ей, и мирозданию только на пользу.

Уже около подъезда Марина с удивлением обнаружила мину из прошлого. Почти уткнувшись скругленным иностранным носом в стену, здесь стояла старая синяя «японка». Когда-то у них с Лешкой был в точь-в-точь такой же раритетный автохлам. А может, у него эта машина и сейчас есть? Нет, вроде бы продал. Марина подумала, что странно вспоминать о Лешке после почти полугодичного его отсутствия в жизни. И тем не менее приходится.

Аля

Психолог — аккуратная сухонькая тетенька лет пятидесяти в огромных толстых очках — подалась навстречу Але и даже пожала ей руку, когда посетительница замешкалась на пороге.

— Проходите и садитесь, — улыбнулась она, демонстрируя ровные вставные зубы. — Алина Ильдаровна, я ничего не путаю?

— Да, — кивнула Аля, — все правильно. Она двинулась к креслу под стойкой с цветочными горшками, из которых свешивались мясистые лианы.

— Меня зовут Марианна Андреевна, — представилась тетенька, усаживаясь в другое кресло. Она перелистнула страницу блокнота и сразу что-то пометила. — У вас это тюркское имя и отчество?

— Ну да, папа наполовину татарин и…

— Алина, давайте будем отвечать коротко и по существу, хорошо? — сверкнула мгновенной улыбкой психологиня. — Сестры-братья есть?

— Сестра и брат. Младшая и старший.

— У вас в детстве не возникало желания причинить вред своей сестре или родителям?

Аля удивленно посмотрела на Марианну Андреевну:

— То есть как — вред?

— Ну выколоть глаз или, например, отрезать палец.

Алю передернуло. Видение отрезанных пальцев, валяющихся в лужах крови, моментально вызвало у нее тошноту.

— Что вы говорите, — сказала она, сморщившись. — Что, правда тест такой?

— Угу, — покивала своим мыслям Марианна Андреевна, — отрицаете. Это вполне нормально.

— Подождите, — пробормотала Аля, — я не совсем…

— Так, — перебила ее хозяйка кабинета, — а в школьном возрасте вы не пытались проводить запрещенные химические опыты? Может быть, вам хотелось плеснуть кислотой в кого-то из учителей?

— Не было никаких запрещенных опытов.

— Отрицает, — снова покивала психолог. — Стыдились ли вы в подростковом возрасте своего пола? Хотелось ли вам избавиться от своих половых органов и пришить мужские?

— Что за бред… — уже ничего не понимая, прошептала Аля.

— Отрицает, — в очередной раз повторила Марина Андреевна.

Але вдруг показалось, что в постоянной улыбке психолога, ее

регулярных кивках болванчика и вообще в манере держаться есть нечто клоунское. Какой-то балаган, подумала она. Просто какой-то тошнотворный балаган.

— Испытываете ли вы навязчивое желание прикасаться к животным, ласкать их? Предпочитаете ли их людям?

— Да перестаньте уже! — выкрикнула Аля. Она вскочила со стула и бросилась к двери. — Кто вам дал право издеваться?! Почему вы… — она задохнулась слезами.

— Угу, — снова что-то пометила в блокноте Марианна Андреевна, — будете убегать от проблем или все же попытаетесь честно ответить? — поинтересовалась она, по-прежнему мило улыбаясь.

Аля вылетела из кабинета и едва не врезалась в Виолетку.

— Ты чего с ума сходишь! — зашипела та, но Аля схватила ее за руку и с силой потащила по коридору. Слезы текли по щекам, но она даже не думала их утирать. Ей казалось, что главное — убежать подальше от этого мерзкого кабинета…

Под вечер Марта собрала весь сектор, закрыла входные двери и потребовала отключить оба телефона. Девчонки поначалу расселись по своим местам, но Марта сказала, что надо бы в какое-то подобие полукруга. Долго переставляли стулья.

— Стоит кое-что пояснить, — начала Марта, когда сектор все же расселся. — У нас возникла проблема, суть которой вам утром уже изложили. Есть правила, и есть их нарушение. Есть человек, и есть подразделение, на которое тоже ложится ответственность.

— А при чем тут подразделение? — спросила Наташка. — Что за дикость?

Марта покачала головой.

— Не дикость, а дисциплина. Поскольку мы, — она спародировала тон Варвары, — помогли сформировать «вызовы корпоративной культуре», то должны все пострадать.

— Нам теперь что, придется пройти через психотест? — услышала Аля голос Любки Баранович.

— Да, — признала Марта, — и премию тоже высчитают. Варвара уже служебку наверх написала.

Тут поднялся гвалт. Кричали, требовали составить коллективное письмо и сходить поговорить с Самербековым. Кто-то предлагал выступить от имени сектора с осуждением истории с медведями. Любка уверяла, что следует наказать только того, кто виноват. Ее поддержали и другие. Они даже в какой-то момент стали выступать по очереди.

— Аля, ты, конечно, извини, — говорила Дарьяна, — но притаскивать эти вещи сюда… Я не знаю, кем это надо быть.

— Вот-вот, — Сашка Васильева вещала, нарочно смотря в

сторону, — и себя подставила, и весь сектор теперь будут гнобить. Ты о чем думала, манька?

Але хотелось куда-нибудь заползти и сдохнуть. А девчонки все продолжали и продолжали. Сволочь Светка вообще принялась вспоминать какие-то опоздания, неумение общаться с коллегами, стала утверждать, что, уходя, Аля никогда не выключает офисную технику…

Светку никто и не думал одергивать. А промолчала только Марта. Не меняя позы и сосредоточенного выражения лица, она выслушала все, что нес сектор. Иногда принималась оглаживать блузу, хотя никакой нужды в этом не было, пару раз начинала массировать двумя пальцами висок. Но — нет, сама не сказала ни слова. В конце разбора она ушла за свою «висюлечную» шторку, а вернулась уже с отпечатанным бланком заявления.

Але оставалось только поставить подпись.

— Как ты? — спросила Ирка с порога, еще даже не поставив на пол цветастый пакет. Она пристально разглядывала бледную Алю, укутанную в толстый халат, и осталась не очень довольна увиденным.

— Нормально, — махнула рукой Аля и ушла в комнату.

Она легла на диван, чуть поправив подушку и слышала, как подруга шумно снимает сапоги, ругаясь на неудобный каблук. Как уходит на кухню — наверное, мыть что-то из принесенных гостинцев. Как хлопает там дверцей морозилки и шкафчиками над плитой — проверяет запасы съестного. Наконец Ирка появилась в комнате с тарелкой, на которой лежали маленькие зеленые яблоки и зазубренный ножик.

— Тебе почистить или с кожурой будешь? — спросила она Алю, снова внимательно ее разглядывая.

— Да я пока не хочу. Поставь, если нужно будет, сама почищу.

Ирка сходила на кухню за табуреткой, поставила ее у Алиной кровати, сверху шлепнула тарелку. Сама устроилась на ковре, поджав ноги.

— Ну ты даешь, — сказала она, вздыхая, — зачем в обмороки-то падаешь? Да еще два раза подряд, — Ирка помотала головой и выдавила из себя улыбку. — Придумаешь тоже.

Аля хмыкнула и постаралась хитро подмигнуть.

— Так получилось, Ириш, извиняй.

— А врач был?

— Мама была. Померила давление, глаза посмотрела и сказала, ерунда. Просто стресс.

На самом деле Алина мама, работавшая в Третьей городской

педиатром, тиранила дочь все полтора часа. Сначала вручила двухлитровую банку с облепиховым морсом, в бутылке с водой развела какой-то «коралловый» кальций и наказала пить через каждые тридцать минут. На ноги положила теплое зимнее одеяло, прочитала длинную лекцию о вреде волнений и только после этого сама чуть успокоилась.

— Произвол и безобразие, — выразила она свое отношение к событиям в департаменте и пообещала так этого не оставить. Мама не задала ни одного вопроса, но оказалась уже в курсе всего — очевидно, с ней связался кто-то из девчонок.

— Успокойся, твое увольнение мы оспорим, я свяжусь со Славой, — сказала она, похлопывая Алю по руке. — А некоторые еще очень пожалеют, что доводят людей до такого состояния!

Мать то успокаивала Алю, параллельно вспоминая забавные истории из своей практики, то вдруг начинала мягко ее стыдить за слишком эмоциональную реакцию на «диких людей».

После мамы забегал брат Димка. Пробовал жарить картошку и яичницу. Результаты этих кулинарных опытов выложил на красивую тарелку, гордо принес Але и настоял, чтобы та съела хотя бы половину. Еще заглянула соседка сверху, у которой есть телефон: предложила приходить без стеснения, если понадобится позвонить.

В общем, все взяли ее под опеку.

— Я же у тебя в этой квартире в первый раз, — сказала Ирка, поднявшись и подойдя к серванту, где за стеклом стояли фотографии. — Похожу тут, попялюсь немножко?

Смотреть, правда, было особо не на что: комната, совмещенный санузел и крохотная кухня — маленькая кособокая квартирка. Если в ней когда-то и делали ремонт, то, по всей видимости, тайно, поскольку никаких свидетельств тому не сохранилось. Оконные рамы рассохлись, между ними и подоконниками появились щели, которым оставался всего один шаг до амбразур. Потолочная штукатурка местами осыпалась, а возле люстры вздулась пузырями. На перекошенном карнизе висела выцветшая занавеска; из мебели — старый, но пока еще прочный диван, сервант на гнутых ножках с двумя мутными стеклянными дверками и журнальный столик плюс две табуретки. В дальнем углу пылилась покрашенная серебрянкой гиря да на стене висели старые часы с неисправной кукушкой. За аренду всего этого Аля ежемесячно отдавала ползарплаты.

— Слушай, — сказала Ирка, вытащив из серванта фигурку серого Муми-тролля и гладя ее пальцем по пластмассовой голове, — тебе ведь сейчас нужно будет какое-то время просто

перекантоваться, пока нормальную работу не найдешь?

Аля кивнула.

— Так я подумала, давай Семену Сергеевичу — маминому мужу — про тебя скажу? Он что-то такое тёр, будто на ЦРУ практиканты требуются, — Ирка прижала Муми-тролля к щеке. — Работа у них не очень скучная и вроде не очень сложная. Нужно эфиры готовить: гостей обзванивать, опросы составлять, следить, как голосуют. Три месяца всего, но тебе ведь больше и не надо, наверное? Сможешь и работать, и учиться на своем гуманитарном. Как там, кстати, у тебя дела?

— Так себе, — скривилась Аля, — дореформенную фонетику надо пересдавать. И по теории и методике этот придурок Артур мне тройку впаял.

— Которого мы с малолеткой у «Кванта» видели?

— Ага. Таскает ее везде с собой, не знаю, ей шестнадцать-то есть…

Помолчали.

— Так я скажу Семену Сергеевичу? — тихо-тихо, будто боясь разбудить спящего ребенка, спросила Ирка.

Аля взяла с тарелки яблоко — наверняка оранжерейное, поэтому маленькое — и откусила половину. Оно оказалось словно бы ватным: безвкусным и мягким. Все-таки не зря мама уверяет, что молодые фрукты лучше не есть.

— Поговори, — кивнула она Ирке, — хуже, я думаю, не будет.

— Отличненько, вечером тогда забегу — скажу. Может, он тебя уже запишет.

— Давай.

— С работы навещать не приходили?

— Неа, — сказала Аля и почувствовала, что сейчас заревет, — я им и так жизнь испортила…

Когда Ирка собралась уходить, Аля вышла ее провожать. Она оперлась на косяк комнатной двери и смотрела, как подруга бьется с молнией на сапоге, возится с беретом, силясь убрать под него волосы с висков. Наконец Ирка бережно обхватила Алю за плечи, чмокнула в лоб, а уже из дверей помахала рукой. Аля хотела помахать в ответ, но гостья уже исчезла.

Голова кружилась, хоть и заметно слабее. Аля вернулась в комнату, достала из серванта книгу и, открыв ее наугад, прочитала несколько строк. Самочувствие при этом осталось сносным: немного затошнило, но терпеть можно. Тогда Аля вытащила лист бумаги; писать принялась полулежа, подложив под бумагу поднос.

«Уважаемый товарищ Народный Помощник Старосты! — вывела Аля. — Меня зовут Алина Галеева и на прошлой неделе я

работала в Департаменте подарков Старостата. Я всегда уважала Команду Старосты и те Дела, которыми она занимается. Поэтому уверяю Вас, товарищ Помощник, что мне вовсе не хотелось бросить на нее тень или как-то иначе помешать ее работе. Мне бы такое и в голову не пришло.

Так получилось, что в подарок для Пароходства и в некоторые другие тоже я положила мягких игрушечных медведей с носом-заплаткой. Этого бы не произошло, если бы их не собрались уничтожить за похожесть на какой-то символ.

Товарищ Помощник, на протяжении всей нашей истории медведь был символом смелости и благородства. Думаю, им и остается. Поэтому я считаю, что отдел Мягкого презента поступает негосударственно, и медведей истреблять нельзя.

Товарищ Помощник, я прошу Вас повлиять на руководство Департамента, с тем чтобы сотрудникам Общего отдела и других подразделений не выносились наказания из-за этого случая.

Извините за беспокойство, и удачи Вам в делах!

С уважением, Алина Галеева».

Перечитав текст, она не нашла что добавить. Теперь надо бросить письмо в спецящик. Аля подошла к окну и отдернула занавеску: стал виден двор, посреди которого дети копошились в мокрых руинах песочницы. Две скамейки, лишившиеся большей части ребер, сиротливо жались к земле. Из-за гаража выглядывала кошка. Спецящик висел на заборе бывшего детсада — аккуратный и абсолютно целый. До него от подъезда всего шагов шестьдесят. Накинув куртку, Аля направилась к двери: нужно побыстрее добыть у соседей конверт и прямо сейчас, несмотря на туман в голове, пойти и опустить письмо. Тогда его заберут еще до обеда.

Герман

Герману случалось бывать в подвале всего пару раз, и никогда — без освещения. Сколько ни пытался, он так и не смог найти выключатель, пришлось идти на ощупь, держась за холодные металлические перила и отыскивая ногой каждую новую ступеньку. Лестница оказалась узкой и очень запущенной, ступеней был явный некомплект, а те, что еще остались, как-то неприятно похрустывали. Наконец нога резко ударилась о вертикальную преграду, Герман чуть не вскрикнул от боли в пальцах.

Он несколько раз несильно пнул дверь, как бы спрашивая разрешения войти. Не получив ответа, налег на нее всем телом. Железо рявкнуло и провалилось внутрь, да так стремительно, что Герман едва не полетел кубарем.

Раньше в подвале было бомбоубежище для сотрудников радиоузла. Здесь даже стоял комплект оборудования, позволявшего передавать сигнал через городскую систему оповещения. Огромный бункер имел несколько спальных помещений, склад провизии, медпункт, несколько санузлов и кухню, где печь и нагреватель воды работали от дизельного электрогенератора. После войны, правда, подземная «сокровищница» подверглась разграблению. Дизель вывезли, разломав всю техкомнату, исчезло вещательное оборудование и даже металлические койки были разобраны и сданы в управление делами Старостата. Герман не знал, когда здесь поселился медведь, но, скорее всего, это произошло как раз после превращения спецобъекта в унылые руины.

Сейчас, оглядывая медвежью берлогу, Герман убедился, что к бомбоубежищу помещение не имеет уже никакого отношения. Большая часть зала была брошена, забыта и не освещалась. Марф оставил себе только угол старой кухни, в котором стояла (или, скорее, лежала) его кровать, похожая на ворох подгнившего тряпья, высились столик, нагруженный какими-то склянками, и плита, надо полагать, запитанная от электросети «Позывного».

Сам хозяин стоял как раз у плиты и, очевидно, собирался что-то готовить. При появлении Германа обернулся и внимательно уставился на гостя. Медведь казался удивленным, но не столько возникновением именно этого человека, а вообще наличием жизни за пределами его подвала.

— Добрый вечер, Марф, — поздоровался Герман, — извините, что вламываюсь. Я хотел поговорить с вами.

Хозяин не сделал приглашающих жестов, он по-прежнему

выжидающе смотрел и не двигался. Тогда Герман сам шагнул вперед, закрывая за собой входной люк. На несколько секунд его одолела какая-то подростковая нерешительность, открывать рот было стыдно и необходимо одновременно.

— Мой вопрос может показаться странным, но для меня очень важно, чтобы вы на него ответили, — произнес он наконец и уставился на морду Марфа с медвежьей же пристальностью. — Скажите, Марф, зачем вы на них работаете?

Медведь все молчал.

— Они истребляли вас десятилетиями, — продолжил Герман, — вы сами были свидетелем…

— Истребляли, — неожиданно подтвердил Марф, и Герману опять показалось, что произносимые звуки не совпадают с движениями пасти, — все так делают.

— Очень надеюсь, что нет.

Медведь отвернулся и протопал к высокому столику. Взял бутылку с какой-то розовой жидкостью, смешно запрокинул голову и вылил половину содержимого себе в пасть — с громким бульканьем.

— Зря надеетесь, — заявил он, облизываясь, — просто мы не успели первыми.

— Да перестаньте, — поморщился Герман, — это же нелепица какая-то, вы лучше всех должны знать, что происходит.

— Месиво, — сказал медведь.

— Что месиво?

— Месиво происходит, — пояснил Марф, — патриотическое. У вас с этим проблемы?

— Да, я хочу уйти.

Медведь чуть склонил голову набок. Видимо, удивился.

— Куда уйти?

— Да куда угодно, — Герман неопределенно махнул рукой в сторону, — в Китай или на Запад… Я собираюсь переключить вещание, — неожиданно признался он и почувствовал, как все вокруг качнулось от этого признания, в ушах зашумела кровь, сердце запрыгало в разные стороны, — мы сможем обратиться к жителям…

— Три раза в неделю, — прервал его Марф, — у меня регулярный контакт с жителями. Я и так обращаюсь.

— Марф, вы ведь знаете тропу через Поля, — взмолился Герман, — можно было бы вместе потом…

Медведь включил конфорку и подвинул на нее лапой какую-то пузатую продолговатую посудину, похожую на утятницу.

— Герман Александрович, по-моему, вы идиот, — просто сказал он, — в плохом смысле.

Герман судорожно сглотнул. Он не сразу понял смысл прозвучавших слов, а поняв, еще некоторое время удивленно пялился на хозяина подвала. Ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать: Марф над ним издевается. Эта огромная бурая туша в самом деле скалилась в беззвучном смехе. Пошел ты в жопу, ублюдок, с неожиданной злостью подумал Герман. Продолжай рассказывать им о предателях, им это нравится.

— То есть ваше занятие не кажется вам чудовищным и диким? — зачем-то уточнил он.

— Ничего чудовищного, зря себя мучаете. Это такая же работа, как другая.

— Это работа?! — выкрикнул Герман. Руки сжались в кулаки, и он чувствовал, как ногти впиваются в кожу. — Да больший позор сложно и представить! Лгать и корчить умильные рожи, вот как оно все весело и хорошо! Физиотерапевты в концлагере!

Медведь реплику проигнорировал. Он открыл кухонный шкафчик, достал пакет каких-то сухофруктов или сухоягод, затем взял заварник и, похоже, собрался готовить чай.

Герману захотелось с размаху хлопнуть дверью. А еще лучше — запустить в зеленые глаза-пуговицы чем-нибудь тяжелым.

— Удачи вам, Марф, — бросил он, пиная входной люк. — Надеюсь, вы их все-таки однажды съедите.

Герман вышел, мощно саданув дверью. Марф наморщил нос. Он высыпал треть ягод из пакета в заварник, понюхал воздух над ним и, удовлетворенно ухая, добавил щепотку черного чайного листа. Чай — дорогущий товар, в последнее время почти исчезнувший. Его если и можно достать, так только через запасливых бурых: они еще кое-где держат старые склады, списанные официальной властью. Чтобы пить чай, а не труху из ярких пакетиков, которыми завалены магазины, надо знать места. И Марф их знает. Марф много чего знает, много чего помнит. И этого мальчика Германа, готовившего курсовую по национальной асимметрии, и восторженные отзывы о ней Министерства Адаптации — тоже.

— Съем, — сказал медведь вслух, — съем.

Выбравшись из подвала, Герман медлил только с минуту. Ждать больше нечего: медведь перечитал историй о предателях, и никакой помощи от него не будет. Это никак не меняет плана, хоть до последнего и оставалась надежда…

Герман навалился плечом на обитую железом дверь подвала, и та с трудом, но поддалась. Тогда он закрыл ее сначала на один, а потом и на второй замок. Большой ключ вынимать не стал, а сбегал к себе в подсобку за давно припасенными инструментами. Кусачки и плоскогубцы бросил в карман куртки, молоток

пришлось нести в руке. Как Герман и рассчитывал, ключ сломался после первого же удара. Теперь, даже если у Марфа есть дубликат, это ему не поможет — подвал заперт намертво.

Герман двинулся по заранее намеченному маршруту. Он старался идти обычным шагом, чтобы не вызвать подозрений у тех, кто его случайно увидит. На пути, однако, никто не попался. В коридоре, где уже два месяца продолжался невнятный ремонт, было неуютно. Под ногами шуршали набросанные на пол газеты, то и дело приходилось обходить заляпанные краской козлы. Лампочки, висящие на скрутках, местами потухли, местами утомленно перемигивались. Но все это, конечно, ерунда, потому что в этом коридоре нет камер наблюдения: их сняли, чтобы не повредить. А еще там, где коридор поворачивает к главному входу, Герман проковырял дырку — сначала в стене, а потом и в полиэтиленовой трубе телефонной канализации. Ее никто не заметил (в этом грязно-газетном хаосе немудрено), и теперь можно без помех перерезать пуповину, связывающую Репродуктор и весь остальной мир.

Сердце колотилось о грудную клетку так сильно, как будто хотело ее раздробить. Герман пытался медленно и глубоко дышать, но это не срабатывало. Из-за нервного напряжения тяжелели ноги и немели пальцы. Звенела лампочка над головой. Звенела, звенела, а потом затаилась. Тишина всего на секунду — и снова комариный звон…

Герман сидит в школе на политинформации. У них в лицее политинформация каждый вторник за двадцать минут до первого урока. Надо приходить со своей газетой, в которой подчеркнута важная новость, и у Германа такая новость есть, он нашел ее в «Часовом призыве» и выделил синим фломастером. Статья называется «Бой со стихией» и рассказывает про миноносец «Светлый».

Только сегодня классу не нужен «Часовой призыв», Людмила Афанасьевна принесла большую черно-белую газету и сама читает ее вслух. Читает громко, с выражением. Герман зажимает уши, а сидящий рядом мальчик Валя пытается отнять его ладони от головы.

— …продемонстрировала не только некомпетентность на посту, но и заставила задуматься об основах кадровой политики Государственного института. Все эти годы в ректорате рука мыла руку, и делишки профессора Екановой оставались без должного внимания.

Это про его маму. Позавчера ее выгнали с работы, и она все время плачет. Людмила Афанасьевна читает, а одноклассники

хихикают и оборачиваются к нему.

— Какой позор, — качает огромной желтой прической классная.

Даже с закрытыми ушами Герман слышит, как над ним звенит лампочка…

Он подходит к дырке в стене, оглядывается и протягивает к проводу кусачки. Одной рукой перекусить не получается — слишком толстый кабель, приходится взяться и второй, а потом еще давить изо всех сил. В конце концов что-то щелкает, и провод разваливается. Всё. То есть должно быть всё, если у них вдруг не окажется резервной линии.

Герман сворачивает в другое крыло — здесь уже чисто и никакого звона. Слева и справа двери студий, комнаты отдыха, пустое пространство со столиком и стоящими вокруг диванами. Герман не оглядывается по сторонам, он идет к комнате отдыха, которой закончится эта коридорная кишка. Ее уже видно: дверь слегка приоткрыта, и на шкафу пытается давить из себя изображение маленький телевизор.

Кто-то там, в слепом отростке кишки, ржет. Надсадно, со срывом в икоту.

— Кончай уже! — булькает он сквозь хохот. — Хорош, я тебе говорю!

Значит, в комнате два охранника. Отлично, значит, на обходе только один. Герман подлетает к двери комнаты, рывком закрывает ее и трясущейся рукой вставляет в замок ключ. Два поворота, а теперь загнуть его плоскогубцами.

— Э-э-э, что там такое? — вскрикивают из-за двери. — Открывай!

Они начинают лупить кулаками и орать. Фоном к крикам охранников блеет телевизор, из него выползает авторская программа Самарского «Плюс мы». Что-то про солидарность с учителями…

«После того как некоторые чиновники от науки унюхают синекуру, от них самих начинает пованивать», — доносятся из приемника слова Саши Буллера, который станет Лешей Самарским года через три. Это правовая программа на «Голосе Федерации», и ее слушает Вовкин отец. Сам Вовка вместе с Германом расставляет в зале солдатиков вдоль плинтуса. Потом они хотят расстрелять эту армию из пистолета пластмассовыми пульками-дисками.

«Этот запах, этот смрад махинаций и мракобесия, — растягивая последние слоги, вкрадчиво шепчет Буллер, — он

слышен. Он пытается сгуститься вокруг нас. Вчера процесс над руководством Госинститута завершился. Все его участники — лжепрофессора и как бы академики — отделались небольшими сроками. Общество оказалось снисходительным. Но нужно ли быть снисходительным к этим людям? Вопрос. Я назову имена фигурантов нашей истории, а вы еще раз вслушайтесь в их звучание: Силуанов, Андреев, Грицерский, Акопова, Еканова…»

Герман вскакивает с пола и с размаху бросает игрушечным пистолетом в радиоприемник. Тот сдвигается, но так и остается стоять на комоде. Тогда Герман прыгает к комоду и начинает раздирать черную коробку приемника на куски — ломая ногти и раздирая пальцы. Стеклышко от расколовшейся таблицы настройки больно впивается в ладонь…

Герман идет мимо «стены славы»: широкий коридор завешан фотографиями под стеклом в стеклянных же рамках. Здесь есть ряд редакторов — бывших и нынешних. Ряд лауреатов Госпремии, ряд «сотрудников года» и так далее. Герман никогда не обращал внимания на этот парад улыбок, а теперь ему кажется, что здешние обитатели просто показывают друг другу зубы. Железные и золотые, неровные и выбеленные. Это зубной гастроном, ставший музеем. Палеонтологическое пиршество.

Впереди холл, перегороженный невысоким турникетом. Герман прыгает через перекладину и идет к входным дверям — проверить, закрыты ли. Над дверьми мигает красная лампочка, значит, включена блокировка, но Герман все равно дергает за ручку. Нет, правда: все глухо. Он и здесь вставляет в замки ключи и загибает их плоскогубцами, по толстому верхнему даже залепляет пару раз для надежности молотком. В личинке замка что-то хрустит, а сама дверь начинает дребезжать.

Хорошо. Теперь остается найти последнего охранника и закрыть «документ». Герман уже не замечает скачущего сердца. В голове пустота, тело двигается на автопилоте. Он чувствует только лицо, которое горит от прилившей крови, будто обожженное взбесившимся солнцем.

Герман пересекает холл, снова перепрыгивает турникет и подходит к пульту охраны. Все три экрана наблюдения включены: два показывают пустые коридоры, один — крыльцо перед главным входом. Герман начинает листать изображения с разных камер: ничего, ничего, снова ничего. В «документе», уткнувшись в экран, сидит один режиссер — в наушниках он слышит только свой материал. Замечательно. Герман снова листает показания камер, и находит последнего охранника рядом с буфетом. Охранник направляется в это крыло.

Саданув по каждому из трех экранов молотком, Герман выходит этому парню навстречу. Вокруг мерцают коридоры. То ли из-за моргающих лампочек, то ли еще почему, но Герману кажется, что они плывут цветом, из охрового перетекают в оранжевый, из бледно-голубого в фиолетовый. Но больше всего серо-зеленого, он просачивается из теней и струится по полу.

По железной лестнице без перил Герман поднимается на второй этаж — металл гулко ухает под ногами. Он рывком распахивает дверь и смотрит в мерцающий коридор. Здесь никого нет.

Герман прячет руку с молотком под рубашку и двигается к буфету. Куда этот охранник мог свернуть? Разве что в кабинет чей-нибудь зашел.

Герман проходит треть коридора, когда охранник выныривает справа и радостно машет, подзывая к себе:

— Привет! Эти свиньи опять не закрыли кадровый центр, иди, запротоколируем. А то в прошлый они отбрехались и даже на нас пытались свалить.

Он делает шаг вправо и исчезает из поля зрения. Этот охранник маленький и лысый, с висячими рыжими или даже ржавыми усами. От него всегда пахнет кислыми щами, а ладонь при рукопожатии мягкая и потная.

Герман подходит к двери с табличкой «Кадровый центр». Дверь открыта, а лысина мелькает рядом со стопками пухлых папок на столе. Похоже, охранник пытается куда-то сгрузить личные дела…

Институт стран Востока. Станислав Борисович читает черновик речи Германа на защите кандидатской. Он задумчиво шевелит губами и слегка качает головой. Время от времени непонятно зачем расчесывает волосы пятерней и после этого несколько секунд держит ладонь на весу. Речь, как и кандидатская, озаглавлена: «Неофеодальные тенденции в посткризисном развитии ближневосточных государств».

Герман ждет. Он ерзает за партой и пытается по мимике своего научрука угадать, нравится ли тому текст. Кажется, нравится. Герман перебирает в голове состав научного совета: там вроде бы у Борисыча неплохие позиции, так что шансы хорошие.

Наконец Станислав Борисович отрывается от чтения, откладывает стопку листов, принесенных Германом, и, сощурившись, смотрит в окно.

— Это все хорошо, — говорит он, — только мы с вами все равно пойдем на хер.

Герман подпрыгивает от возмущения:

— Почему это?!

— У вас анкета не прошла.

— Какая анкета? — поражается Герман. — Я последнюю анкету больше года назад сдавал.

— Ну вот она и не прошла.

Станислав Борисович по-прежнему смотрит в окно, а Герману все сильнее хочется ударить его в правый глаз. Он даже слегка подается вперед…

Охранник рефлекторно вжимает голову в плечи и пытается обернуться, но Герман с размаху лупит его молотком в темя.

— Суки! Настоящие суки, — шепчет он, добавляя удары.

Охранник валится на пол, но Герман не смотрит в его сторону. Герман не пытается проверить, жив тот или нет, Герман уже несется по коридору в сторону документальной секции. Когда в какой-то момент на стенах вновь начинается галерея скалящихся людей, Герман бьет молотком в эти зубы и носы. Сзади сыплется стекло, а он бежит дальше…

Лева отбирает у Германа бутылку.

— Пошел ты в жопу, Геша, так себя гробить, — говорит он ласково. — Вот какого хера ты пьешь, когда не умеешь этого делать совершенно? Кто же спивается красным полусладким?

Герман зло отмахивается. То, что с ним происходит, действительно не похоже на запой. Это похоже на отравление: тошнит, болит голова и отключить сознание никак не получается.

Лева нюхает горлышко и морщится, после чего находит под раковиной переполненное мусорное ведро и сует туда бутылку.

— Мог бы и обратиться, между прочим, — произносит он, выкладывая на стол корочку «Сторонник Старосты».

Герман брезгливо раскрывает ее указательным пальцем — корочка на его имя.

— Ничего себе, — хмыкает он и идет к холодильнику за холодной водой. — Может, мне тогда сразу в партию записаться?

— В партию сейчас тебя никто не возьмет, — веско замечает Лева. — Безработный, в порту постоянно трешься… Геша, ты же взрослый человек, должен понимать, что там целая рота сидит и все протоколирует: кто пришел да что делал.

— Нерабочая часть порта у нас не закрыта для посещения, — огрызается Герман, прикладывая холодную бутылку к голове.

Лева грустно улыбается.

— Тебе не идет казаться глупее, чем ты есть. У нас и выезд не

запрещен, если ты помнишь. Ладно, — Лева стучит пальцем по удостоверению сторонника. — Возьмешь вот это и завтра пойдешь устраиваться на работу.

— Куда? — ехидно интересуется Герман.

— На радио. Будешь сменным дежурным с окладом специалиста первой категории. Все уже договорено. Включил-выключил — и сидишь, примус починяешь.

— Стратегический объект хочешь мне доверить?

— А то…

Выдался на удивление безветренный, тихий вечер. В небе видна хмурая тень инфодирижабля и бледный отпечаток луны — чуть левее стелы Гагарина. Оно будто бы упало на землю и созвездия разбились на мелкие осколки. Вон там, в районе вантового моста через речку Ключ фонари пробуют собрать хвост Скорпиона, в порту лежит сплющенная Малая Медведица, а по проспекту Народовольцев — ближе к ЦУМу — растекаются Весы. Стаи звездочек кружат по городу, разлетаются по улицам и площадям, рисуя совершенно новые небесные карты. Скоро они проложат путь и сюда. Двинувшись с проспекта Матерей, зацепят площадь Космонавтики, свернут на Энтузиастов и выйдут на Академика Нестерова трассирующим пунктиром. Но это будет еще минут через тридцать, а может, даже через сорок.

Сидя на крыше Репродуктора, Герман смотрит, как город сам себе выключает свет. Город будет спать — долго и с удовольствием, видя во сне куриную ногу и разноцветные воздушные шары. И только те граждане, что выключили приемники до конца вечернего эфира, наверняка спать не будут. Сейчас они прижались к своим черным коробочкам «Связной» или «Маяк» и с ужасом-восторгом ловят шуточки Вечернего Пилота и Лики Трубецкой. Во всех приемниках города прописалась измена.

Герман перенастроил трансляцию за сорок три минуты до конца официальной программы: блок госновостей лопнул посередине, так и не появился имеющий «постоянный контакт» со слушателями Марф. Вместо него заговорил замредактора «Волны» Нагорный, он как раз заканчивал очередную серию из цикла «Курильщики».

Герман тоже хотел послушать сегодняшний эфир, но вытащенный на крышу приемник отказался работать. Может, его забивает помеха от головной антенны, черт знает. В итоге он запер главную аппаратную, а потом и весь техотсек, педантично проделал с их замками то же самое, что и со всеми остальными, после чего выбросил оставшиеся ключи и инструменты.

Уже поднявшись на крышу, он слышал, как в разных кабинетах начинают заходиться телефоны. На это Герман удовлетворенно улыбнулся. На него вдруг накатила расслабляющая волна эйфории, и все происходящее стало казаться сюжетом для развлекательного канала. Чем, собственно, и являлось.

Он надел под рубашку водолазку, а сверху накинул куртку с капюшоном. Получилось почти тепло. По крайней мере Герману не казалось, что на крыше пронзительно холодно. К тому же он уволок из буфета бутылочку водки: для этого пришлось отломать бару дверцу, но оно того стоило.

Теперь, подложив под себя найденную спецовку линейщиков и прикладываясь к «Белым росам», Герман полусонно раздумывает, как все хорошо. Стоики уверяли: «Делай что должен, и будь что будет». Ну так вот все и сделано. Все получилось.

Сейчас те, кто посмелее, уже звонят знакомым, спрашивая: «Ты слышишь?!» Кто-нибудь наверняка пишет прямо с «воздуха» на микрофон. Большой взрыв. Самый что ни на есть большой взрыв…

В стороне Гагаринской площади начинают кучковаться разноцветные огоньки. Герман прищуривается и видит, как они вытягиваются в струнку и вползают на Кораблестроителей, как растекаются по окрестным дворам и вываливаются на Нестерова. Они на любой вкус: красно-синие милицейские, белые армейские и желтые безопасников. Они слетаются на Репродуктор как разноцветные светлячки, затягивают его в светящуюся петлю. Тихо-тихо, без сирен и громкоговорителей. Почти нежно…

Герман наблюдает, как из остановившихся в некотором отдалении машин выскакивают черные пластмассовые человечки и осторожно крадутся к зданию. Он улыбается, делает последний глоток «Белых рос» и направляется на тот край крыши, что нависает над главным входом. Он не особо целится, а просто запускает бутылкой в двух ближайших человечков. Вроде бы промах.

— Это все равно не идет в зачет! — кричит Герман, вглядываясь в мельтешение перед зданием.

И салютует вскинувшим автоматы.

Марина

Марину резко начало клонить в сон: она почувствовала, что стоит ей закрыть глаза и прислонить голову к стеклу, как все вокруг уплывет и размажется. Как гуашь на бумаге, если добавить немного воды. Зеленые и желтые пятна начнут разбегаться в стороны, у них станут бледнеть края и если еще раз макнуть кисточку…

— Ладно, — долетел до Марины Фимин голос, — перекусим — и на прием. У тебя сегодня все-таки первое свидание.

Как это часто с подругой бывало, стресс от вчерашних страшноватых приключений у нее сменился эйфорией и повышенной болтливостью. Серафима принялась трещать про партизан, строительство олимпийских объектов в порту и про скорую Маринину встречу с руководством Старостата.

— Ты молодчинка, — уверяла Фима, — всем очень понравилась, и тебя хотят поблагодарить лично. Я вообще помню только один случай, когда они лично хотели познакомиться с автором. Так что хватай этот шанс зубами и не выпускай. И главное, — Фима заливисто захохотала, — не нахами ненароком, а то знаю я тебя.

Она еще долго несла что-то про офигенно национальный масштаб конкурса и своевременный выпуск пара. Марина слушала вполуха. Она и без Фимы знала, что успех конкурса оказался совершенно неожиданным для его устроителей. А уж для самого автора концепции тем более. В адрес оргкомитета писали домохозяйки и рабочие, швеи и троллейбусные кондукторы. И, конечно, писали студенты: много, хлестко и даже местами зло — Марина сама смотрела отчеты Канцелярии по количеству пришедших писем и их тематике. Она опасалась, что поднявшаяся волна подвигнет Старостат начать зачистки наиболее радикальных «корреспондентов». Но пока в своем дополнительном выступлении Староста объявил, что решено поощрить одиннадцать человек — в честь одиннадцатой годовщины Победы.

И вот теперь с ней хотят встретиться на своей территории. Может быть, Фима права, и ее хотят просто поблагодарить. Но вообще это сомнительный повод.

— Слушай, — сказала Марина, — совершенно не хочу есть. Давай ты меня прямо к Старостату подбросишь, а в «Моцарт» я лучше сразу после подъеду.

Они так и сделали. Фима высадила Марину на Пролетарской площади, а сама укатила в кафе, где был забронирован столик.

Марина же обошла выключенный фонтан, поразглядывала флаги на козырьке входа в Старостат и, улыбнувшись мыслям, стала взбираться по гранитным ступеням к центральным дверям.

Называя имя того, к кому направляется, Марина с расслабляющей легкостью, какой до этого не случалось, преодолела рамки металлодетекторов и посты паспортного контроля. Она поднялась на лифте на восьмой этаж и в сопровождении гвардейца специального полка добралась до Малого зала, где и была назначена аудиенция. Гвардеец чеканил шаг, отчего добротный паркетный пол жалобно скулил, и Марине все время казалось, что кто-нибудь непременно должен выглянуть на грохот и возмутиться таким безобразием. Однако никто не выглянул.

Зал оказался совсем крохотным, с круглым столом, вокруг которого примостились четыре стула на гнутых ножках. По стенам с восточным орнаментом были развешены гобелены со сценами китобойного промысла. С потолка смотрел гербовый красный петух.

Марина прошлась по кругу, после чего присела на один из стульев. Часов здесь не было, а свои наручные она оставила на входе, в ячейке для металлических предметов. Определить время, таким образом, не представлялось возможным, и она развлекалась тем, что угадывала, где именно в этом зале установлены скрытые камеры. Марина насчитала шесть таких точек, когда дверь чуть слышно скрипнула и открылась.

На пороге стоял Он.

Маленького роста, плотный, чернявый, высокий лоб и серые глаза. В таком же, как обычно показывают по ящику, неброском темно-синем костюме и бордовом галстуке с гербовым зажимом. Хозяин шел слегка вразвалочку, отставляя правую руку в сторону и будто бы говоря: «Ба, какие люди!» Вместо рукопожатия Он чмокнул Маринино запястье.

— Марина Владимировна? — спросил, приглашая садиться.

— Да, Владислав Александрович.

Марина хотела пошутить: «А вы ждали кого-нибудь другого?», — но осеклась.

— Рад, — сказал Он, опустившись на стул и поправляя галстук, — правда рад. Мне показалось, что у вас точный и свежий взгляд. А это не так часто у нас встречается.

— Спасибо, — Марина постаралась сдержано и в меру доброжелательно улыбнуться, — всегда приятно, когда твоя работа оказывается востребованной. Вдвойне приятно, когда она нравится.

Он понимающе кивал, приложив указательный палец к

отполированному подбородку. Марина подумала, что у него все же жидковатые волосы и избыточно водянистые глаза. А так — вполне ничего.

— Да, — сообщил Он, — завтра уже итоги, и я хотел бы пригласить вас на подведение. На 16:30 ничего не планируете?

— Нет, — сказала Марина.

— Вот и отлично, — заметил Он, чуть подавшись вперед и несколько нависнув над столом. Марина подумала, что его рот сейчас похож на аккуратную прорезь в ткани, настолько ровно и безэмоционально сложены губы. — Мы тут немного пообсуждали с коллегами… — Он сделал многозначительную паузу, очевидно, давая время оценить, какие коллеги имеются в виду, — и хотим предложить сделать вашу работу востребованной и дальше.

Марина напряглась. Сейчас предложит какие-нибудь воскресные «Вести», подумала она, и надо будет очень аккуратно соскальзывать. Он тем временем не спешил продолжать. Внимательно разглядывал, вроде бы добродушно, но чуть лукаво. Все-таки падок на театральные эффекты, не зря о нем это говорят.

— Вы, должно быть, полагаете, что мы хотим забивать гвозди микроскопом? — иронично поинтересовался Он. — Скажем, позвать вас в самодержавную программу. Так же вы их называете — «самодержавные»? — Он рассмеялся. — Вовсе нет. Напротив, я хочу предложить вам самое независимое поприще из возможных, — Он снова откинулся на стуле и собрал на груди пальцы в замок. — Марина, мы видим вас в должности программного директора «Отечественной волны». Думаю, вам хорошо знакомо это название. Нужды изображать удивление нет, мы понимаем, что наша интеллигенция знакома с «Волной» поголовно… Я вам больше скажу, — тут Он приложил ладонь к губам, словно бы собирался сообщить что-то крайне секретное, — у нас половина Старостата ее в рабочее время слушает.

На крыльце «Отечественной волны» ее встречали двое. Сутулый бородач птичьей наружности: маленькие черные глазки, длинный нос и сухие ручки. А также плотный господин с трубкой в зубах. Марина отметила, что на обоих вельветовые пиджаки.

Когда машина остановилась, бородач сбежал по ступенькам и открыл Марине дверцу. Ей даже показалось, что он чрезмерно согнулся, подавая руку. Плотный курильщик слегка поклонился, но остался стоять на месте.

— Благодарю, — сказала Марина бородачу, — я ведь правильно понимаю, что вы — Александр Геннадьевич Нагорный?

Тот довольно кивнул и жестом пригласил Марину входить. Они поднялись на крыльцо, и курильщик, в котором Марина

теперь опознала Льва Алябьева — ведущего «Часа Дракона», распахнул перед ними дверь.

— Очень рады, что вы, Марина Владимировна, посетили нас безотлагательно, — заговорил Алябьев уже внутри особняка, когда все трое прошли в кабинет с чеканной табличкой «Логово Дракона».

— Да-да, — подтвердил Нагорный, — а то бы мучились тут в неведении…

Радийщики синхронно улыбнулись.

— Ну-у… мне было крайне интересно, где гнездится либеральная гидра, — подыграла Марина хозяевам. — Не смогла удержаться.

Алябьев рассмеялся и постучал пальцем по своей трубке.

— Не возражаете? — спросил он Марину.

Та отрицательно покачала головой. Алябьев признательно приложил ладонь к сердцу и закурил. По кабинету распространился сладковатый запах. Нагорный в это время готовил всем кофе: в недрах стоявшего за спиной Алябьева шкафа обнаружилась кофе-машина, которая с громким жужжанием добавляла к запаху табака горьковатый кофейный.

— Полагаю, вы знакомы с продуктом нашей станции? — скорее утвердительно сказал Алябьев. — Вот и про гидру знаете.

Он подал Марине чашечку с кофе, принятую от Нагорного, вторую взял себе и стал бросать в нее один за другим кусочки бурого сахара. Всего Марина насчитала пять штук.

— Конечно, — кивнула она, зачем-то помешивая кофе, — было бы странно, если бы я, работая в журналистике, не знала про «Волну». Вы, кстати, сами как оцениваете долю совершеннолетних, которые хоть раз вас слушали?

— Знаете, — подал голос Нагорный, — быть знакомым с нашим продуктом и быть посвященным в информполитику — это очень разные вещи. Я понимаю, Лев Арсеньевич именно это имел в виду. Что же до вашего вопроса, то полномасштабных исследований среди всех слоев не было. Это технически трудно сделать, сохранив существенные детали проекта в тайне, согласитесь. Но, по нашим оценкам, около трети населения.

— Коньячку? — неожиданно предложил Алябьев и извлек откуда-то из-под стола каплевидный хрустальный графинчик. Почти до пробки он был заполнен странной гранатовой жидкостью.

— Коньяк — с обеда? — удивилась Марина.

— Ну так у нас сегодня не простой день, а праздничный, — парировал Алябьев. — Не каждую среду нам присылают нового руководителя. Не каждый раз он столь сведущ и очарователен.

Марина скептически ухмыльнулась, но приняла протянутый редактором «Волны» гранатовый бокал. Тонкий и большой, он едва поместился в ее руке.

— Про вашу информполитику я не знала, но догадывалась, — она поднесла бокал к носу и пыталась, как полагается, сначала ощутить аромат, — поэтому в Старостате я не стала изображать нечеловеческое удивление.

— Вместо этого вы решили, что мы продажные скоты, — с готовностью подсказал Нагорный.

— Ну да, — Марина сделала глоток и слегка склонила голову набок, хитро сощурившись, — именно поэтому я и согласилась с вами работать.

Нагорный захохотал, хлопая себя по правой коленке. Его распушенная борода запрыгала белым облачком. Алябьев кивал в такт. Марина не смогла бы наверняка сказать, действительно ли эти двое смеются над ее не особо забавными шуточками или потешаются над ней самой. Она решила, что сейчас это не так важно. Время будет — разберемся. А время будет.

— Как вам кажется, мы действительно мелкие замаскированные гады или таковыми только видимся из Старостата? — спросил Алябьев, постукивая трубкой по крышке стола. — Ну то есть если предельно обострить, на ваш взгляд: мы коллаборационисты, дурящие население, или маленький глоток правды в море аккуратного государственного вранья?

Ага, подумала Марина, вот кем вы себя, оказывается, считаете. Надо же, прямо интеллигенция и революция, сочинение для десятого класса.

— Ох, как глубоко вы копаете, — сказала она. — Думаю, мне было бы странно сразу же отвечать однозначно. Позвольте, я сначала присмотрюсь.

— Позвольте, Марина Владимировна, вам не позволить, — встрял Нагорный. — Не сочтите меня хамом, но это принципиальная вещь! От того, какую позицию занимает административное руководство, зависит вопрос… — тут он принялся загибать пальцы, — вопрос организации работы, вопрос, если хотите, «прикрытия» наверху. Вы же понимаете, не всем и не всегда следует рассказывать, как и где работает «Волна», а значит, о ее проблемах нужно докладывать прямо наверх. Это, Марина Владимировна, ой как не просто! Ну и вопрос финансирования, само собой.

Марине вдруг вспомнилась одна из программ Нагорного, в которой он говорил о кризисе доверия к официальным каналам массовой коммуникации: «Восприятие расщепляется, сознание

обычного человека начинает делить все на «настоящее» и на «как показывают в дирижабле». И эти вселенные со свистом несутся в разные стороны».

— Что касается поддержки, то ее могу обещать со всей определенностью, — сообщила Марина. — Не подумайте, что, раз я из ЦРУ, моя задача вас закрыть или перевести под единое руководство. Я сама от него, мягко говоря, не в восторге.

На этом месте Алябьев довольно закивал.

— Что касается непосредственно программ, — продолжила Марина, — то кардинальных изменений пока не будет. А что добавить и улучшить, мы вместе обсудим месяца через два, когда я изучу у этой гидры не только головы, но и хвосты. Такое предложение вас устроит?

— Вполне-вполне, — сказал Алябьев, — два месяца достаточно на нормально поговорить. Я предлагаю поднять за взвешенность решений.

Он снова разлил коньяк, и все выпили.

— Вы разрешите, Марина Владимировна, если мы вас сразу бросим в бой? — поинтересовался Нагорный.

— С корабля на бал, конечно-конечно, — подтвердил Алябьев. — У нас сейчас начнется «Двоичный код» Беккера и Лики Трубецкой. Они будут про конкурс говорить. Ну и вы… как эксперт… Мы ваше появление, признаться, с обеда уже проанонсировали… Очень хотелось бы, чтобы поучаствовали.

Они надеются выпихнуть меня в прямой эфир и сразу поймать, поняла Марина. Там же наверняка скажут, что конкурс — профанация, а мне ничего не останется, кроме как согласиться. И вот я уже сама выступлю против себя. А если отказаться, сорву объявленное выступление. Ловко.

— А давайте я чуть опоздаю на эфир, — сказала Марина. — Минут пятнадцать, этого будет вполне достаточно. Я за это время уловлю тон разговора и вообще постараюсь освоиться.

— Что ж, резонно, — согласился Нагорный. — Тогда я покажу ваш временный кабинет — завтра-послезавтра будет готов основной. И минут через двадцать за вами забегу.

— По рукам, — кивнула Марина.

Она поднялась на второй этаж, где рядом с дверью № 22 уже прикручивали табличку «Марина Камильская, программный директор». Из окна кабинета открывался вид на остов разбитого кинотеатра «Ударник» и чудом сохранившийся газон по соседству — на нем еще можно было различить государственные ордена из пожухлых цветов. В кабинете стояли полукруглый стол, несколько стульев и большой сейф, притаившийся в углу за шторой. Марина подумала, что, быть может, имеет смысл остаться здесь насовсем.

Надо только попросить шкаф, а в остальном очень даже уютно.

Она вытащила пару листов из пачки бумаги на столе и села составлять тезисы эфира. Подготовиться к программе, однако, не удалось: через мгновение зазвонил почему-то стоящий под столом телефон. Марина сняла трубку и услышала голос Алябьева:

— Марина Владимировна? У меня тут совершенно несусветные сообщения. Даже не знаю, что и думать.

Он рассказал, что вещание ЦРУ прекратилось почти пятнадцать минут назад. Это было трудно представить само по себе, но следующая новость оказалась еще фантастичнее — на частоте «Позывного» сейчас «Отечественная волна».

Какая-то провокация, подумала Марина, так не бывает. Разыгрывают меня, что ли? Она включила висящий на стене приемник «Маяк» и услышала голос Вечернего Пилота.

— …кто может победить в верноподданническом конкурсе на неверноподданность? По-моему, ответ на поверхности.

Она крутанула ручку настройки влево и, добравшись до резервной частоты, снова наткнулась на Пилота.

В дверь постучали.

— Марина Владимировна, — позвал из коридора голос, — можно войти?

Марина открыла дверь.

— Вы уже в курсе? — спросил возникший Нагорный. Лицо его выражало безумный подъем. — Что делать-то будем? По-моему, надо разворачивать эфир в сторону произошедшего. С другой стороны, нет никакого понимания, почему спекся «Позывной». Как бы не пролететь.

— Подождите, Александр Геннадьевич, — поморщилась Марина, — давайте я обо всем этом чуть-чуть подумаю… а то голова кругом идет.

— Да-да, конечно, — согласился Нагорный, — минут через пять.

Он исчез, а Марина снова села за стол и принялась рисовать на бумаге домики с черепичной крышей. Мысли все равно отказывались выстраиваться даже в самую короткую цепочку. Военный переворот? Да ладно, министр обороны — крестник Старосты. Технические неполадки на ЦРУ? Натянуто, но в принципе возможно. Вот только «Волна» на частоте «Позывного» — что-то из другой оперы. Остается розыгрыш или проверка — со стороны Алябьева, Фимы, Старостата, да кого угодно. Или это уже параноидальный бред?

Мысли возникали и рассыпались. Марина старалась их удержать, но ничего не выходило, единственной константой

оставался пакет, в котором лежал медвежий диск. Если этот сошедший с ума эфир по какой-то нелепости правда — вот же он, Лешкин единственный шанс. Невозможный и невозможно реальный.

Марина сняла телефонную трубку, набрала пять цифр и долго слушала длинные гудки.

— Мама! — почти крикнула она, когда на том конце ответили. — Прости, ради бога. У меня все нормально. Правда нормально. Мне просто нужно узнать одну вещь. Да, именно сейчас и именно у тебя. У вас радио работает? Тогда включи, пожалуйста, и поднеси к нему трубку.

Она слышала, как мама идет на кухню, как щелкает выключателем света, а потом пытается дотянуться до высоко висящего над холодильником приемника.

— …мы узнаем об этом уже очень скоро, если нам, конечно, позволят, — пообещал в трубку Вечерний Пилот.

— Спасибо, мама, — сказала Марина упавшим голосом, — я тебе потом все расскажу. Нет, у меня правда все нормально.

Она нажала на рычаг. Тут же после короткого стука распахнулась дверь.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Нагорный. — Замечаем или нет?

Он был настолько возбужден, что, казалось, еще чуть-чуть — и начнет пританцовывать. Даже отстукивал ботинком какой-то дерганый ритм.

Марина еще раз посмотрела на пакет с диском. Тридцать две минуты. Тридцать две минуты, которые Лешка собирал больше четырех лет. Их можно дать на проектор и устроить дискуссию в студии. Недолгую, очень недолгую — тут, конечно же, не о чем особо дискутировать.

«Это еще раз доказывает то, что не нуждается в доказательствах», — шепнет с убийственным сарказмом Вечерний Пилот в ухо слушателям. «Самое чудовищное, что доводилось мне видеть за всю журналистскую практику», — судорожно сглатывая, пробормочет девочка Лика.

И, может быть, они скажут — что. И скажут — как. И там, в тихих хрущевках, кто-то поежится от ужаса. И отбросит наушники. И скажет: блядь, да это хрен знает что такое! Да это вранье! Вранье! Слышите?!

— Нет, — заявила Марина Нагорному, — пять минут играем по программе, если все остается по-прежнему, гасим вещание.

— Понял, — кивнул тот и, отпустив дверь, растаял.

Марина не видела, но знала, что он сейчас пронесется по коридору и будет через стеклянную дверь делать пассы руками.

Он даст знак ведущим: все как обычно, работаем по привычной схеме. А они улыбнутся и кивнут ему в ответ, может, кто-нибудь даже подмигнет.

Марина закрыла глаза и положила пальцы на веки.

— Так не бывает, — произнесла она вслух и помотала головой. — Не бывает.

Аля

В первый день Аля отправилась на ЦРУ пораньше. Хотелось изучить дорогу и разведать полезные «достопримечательности» поблизости от работы: магазинчики, троллейбусные остановки, может быть, аптеки. Она не знала, имеется ли у радиоузла собственная столовая, и поэтому на всякий случай решила найти место, где можно обедать. Сначала Аля прошлась по Академика Нестерова, потом по Кораблестроителей, а затем и по Симоновича, обойдя практически весь район. Оказалось, что всего в одном квартале от ЦРУ есть вполне сносный гастроном, а в пяти минутах ходьбы все еще работает бывшая заводская столовая Ремонтно-механического. Аля заглянула внутрь и с удивлением обнаружила, что за последние девять лет в столовой ничего не изменилось.

Когда Аля еще училась в школе, отец приводил ее сюда на обед — без десяти час. Точнее, это он подходил без десяти, а Аля чуть раньше: подняться на второй этаж, занять очередь и взять из большущей стопки два пластиковых подноса с будто бы надкусанными краями. Потом появлялся отец, и Аля сначала бегала высматривать, что сегодня дают, а потом протягивала ладонь за отцовскими деньгами — ей нужно было спуститься на первый, назвать тетке на кассе у входа номера блюд и расплатиться. Еду выдавали только по пробитому чеку.

Уже нет и Алиной школы, и отца, а здесь, в столовой «Заря», все те же рукомойники с одним вентилем и буквами «хол.» прямо на кафеле. Те же изломанные подносы и металлические кюветы вместо тарелок. И дородная повариха с руками-клешнями так же, как и раньше, шлепает в кюветы слипшиеся макароны, и чай все еще разливают по стаканам из огромного чана половником. А на столах вместо салфеток в стаканчиках стоит резаная бумага… Интересно, здесь все так же несъедобно, как и раньше?

Время подползало к десяти, а значит, пора идти к ЦРУ — скоро ее будут ждать в кадрах. Аля поглядывала на крохотные, в большинстве своем засохшие деревца, высаженные по весне вдоль улицы Симоновича, и все пыталась вспомнить, кто такой этот Симонович. Может быть, из старых начальников порта, но, скорее всего, тот самый мичман, который после запрета на пассажирские лайнеры потопил «Звезду Востока» вместе с пытавшимися бежать. Его вроде потом убили. Чуть ли не разорвали родственники погибших.

На улицах было немноголюдно. Аля практически в полном одиночестве прошла по аллее, появившейся после того, как

заасфальтировали речку Сирень. Справа осталось здание Дома быта, а слева уже виднелся ЦРУ.

Здание радиоузла напоминало велосипедную раму, которую уронили набок. Четыре одинаковых трехэтажных корпуса резали городскую планировку косыми линиями, никак не сочетающимися с выстроенными в шеренгу домами. Корпуса образовывали ромб и смыкались друг с другом круглыми кирпичными башнями в пять этажей. Их крыши ощетинивались каким-то невозможным количеством приемо-передающего металлолома, а на одной из башен громоздилась сетчатая антенна, пережившая, по рассказам, даже знаменитое цунами тридцатилетней давности. Окна большей частью круглые и одностворчатые. Над главным входом неоновая надпись: «Мы — пульс города».

— Семен Сергеевич сказал заходить не с главного, а со двора, — предупредила вчера Ирка, — там будет несколько дверей, тебе нужна с надписью «Студия 2». Войдешь и скажешь, что ты от Лисицкого.

Аля обогнула главную башню ЦРУ и оказалась в темной пещере прохода. С полсотни шагов проделала в абсолютной темноте, а потом вынырнула на внутренней стороне ромба. Здесь обнаружился неухоженный скверик с четырьмя плоскими железными скамейками в окружении чахлых кустов шиповника. В середине стоял вытянутый черный палец обелиска, к которому кто-то прислонил решетку автомобильного багажника.

Миновав сквер, Аля через арку попала в страшноватый внутренний дворик: со всех сторон смотрели темные вытянутые стекла, из-под лежащей на асфальте бетонной плиты гигантским грибом с облезлой шляпкой вылезала и ползла по стене труба. Двери — темные и будто бы зашитые в стены — были похожи на окна, только окна раздутые. Обещанной надписи «Студия 2» нигде не видно.

Аля сначала обошла весь дворик в надежде, что какие-нибудь указатели все же найдутся, а когда это не дало результатов, пару минут топталась на месте. Делать нечего, оставалось стучаться наугад. Еще раз обойдя дверной строй, Аля все же обнаружила около одного из входов звонок и с силой вдавила его кнопку.

Дверь моментом провалилась внутрь, и в проеме возник дядечка в мятой серо-голубой форме с тощим черным галстуком на шее. Он с прищуром оглядел Алю и вопросительно качнул подбородком.

— Мне нужна «Студия 2», — быстро заговорила Аля, — мне сказали, что будет табличка, а таблички нет…

— В кадры? — перебил охранник.

— Да-да.

Он кивнул и посторонился. Аля шагнула внутрь и оказалась на линолеуме с переплетенными желтыми и коричневыми цветочками. Вокруг были серые стены, а сверху свешивались разломанные пластмассовые плафоны.

Вместе с охранником они поднялись по лестнице на второй этаж, взяли вправо и прошли мимо галереи шаржей — Аля заметила, что на них видно не столько людей, сколько гигантские микрофоны и дутые наушники с чудовищными «ушами». На одном из шаржей половину видимого пространства занимала кружка с видом каких-то руин. Ее обладатель — гнусный типчик со слезливыми глазками макал в кружку длинный нос. На другой картинке тетка с вытянутой, как у жирафа, шеей выглядывала из оконной рамы, скалясь квадратными зубами.

— Тебе сюда, — махнул рукой охранник в сторону двери без таблички.

Аля хотела войти, но сопровождающий цапнул ее за плечо:

— Куда? Зайдешь, когда скажут.

Аля дернулась, пытаясь освободиться от птичьей лапы охранника, тот в ответ загоготал.

— Цыпа-цыпа, — пропел он, — резвая цыпа.

Руку, впрочем, убрал. Пока Аля стояла перед кабинетом, мимо прошли несколько человек. Все они бросили на нее скептический взгляд, а одна девушка в белой вязаной кофточке оглянулась и, секунду помедлив, направилась к Але.

— Раиса, не отвлекай нас, — сказал, заметив это, охранник, — иди по своим делам.

Раиса неприязненно скривила губы и хотела что-то сказать, но передумала. Она резко повернулась на каблуках и, оглушительно хлопнув дверью, исчезла в большой комнате, разделенной перегородками.

— Ладно, — объявил вдруг охранник, — давай уже, пора.

— Еще же не позвали, — удивилась Аля. — Может, все-таки подождем?

— Давай-давай, — повторил тот и подтолкнул ее в спину.

— Не надо вот этого, — сжав зубы, дернулась Аля.

Охранник присвистнул и пошел обратно — через шаржи, видимо, на первый этаж. Какой все же омерзительный тип.

Аля попробовала прислушаться к происходящему в кабинете, она даже убрала с ушей закрученные черные локоны. Никаких звуков, однако, не уловила. Внутри или ничего не происходило, или его обитатели все делали плавно и размеренно. Але почему-то представились белые тигры во фраках, которые неспешно вальсируют на мягких задних лапах, левую переднюю заложив за

спину.

Осознав, что ожидание действительно затянулось, Аля постучала. Сначала совсем робко — одним пальцем, а затем, когда не последовало ответа, вполне уверенно.

— Да, — сказал голос с той стороны.

Аля осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Просторный кабинет кадровой службы, запечатанный в желтые обои, упирался в окно, после чего резко поворачивал влево. Рядом с окном стояли два тонких металлических стула на комариных ножках и стол, похожий на половинку бублика. Он был плотно заставлен оргтехникой и настольными лампами. Верхом на одном из стульев — лицом к двери — сидел молодой человек в очках. Он сложил руки на спинку, а подбородок пристроил на костяшки пальцев. Взгляд у молодого человека был скучающий.

— Здравствуйте, — сказала Аля и постаралась по возможности весело улыбнуться, — а меня к вам Семен Сергеевич Лисицкий направил.

Парень хмуро посмотрел визитерше в глаза и чуть заметно мотнул головой. Он не поменял позы и ничего не сказал. Несмотря на это, Аля все же зашла в кабинет и прикрыла за собой дверь. Тогда парень встал, отчего стул дернулся и запрыгал по линолеуму пола, прошел к двери и закрыл ее на щеколду. Рукой он сделал приглашающий жест к столу. Потом так же молча вернулся на исходную, а Аля заняла второй стул. Отсюда ей стало видно, что кабинет еще больше, чем показался от порога, просто часть его скрыта за тяжелой серо-зеленой занавеской.

— Семен Сергеевич сказал, что мне нужно будет подойти и заполнить необходимые анкеты… — начала Аля, но тут же осеклась.

Парень вскочил со стула и, с дикой злостью глядя на посетительницу, заорал:

— Какого хера ты тут разеваешь рот, когда тебя еще никто не спрашивает!

— Я просто подумала… — залепетала Аля.

— Что?!

От ужаса Аля вцепилась в стул и смотрела на нависающего над ней молодого человека широко распахнутыми глазами.

— Я тебя, блядь, разве спрашивал! — продолжал орать тот. — Отвечай, сука, спрашивал?!

Аля поднялась и попятилась к окну.

— Стоять! — рявкнул парень. Он выхватил из нагрудного кармана пиджака какую-то красную корочку и сунул ее Але в лицо. — Ты видела? — вопил он. — Нет, ты видела?!

Аля беспомощно махнула рукой и зажмурилась. Она чувствовала, как по щекам покатились слезы. Это был какой-то дурной сон.

— Я тебя, блядь, сгною! — долетали до нее слова. — Ты у меня отучишься пасть разевать, когда тебя не спрашивают! Говорить они, суки, умеют! Ты смотри!

Аля отступила еще на шаг и ударилась о подоконник.

— Нормально, — вдруг совсем другим голосом объявил парень.

Он прошел к разделявшей кабинет шторе, отдернул ее и сказал: «Все, можно сворачиваться. Пойдет».

Потом вернулся к плачущей Але и протянул ей откуда-то взявшийся стакан воды.

— Выпей, — сказал он, пытаясь засунуть стакан в Алину руку. Та легонько его отпихивала, продолжая всхлипывать. — Да не дергайся ты, и плакать можно переставать. Стандартная проверка всего-навсего.

— Какая… проверка…

— Какая-какая, — передразнил парень, — можно подумать, тебя Лисицкий не предупреждал.

— Не-ет, — протянула Аля. Она достала из кармана платочек и стала промокать им под глазами.

Парень ей подмигнул.

— Конечно, никто тебя не предупреждал. Иди вон за занавеску, тебе там дадут пару бланков заполнить.

Парень поставил стакан на стол и вышел из кабинета. Аля сделала пару глотков, чувствуя в воде отчетливый привкус валерьянки. Она все еще не понимала, что здесь происходит, но ужас потихоньку улетучивался. Из-за шторы вышла полноватая женщина лет сорока, у нее были слегка красноватые глаза ирландского сеттера.

— Ты не пугайся, — с сочувствием сказала она и кисло улыбнулась, — Андрей — хороший мальчик, даже не думай. Просто всех так проверяют.

— Кого это всех? — шмыгнув носом, спросила Аля.

— Ну всех, кого принимают. Забудь уже про это. Иди лучше заполни мне три бумажки да пойдешь по своим делам.

Женщину с глазами сеттера звали Валентиной Михайловной, и она была главным специалистом отдела кадровой защиты ЦРУ. Ее начальник сегодня отсутствовал, и для проверки пришлось звать Андрея из юридического — его самого зачислили в штат всего два месяца назад. А то, что Аля не убежала или не стала скандалить, — это правильно, так и надо себя вести. Теперь в личном деле никаких лишних отметок не будет.

Все это Валентина Михайловна рассказывала Але, параллельно угощая ее суррогатным кофе. Она разложила перед новой сотрудницей бланки анкет и тест, а сама пошла к столу-полубублику:

— Сиди, пиши спокойно, я тебе мешать не буду.

Аля, которая потихоньку успокаивалась, попросилась сходить в туалет — привести в порядок заплаканное лицо, однако получила отказ. Выяснилось, что во время заполнения документов выходить не разрешается.

Тогда она взялась за анкеты и поначалу заполнила личную. Уже во второй раз (первый случился при поступлении в Департамент) поразилась, насколько древние и малопонятные здесь вопросы. Нужно было отвечать про даты выездов за границу, хотя выезжать некуда — за периметр время от времени отправляются только специальные исследователи и только по заданию Старостата. Смешным выглядел вопрос про участие в негосударственных некоммерческих организациях и про «родственные или иные близкие отношения с негражданами Федерации». Аля сплошь ставила прочерки и писала слово «нет».

Затем Аля принялась за анкету «Взгляды и убеждения». Здесь все было понятно, часовых в старших классах учили отвечать на такие анкеты. В графе «Внесенные предложения» она с гордостью вывела «Предложения по официальной символике празднования 275-летия города», а из любимых государственных праздников обвела День молодежи.

Разобравшись с убеждениями, пододвинула к себе третий листок и с удивлением обнаружила, что это сканворд. «Мель через реку», — прочитала Аля в одной из клеток. Она посмотрела еще раз и снова не поняла, что следует вписывать в столбец. Здесь были «Хребет Южного Урала», «Происки, козни» и даже «Чемпионка Федерации по шахматам».

— Извините, — спросила Аля, выглянув из-за занавески, — Валентина Михайловна?

— Пиши-пиши, — отозвалась та, — тебе никто не должен подсказывать.

Аля вернулась за стол и снова посмотрела на таблицу, ее взгляд упал на клетку «Первая столица Японии». Она вздохнула и, взяв карандаш, принялась вписывать слова, которые вспомнила.

После того как закончила разгадывать сканворд, Аля сдала его вместе с другими бумагами, и Валентина Михайловна показала, где находится туалет.

— Потом спустишься на первый и найдешь 118-й кабинет, — пояснила кадровичка, обозначая улыбку уголками губ, — пока

тебя туда определили. А за удостоверением придешь ко мне часика в два. Все поняла? Ну давай, счастливо.

В 118-м Алю встретила девушка Лиза, маленькая азиатка в глухом черном платье. В комплекте с этим нарядом серьги и кулон кровавого отлива смотрелись несколько зловеще. Лиза сказала, что ее уже предупредили, что она рада, а то скучно сидеть одной, и что она тоже практикантка. Только Аля будет работать с программами секции «Общество», а у Лизы — «Культура».

Кабинет оказался совсем маленький, здесь даже не хватило места для двух столов, и посередине комнаты стоял один, правда, достаточно широкий. К нему были приставлены два древних стула. Еще из мебели водились тумбочка, прилепленная к единственному окну, да встроенный шкаф. Поверх облезлых обоев в зеленый горошек криво висел старый радиоприемник, из которого что-то пело на едва различимой громкости.

— Я еще тут только начинаю обживаться, — призналась Лиза, — раньше это вообще была такая конура — мамочки мои! Меня когда сюда привели, я чуть не заревела. Ну вдвоем-то с тобой мы тут быстро все в божеский вид приведем.

Никаких указаний пока не поступало, и Аля проболтала с Лизой до самого обеда. Узнала, что у той здесь работает сестра (ладно, не совсем здесь, она корреспондент в телецентре). Что Лиза уже второй раз не сдала экзамены в медицинский, и отец заставил ее искать работу. А еще Лиза по секрету сообщила, что позавчера ночью на ЦРУ случилось большое ЧП.

— Какой-то псих заперся в здании и отключил вещание, — шептала она, — его с милицией брали. Пойдешь через главный — увидишь, в холле даже стекла повыбивали.

— А что с ним потом стало? — поинтересовалась Аля, живо представившая милиционеров, прыгающих прямо в стекло. — И почему про это ничего не говорили по ящику?

— Понятия не имею, — помотала головой Лиза, — ну что могло быть? Наверное, забрали куда-нибудь. В милицию или в психушку.

На обед они сходили в местный буфет и уже на обратном пути договорились, что больше туда ни ногой. Отстаивать очередь в пятьдесят человек, чтобы купить салатик и булочку, это чересчур. Лиза пошла в кабинет — ей нужно было согласовать вопросы завтрашнего эфира с гостем. Аля же вернулась в кадровый за удостоверением.

Прослонявшись минут двадцать в коридоре, она дождалась Валентину Михайловну, несущую откуда-то пластмассовый бидончик с супом и жареное мясо в пакетике.

— Ну как, осваиваешься? — поинтересовалась кадровичка, доставая из ящика стола заполненный бланк удостоверения.

— Потихоньку, — сказала Аля.

— Давай-давай, — напутствовала ее та и принялась за еду.

Удостоверение оказалось синей картонной корочкой. Внутри было написано: «Алина Галеева, ассистент эфиров», — и стояла сегодняшняя дата. Снова и снова вглядываясь в не раз прочитанные слова, Аля вернулась в 118-й. Девушки долго изучали удостоверения друг друга, обсуждали, насколько они отличаются от тех, которые им приходилось видеть, и попутно болтали еще о десятке посторонних вещей. Потом они собрались пойти в одну из студий, где проходят эфиры Лизиного отдела, но тут в коридоре послышался громкий топот и крики.

Аля выглянула первой и увидела толпу людей в левой от их кабинета части коридора. Что происходит в правой, она поняла не сразу, как не сразу поняла, что за коричневое пятно с грохотом укатывается прочь.

Это был медведь. Он бежал на задних лапах, смешно виляя задом. Аля подумала, что ему, наверное, очень неудобно, и удивилась, что он не прыгает на всех четырех. Следом за медведем неслись двое: какой-то мужик в клетчатой рубашке и, похоже, один из охранников «Позывного» — на нем была форменная куртка. Охранник размахивал резиновой дубинкой, а незнакомый мужик на бегу целился из пистолета.

Медведь уже почти добежал до поворота, за которым лестница уводила в буфет, когда с той стороны громыхнуло. Звук был такой, словно повара одновременно саданули крышками по самым большим своим кастрюлям, а потом швырнули их в стену. В этот момент мимо Алиной двери протопала компания еще из трех охранников. Один из них даже зацепил Алю плечом, равнодушно зыркнул на нее из-под козырька бейсболки и, чавкнув что-то неразборчивое, двинулся дальше.

— Носится тут еще, — говорил первый загонщик, — его в том крыле все равно встретят. Дергаются чего-то…

Не то увидев этих самых встречающих, не то испугавшись грохота, медведь резко затормозил. Его туша колыхнулась и чуть не рухнула назад, но зверь схватился когтями правой лапы за стену и устоял.

Подбежавшие охранники одновременно загугукали. Они стали размахивать дубинками, а у клетчатого мужика в руках уже оказалась сеть. Медведь испуганно оглянулся, неуверенно махнул лапой, как отмахиваются от привязавшейся мухи, и попятился в угол. В него снова выстрелили, а потом стали бросать не то какие-то белые шарики, не то клочки ваты, которые загонщики

доставали из карманов. Медведь пытался от них уклоняться, но это у него не получалось. И тогда он закричал.

Аля вздрогнула и попятилась обратно. Медведь не рычал и не хрипел басом, он визжал неожиданно сдавленным фальцетом. Сначала непрерывно на одной ноте, а затем стал сбиваться на всхлипы и кашель.

Еще раз выглянув, Аля увидела, что загонщики повалили медведя, чем-то ткнули его в шею и быстро опутывают сетью тушу. Медведь немного посучил лапами, но движения его становились все более медленными, а всхлипы тихими. Напоследок медведь попробовал что-то выкрикнуть, но ему уже стянули пасть веревкой.

Аля снова нырнула в кабинет.

— Видела? — заговорщицким шепотом спросила Лиза. Аля потрясенно кивнула.

— Я не думала, что все так открыто будет, — продолжила шептать Лиза. — Мне Влад вчера сказал, что медведя после той истории возьмут, но я думала, это тихо пройдет.

— Какой истории? — тоже шепотом спросила Аля.

— Потом расскажу.

В коридоре что-то брякнулось и, судя по звуку, разлетелось на мелкие кусочки. Послышался топот многих ног и сопение, очевидно, охотники собирали трофеи.

В кабинет заглянул мужик в клетчатой рубашке, который стрелял по медведю из пистолета, — усатый круглолицый колобок около сорока пяти.

— Здравствуйте, девушки, — сказал он, вытирая со лба пот носовым платком.

Аля и Лиза растерянно поздоровались.

— У вас телефончик найдется? — спросил колобок и, не дожидаясь ответа, прошел к столу. Схватил трубку, нажал несколько кнопок и стал напряженно вслушиваться в гудки. — Юра! — радостно крикнул он наконец. — Да, все в порядке. Передай Станиславу Павловичу, чтоб присылали машину. Да, двоих будет достаточно.

В этот момент мимо дверей несколько человек протащили медведя. Тот лежал на спине, откинув назад лапы, будто сдавался. Было совершенно невозможно поверить, что медведь живой, он гораздо больше походил на чучело: обмякший и какой-то даже скучный. Мужики, тащившие тушу, тихо матерились, пытаясь ухватиться за сеть и веревки поудобнее.

Клетчатый оглянулся на эту процессию и снова перевел взгляд на девушек.

— Вот когда их так берешь, они тихие-тихие, — мечтательно

сказал он, теребя рыжий ус. Улыбнулся Але, подмигнул и вышел, однако тут же снова нарисовался в дверном проеме:

— Забыл представиться, меня зовут Александр Евгеньевич.

Колобок приподнял край несуществующей шляпы, и снова заулыбался так быстро, что казалось, будто никак не может прожевать большой кусок мяса и поэтому вынужден бесконечно двигать челюстями.

— А зачем вы его ловили? — спросила Аля, опасливо поглядывая в сторону коридора.

— Ты что! — возмутилась Лиза. — Медведь же теперь в нацприоритете!

— И что?

— И то… — сказала Лиза и почему-то запнулась на полуслове.

— Заступиться за родной Старостат, — пришел ей на помощь Александр Евгеньевич, продолжая жевать свое мясо, — не только патриотично, но и выгодно.

И тоненько захихикал, слегка запрокинув голову. Аля смотрела на него с удивлением.

— Девушки, — вдруг сказал колобок, резко подавив приступ веселья, — у вас ведь телефончик еще раз можно попользовать? Чудно. Старому солдату надо звякнуть своим боевым соратникам.

Он минуты три болтал в трубку про какие-то «разнакопления», то и дело выкрикивая: «В яблочко!» Наконец, шутовски поклонившись, вышел в коридор, и дверь за ним захлопнулась.

— А ты не участвуешь в конкурсе? — спросила Лиза, достав из стола салфетку и протирая трубку после клетчатого.

Аля возилась с чайником: хотела подогреть воду, но кнопка при нажатии не вдавливалась, а только западала, и ее снова приходилось выковыривать ногтем.

— Ты про тот, который на прошлой неделе объявили? — спросила она, тряхнув чайник и стукнув по его крышке. — Неа. А ты?

Лиза хмыкнула.

— Я написала сценарий серии передач. Про Урал. Про Бажова там, про Беловодье. Слышала когда-нибудь?

— Неа, — сказала Аля, все-таки доковыряв кнопку. — Ну про Урал-то слышала.

— Вот, — с удовлетворением заметила Лиза, — и я про то же. Короче, это будет авторский такой проект, просветительский, про то, что мы забыли Урал, а это неправильно. «Федерация вчера-завтра» называется. Пару дней назад закончила. И еще… Если будешь писать, то не пиши на имя Старосты. Мне брат сказал,

надо на имя Леонида Дорофеева — помощника по молодежке.

— Надо бы записать, — Аля рассеянно рассматривала кружку со сколотым краем, обнаруженную в шкафу: если помыть, может быть, даже и ничего.

Лиза тоже подошла к шкафу, вытащила свою маленькую красную кружку с изображением нечеткого памятника и надписью «Охранкультуре — 50». К ней она достала пакетики кофе и коробку из-под рафинада, в которой, судя по звуку, перекатывались только сахарные крошки.

— Слушай, — спросила Аля, — у вас тут еще много медведей работает? А то так и будут носиться по коридорам.

— Нет, — Лиза помотала аккуратно подстриженной головкой, — этот последний. Теперь поспокойнее станет.

Они принялись пить кофе, болтая о любимых телеведущих, кошках (обеим нравились длинношерстные) и вспоминая забавные случаи со своих экзаменов.

Рабочий день закончился. Лиза первой убежала к какой-то подружке, которой она помогала с написанием текста. Аля же закрыла кабинет, сдала ключ на вахту и вышла через главный холл — не потому, что так было удобнее, а потому, что ей хотелось почувствовать себя настоящей сотрудницей ЦРУ.

Домой возвращалась в приподнятом настроении. Троллейбуса дождаться не удалось, но зато она нашла, как существенно срезать путь по Малой Линейной, а потом по дворам.

В подъезде опять несносно пахло пережаренной рыбой. И, возможно, именно ее останки валялись на лестнице между первым и вторым этажом. Аля дважды наступила на стекло, долго искала в кармане ключ, а подойдя к своей двери, чуть не отпрыгнула назад: на полу, расстелив куртку, поджав колени и спрятав в них лицо, кто-то сидел.

— Ой, Алька, привет! — вскинулась Юляша. — А я к тебе — помыться. Можно? А то у нас горячей воды уже неделю нет.

Когда они прошли в квартиру, Юляша сразу бросилась рассказывать о происходящем на работе. За историю с медведями ей устроили разбор: присутствовали начальник сектора, начальник отдела и психолог — он и задавал вопросы. Юляша очень боялась, но тот оказался ничего, вполне нормальный. Все про мытье окон спрашивал. В итоге ей просто записали выговор и оставили на испытательном сроке.

— Мне говорят, что легко отделалась, — поделилась она.

Сумки с медведями Марта и девчонки сдали, не стали отпираться. У них тоже был какой-то разбор, но чем там все кончилось, Юляша не знала.

— А еще, пока я тебя ждала, какой-то мужик в форме принес это, — Юляша вытащила из безразмерного кармана своей куртки непрозрачный почтовый пакет, в каких обычно рассылают налоговые квитанции. Темно-темно-серый, почти черный. — Я за тебя расписалась.

Получив чистое полотенце, Юляша благодарно кивнула и упрыгала в ванную. А Аля взвесила в руке пакет и в задумчивости прошла на кухню за ножницами. Она срезала с правого края узенькую полоску и вытряхнула содержимое. Внутри оказался бумажный конверт с большим алым оттиском на лицевой стороне и отпечатанной в правом верхнем углу строчкой: «Личное. Алине Галеевой». Оттиск был знакомый, она сама не раз ставила такой еще в самом начале практики в Департаменте: огненный петух попирает лапами длинный ключ, из зубцов которого складываются буквы «КС».

Аля зажмурилась и почувствовала, как по телу бегут мурашки. Это был он! Он! Завизжав от счастья, она снова схватила ножницы и прошлась ими по самому краю конверта — чтобы не повредить даже крошечный кусочек письма.

Внутри лежали два листка тонкой полупрозрачной бумаги с четкими, будто бы от руки написанными буквами. Аля схватила первый из них и, пробежав глазами только верхние две строчки, радостно завопила:

— Юляшка! Юляшка, они ответили!

Юляша, конечно, не слышала, шум воды перекрывал любые звуки. Но Але это было неважно. Едва сдерживая себя, чтобы не высунуться в окно и не прокричать написанное прохожим, Аля бегала туда-сюда по комнате, перечитывая текст снова и снова.

«Уважаемая Алина! — говорилось в послании. — Самым сердечным образом благодарю Вас за обращение. Ваша решимость указать на непарадные уголки в работе нашего государственного аппарата вызывает уважение. Смелость Вашего поступка трудно переоценить.

Сообщаю, что факты, изложенные в Вашем письме, прошли проверку, и по их поводу в Департаменте подарков начато служебное расследование. В течение одной календарной недели виновные в идейно-хозяйственной небрежности будут выявлены и понесут причитающееся наказание.

От себя хочу отметить, что медведь, безусловно, был и остается символом смелости и чести. И так же, как честь, этот символ не может устареть. Указание на возвращение сувенирных медведей в каталоги Департамента дано мною руководителю Канцелярии Старостата Валентину Мамаре.

Не сомневаюсь, что в самое ближайшее время медведи

займут подобающее им место в ряду иных славных атрибутов федеративной государственности.

Благодарю Вас за редкое гражданское мужество и непоказной патриотизм.

Решением конкурсной комиссии Ваше письмо отнесено в финал конкурса молодежных и патриотических инициатив «Честное слово».

С уважением, Староста по Солнцу, С. К.»

— Финал! — крикнула Аля и засмеялась. — Финал!

Из ванной высунулась обмотанная полотенцем Юляша.

— Алька, что случилось? — с тревогой спросила она.

Вместо ответа Аля подлетела, поцеловала сестру в нос и, обняв за шею, завопила:

— Йа-ха-ха!

Потом они еще долго скакали по квартире, вырывали друг у друга письмо и хохотали до боли в животе. Аля отбила ступню на одном из слишком ретивых подпрыгиваний, но продолжала пританцовывать, даже хромая. В конце концов они рухнули на диван, и Юляша принялась снова — медленно и с выражением — читать письмо Старосты, а Аля нежно гладила ладонью тисненную бумагу второго листка. На нем красовались всего несколько слов, но они тоже были подарком феи-крестной:

«Вы приглашаетесь на церемонию открытия морской платформы олимпийской деревни, которая состоится в феврале будущего года. О точной дате Вы будете оповещены дополнительно.

С выражением признательности, Канцелярия Старосты по Солнцу».

— Теперь эти дуры прибегут тебя упрашивать вернуться, — все еще давясь смехом, сказала Юляша, — у них такие морды будут… — она состроила унылую рожу и снова расхохоталась.

— Да уж, — мечтательно согласилась Аля.

— Теперь ты их сама можешь всех уволить, — заявила Юляша и задумалась. Чувствовалось, что эта мысль только что пришла ей в голову и уже страшно понравилась. — Пусть катятся отсюда подальше! Не слушай их! Нет, ты ведь сейчас все можешь!

— Не буду, — сказала Аля. — Наверное, и правда прибегут, про финал конкурса же объявят.

— Да уже объявили, поди, — Юляша соскочила с дивана и крутанула ручку стоящего в углу приемника.

— … которых мы стыдимся… — выдавил приемник и зашипел.

— Он не работает, — махнула рукой Аля, — ворчит и свистит все время.

На кухне закипал чай. За окном уже было темно, и только мигающий фонарь у соседнего подъезда давал немного света. Он выхватывал из растекшейся по двору чернильной густоты край песочницы, лавку с двумя выломанными ребрами и половину куцего куста сирени, на большее сил не хватало. В небе пока проклюнулись только самые яркие звезды, да луна сырым блином висела над крышей дома напротив.

Стоя у окна, Аля рассеянно смотрела на надкусанную теменью песочницу. Из неплотно закрытой форточки дуло, но ей все равно казалось, что в квартире тепло и уютно.

Юляша увлеченно болтала о том, что неплохо бы обзвонить всех родственников. И на работу позвонить. И еще, наверное, папе. И кстати: что такое «олимпийская деревня»?

Аля водила пальцем по стеклу и думала о том, как все-все теперь будет хорошо.

Так хорошо, что просто не бывает.

Очень-очень-очень.

2008–2015

Благодарность

Полный текст «Репродуктора» опубликован проектом «Сборник» **Вадима Нестерова**. Так что хозяину — особая признательность.

Спасибо **Олегу Полетаеву** — за то, что подбил меня на участие в краудфандинговой кампании «Репродуктора», спорил со мной, не соглашался со мной, помогал мне.

Спасибо **Сергею Орехову** — за отличную обложку, а **Лене Терехиной** — за то, что терпела меня как автора.

Спасибо **Андрею Лазарчуку** и **Геннадию Баховцеву** — за то, что не забывают.

Спасибо **Лене Шетекаури** и **Володе Ильяшу** — за очень важную первую поддержку проекта, а **Ирине Мантуровой** и **Ане Нигаматуллиной** за не менее важный финальный аккорд.

Спасибо **Шамилю Идиатуллину**, **Марии Бухтуевой**, **Владиславу Моисееву**, **Алексею Макееву**, **Василию Дамову**, **Илье Лабунскому** — за поддержку в СМИ и блогах: она не только имела эффект, но и позволила почувствовать профессиональную солидарность, что само по себе дорогого стоит.

Спасибо — за вклад в «Репродуктор»:
Александре Захаровой,
Ольге Захаровой,
Василию Дремину,
Максиму Абрахимову,
Роману Черниговцеву,
Андрею Райму,
Антону Видишеву,
Александру Куприянову,
Марине Романовой,
Николаю Трушко,
Надежде Веселовой,
Александру Бабушкину,
Дмитрию Григорьеву,
Марии Марии,
вике,
eeed.

Спасибо всем помогавшим и сочувствовавшим, эта публикация стала возможной благодаря вам!